

НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Материалы XIII-й Международной конференции
«Становление и развитие научного
уголовно-процессуального и криминалистического
знания (XIX–XXI века)», 24–25 июня 2021

Часть 1

*Под редакцией
Н.П. Кирилловой, В.Д. Пристанскова
Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова*

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2022

УДК 343.2/.7:343.9:378.4
ББК 67+67.408+67.52+74.48(2-2Санкт)
НЗ4

Редакционная коллегия:

- Н.П. Кириллова**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», д-р юрид. наук,
В.Д. Пристансков, исполняющий обязанности заведующего, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», канд. юрид. наук,
В.Ю. Низамов, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», канд. юрид. наук,
Н.Г. Стойко, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», д-р юрид. наук

Рецензенты:

- Н.А. Данилова**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук,
К.Б. Калиновский, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия (г. Санкт-Петербург)», канд. юрид. наук

Научная школа уголовного процесса и криминалистики
НЗ4 Санкт-Петербургского государственного университета. Ч. 1 : Материалы XIII-й Международной конференции «Становление и развитие научного уголовно-процессуального и криминалистического знания (XIX–XXI века)», 24–25 июня 2021 : сборник статей / кол. авторов ; под ред. Н.П. Кирилловой, В.Д. Пристанскова, Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова. — Москва : РУСАЙНС, 2022. — 272 с.

ISBN 978-5-4365-9824-6

Настоящая работа представляет собой первую часть сборника научных статей, подготовленных по итогам XIII-й международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 24–25 июня 2021 года), посвященной становлению и развитию уголовно-процессуального и криминалистического знания. Сборник предваряется вступительными словами Председателя Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой. Включает в себя статьи отечественных ученых и практиков.

Ключевые слова: уголовный процесс; криминалистика; научное знание.

УДК 343.2/.7:343.9:378.4
ББК 67+67.408+67.52+74.48(2-2Санкт)

ISBN 978-5-4365-9824-6

© Коллектив авторов, 2022
© ООО «РУСАЙНС», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	6
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БАСТРЫКИНА	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МОСКАЛЬКОВОЙ	13
МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ	23
<i>Н. В. Азарёнок</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	23
<i>Т. М. Алексеева, А. А. Трефилов</i> ПРОКУРАТУРА В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	29
<i>А. А. Балашиова, К. А. Лонгольф</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	37
<i>С.В. Бурмагин</i> ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ИХ ПРИНЯТИЯ	43
<i>О. Ю. Ватутина</i> ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА РЕЗУЛЬТАТ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	53
<i>Л.М. Володина</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	58
<i>Л.В. Головки</i> РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ XIX В. И ИХ УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ВЛАСТЕЙ	64
3. 3. <i>Зинатуллин</i> УЧЕНЫЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ЛЕНИНГРАДСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ: К 40-ЛЕТИЮ ОЧЕРКОВ РАЗВИТИЯ НАУКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	72

<i>П. А. Каматесов</i>	ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА.....	79
<i>В. Н. Карагодин, Н. В. Карепанов</i>	КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛЕДАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	86
<i>О. А. Кожевников</i>	ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПОЛИЦИЕЙ (ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г.)	93
<i>Е. С. Крюкова</i>	КРИМИНАЛИСТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	104
<i>А. В. Кудрявцева, А. В. Петров</i>	ПРЕДЕЛЫ ПРАВ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ.....	112
<i>Н. Е. Муллахметова</i>	О СООТНОШЕНИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ НАЧАЛ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	125
<i>А. Д. Назаров, Д. С. Костенко</i>	АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ	138
<i>К. В. Питулько, А. А. Сергеева</i>	СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПК РФ В ЗЕРКАЛЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ.....	147
<i>В. Д. Пристансков, Е. В. Новикова</i>	ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ В СФЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ..	155
<i>С. В. Рудакова</i>	ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ	165
<i>Т. К. Рябинина</i>	ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРЕДАНИИ ОБВИНЯЕМОГО СУДУ: СОВЕТСКАЯ НАУКА О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАСТОЯЩЕГО ВОПРОСА.....	174

<i>И. Г. Смирнова</i>	ИДЕИ М. М. СПЕРАНСКОГО И СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	183
<i>Н.Г. Стойко, М.Н. Стойко</i>	ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО НА ЗАЩИТУ ОТ НЕОБОСНОВАННЫХ АРЕСТОВ, ОБЫСКОВ И ВЫЕМОК	193
<i>Е.Л. Сутормина</i>	КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПРИВИЛЕГИЯ: ТЕОРИЯ МОЗАИКИ И ПРОЦЕСС СБОРА «ЭЛЕКТРОННЫХ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	213
<i>А. А. Тимошенко</i>	СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА	220
<i>А. Г. Тузов</i>	ПРОИЗВОДСТВА ПО ПЕРЕСМОТРУ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	226
<i>А. Г. Харатишвили, Е.Е. Михайлова</i>	К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ	232
<i>О. Ю. Цурлуй</i>	О ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В ОНЛАЙН ФОРМАТЕ	243
<i>И. Н. Чеботарева, И. В. Ревина, О. С. Папутина</i>	ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В НОРМАХ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1922–2001 Г.Г.).....	249
<i>Е.А. Чеснокова</i>	К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: АНАЛИЗ РЕФОРМЫ АДВОКАТУРЫ В ИТАЛИИ	259

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Азаренок Николай Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета

Алексеева Татьяна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Антилевская Юлия Александровна, аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Балашова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Бурмагин Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Северный институт предпринимательства

Ватутина Оксана Юрьевна, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, член ННО «АК «АЛИБИ»

Володина Людмила Мильтоновна, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Головко Леонид Витальевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова

Зинатуллин Зинур Зинатуллович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета

Каматесов Павел Александрович, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, член СКА «Налоги, экономика, бизнес»

Карагодин Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации

Карепанов Николай Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральского государственного юридического университета

Костенко Дмитрий Сергеевич, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета

Крюкова Евгения Сергеевна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры криминалистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кудрявцева Анна Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, судья Санкт-Петербургского городского суда

Лонгольф Кирилл, курсант Восточно-Сибирского института МВД России

Михайлова Екатерина Евгеньевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, полковник юстиции

Муллахметова Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии

Назаров Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ и Сибирского федерального университета

Новикова Елена Владимировна, адвокат Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

Петров Александр Васильевич, доктор юридических наук профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Питулько Ксения Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Пристансков Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, и.о. заведующего и профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

Рудакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета имени А.А. Хмырова, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

Сергеева Анжелика Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Смирнова Ирина Георгиевна, доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования, заместитель директора по научной работе Института государства и права, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Института государства и права Байкальского государственного университета

Стойко Николай Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Стойко Мария Николаевна, адвокат Санкт-Петербургского филиала Международной коллегии адвокатов «Почуев, Зельгин и партнеры», Адвокатская палата г. Санкт-Петербург

Сугормина Екатерина Леонидовна, магистр права, адвокат Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга

Тимошенко Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор Университета прокуратуры Российской Федерации

Трефилов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая Школа Экономики»

Тузov Андрей Геннадьевич, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Цурлуй Олеся Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Российский государственный университет правосудия (Центральный филиал)

Харатишвили Антон Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, полковник юстиции

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

Чеснокова Екатерина Александровна, кандидат медицинских наук, магистр права, доцент, кафедра организации здравоохранения и медицинского права Санкт-Петербургского государственного университета

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БАСТРЫКИНА

Искренне рад приветствовать участников и гостей Международной научно-практической конференции «Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета».

Разрешите поздравить вас с началом её работы и выразить признательность организаторам за прекрасную возможность вспомнить истоки зарождения и обсудить современное состояние и перспективы развития наук уголовного процесса и криминалистики.

В этом году исполнилось 115 лет со дня рождения Ивана Филипповича Крылова – выдающегося человека, которого без преувеличения можно отнести к плеяде великих ученых, стоявших у истоков отечественной криминалистики.

Основоположник петербургской школы криминалистики, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор и мой учитель Иван Филиппович Крылов прошёл большой, сложный, и в тоже время прекрасный жизненный путь.

В 1930-м году он окончил факультет советского права Ленинградского университета и после этого трудился на юридическом поприще – был адвокатом, потом заведующим юридической консультацией. В 1939-м избран председателем городской коллегии адвокатов Ленинграда.

В первые же дни Великой Отечественной войны Иван Филиппович добровольцем вступил в ряды народного ополчения и встал на защиту Родины в качестве рядового бойца, затем всю войну служил в органах военной прокуратуры. Великую Победу он встретил в должности заместителя прокурора 3-го Белорусского фронта. Был награжден боевыми орденами и медалями Великой Отечественной войны.

В 1948 году он стал преподавателем кафедры уголовного процесса и криминалистики Ленинградского государственного университета.

С тех пор его успешная научная и педагогическая деятельность неразрывно связаны с юридическим факультетом ЛГУ, где за несколько десятилетий он создал ленинградскую школу криминалистов.

Научное наследие Ивана Филипповича многогранно. С равным успехом он разрабатывал как частные вопросы криминалистической

науки, так и вопросы высокого методологического уровня. Обладал высоким многогранным талантом и широкой эрудицией, являясь по сути «историком» и «философом» криминалистики. Иван Филиппович был прекрасным педагогом и наставником.

Его труды по истории криминалистики можно назвать **энциклопедией отечественной криминалистики**.

Хорошо известны труды Ивана Филипповича по проблемам судебной экспертизы и трасологии. Они оказали огромное влияние на становление современной судебной экспертизы и криминалистики.

Многие поколения юристов слушали замечательные лекции профессора И.Ф. Крылова в стенах Санкт-Петербургского государственного университета. Его жизненной позицией было служение закону во имя защиты прав простых людей.

Более 50 его учеников стали профессорами, докторами и кандидатами наук. Причём не только в России, но и почти во всех республиках бывшего СССР.

Им опубликовано свыше 100 научных трудов, в том числе восемь монографий, получивших высокую положительную оценку специалистов и в нашей стране, и за рубежом.

Иван Филиппович неустанно следил за последними достижениями науки и техники, ратовал за их внедрение в практическую деятельность. Его идеи сегодня успешно воплощаются в жизнь в практической деятельности следователей и криминалистов Следственного комитета России!

Новейшие достижения науки и техники информационные и другие технологии входят сегодня в процесс расследования преступлений через деятельность Главного управления криминалистики и Судебно-экспертного центра Следственного комитета.

Конечно же, с того времени научно-технический прогресс, а вслед за ним и криминалистическая техника сделали стремительный шаг вперед. В настоящее время следователю необходимо не только хорошо ориентироваться в информационно-коммуникационных технологиях, но и очень хорошо представлять, где преступник мог оставить свои следы, в чем могло найти отражение совершенное им преступление.

Эти центры нашего ведомства стали важнейшим инструментом повышения качества следствия и непрерывного совершенствования криминалистического и экспертного обеспечения следователей.

Немало исследований Ивана Филипповича посвящено **криминалистическому учению о следах**. Первой такого рода работой стала

его монография «Следы на месте преступления» (1961), где последовательно изложена криминалистическая характеристика отдельных видов следов (рук, ног, зубов, крови, слюны, спермы и других выделений человека).

В его исследованиях большое внимание уделено закономерностям образования и высокой информативности следов в широком значении этого понятия. Обстановку преступления, как справедливо утверждал И.Ф. Крылов, можно рассматривать как совокупность самых различных следов, объединенных между собой теми или иными формами связи, объективными и очень глубокими по своему значению и содержанию.

Об определяющей роли научных знаний в расследовании преступлений Иван Филиппович Крылов в своих научных трудах писал неоднократно. Он постоянно подчеркивал, что из всех юридических дисциплин именно наука криминалистика наиболее тесно связана с практикой раскрытия и расследования преступлений, поэтому успехи криминалистики напрямую отражаются на показателях работы следователей.

С учётом этого НИИ криминалистики Главного управления Следственного комитета в настоящее время проводит активные научные исследования по 28 актуальным темам следственной и судебно-экспертной деятельности.

Уважаемые коллеги!

В завершение хотелось бы отметить, что Иван Филиппович любил студенчество, постоянно общался с молодыми людьми и был убежден, что назначение преподавателя заключается в передаче самого лучшего опыта новому поколению криминалистов и тем, кто на практике будет применять положения криминалистической науки.

Иван Филиппович ушел из жизни, оставив после себя богатое научное наследие и многочисленных благодарных учеников. Это был талантливый ученый и практик, человек высокой культуры, редкой доброты и высокой нравственности, настоящий гражданин и патриот нашей Великой Родины.

Словами огромной благодарности и уважения хотел бы завершить своё памятное слово об Иване Филипповиче Крылове и пожелать всем участникам международной конференции в славном Петербургском государственном университете успехов и новых достижений в научном обеспечении чрезвычайного процесса – процесса поиска и достижения истины в уголовном судопроизводстве и, в конечном счете, утверждения важнейших принципов добра и справедливости!

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МОСКАЛЬКОВОЙ

Уважаемые участники конференции!

От имени аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и от себя лично приветствую организаторов, участников и гостей международной научно-практической конференции «Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Становление и развитие уголовно-процессуальных и криминалистических знаний (XIX-XXI века)».

В первую очередь позвольте выразить благодарность за приглашение принять участие в столь масштабном и значимом форуме.

Проводимые Санкт-Петербургским государственным университетом научно-практические конференции всегда привлекают внимание как представителей научной общественности, так и правоприменителей, поскольку за вами стоит известная научная школа, а результаты форумов имеют ярко выраженную практическую направленность.

Отрадно видеть, что наряду с основным форумом Университетом одновременно проводится и молодежная секция. Это крайне важно, поскольку она призвана дать импульс деятельности молодых ученых, интересующихся уголовно-процессуальной материей. От того, в каком нравственном векторе мы сможем их научить мыслить во многом будет зависеть как будущее законодательство, так и сама правоприменительная деятельность.

В современных условиях развитие уголовно-процессуальных и криминалистических знаний во взаимосвязи с их историческим анализом имеет важное и без всякого преувеличения подчеркну – общегосударственное значение. И площадка для обсуждения этих сложных вопросов выбрана совершенно не случайно.

Как известно благодаря Петру Великому в Санкт-Петербургском университете в 1724 году была создана первая в России школа юристов. Университет всегда славился тем, что предоставлял своим выпускникам не только высокопрофессиональное специальное, но и блестящее общее образование.

Справочно: университет стал отличной школой для будущих политических деятелей, поэтому многие его выпускники впоследствии занимали высокие государственные посты – здесь учились будущие министры, политические лидеры (Александр Федорович Керенский,

Борис Владимирович Штюрмер, Владимир Ильич Ленин) и президенты Российской Федерации (Владимир Владимирович Путин, Дмитрий Анатольевич Медведев).

Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета по праву считается одной из старейших и ведущих в нашей стране. Она зародилась в XIX веке в Санкт-Петербургском Императорском Университете и ее становление неразрывно связано с деятельностью таких крупных русских ученых юристов, как Яков Иванович Баршев, Александр Андреевич Квачевский, Анатолий Федорович Кони, Павел Исакович Люблинский, Василий Иванович Назанский, Владимир Данилович Спасович, Иван Яковлевич Фойницкий.

В советский период она также подарила науке и практике целую плеяду выдающихся ученых и педагогов в сфере уголовного процесса.

Справочно: Николай Сергеевич Алексеев, Иван Филиппович Крылов, Полина Соломоновна Элькинд, Владислав Григорьевич Даев, Владимир Захарович Лукашевич и ряд других.

И в настоящее время заведует кафедрой яркая личность, политик и государственный деятель – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Алексей Иванович Александров, который является активным участником и в области обеспечения защиты прав человека, выступая в качестве члена Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Сегодня в современном уголовном процессе накопилось множество проблем и нерешенных задач. Они касаются в том числе и таких моментов как обеспечение нравственных основ уголовного процесса. Эта проблема является неременным спутником данного вида деятельности на всех исторических этапах его развития, начиная с практические со времен инквизиции.

Именно ей я и хотела бы посвятить свое сегодняшнее выступление.

Казалось бы, почему именно эта тема при наличии множества других не менее серьезных вопросов?

Ответ лежит на поверхности – ни одно научное исследование в сфере уголовного процесса и судопроизводства немисливо без изучения нравственных основ данной деятельности и законодательства, ее регулирующего. Именно нравственные принципы определяют моральный характер всех процессуальных действий, процессуальных отношений, моральное сознание всех участников уголовного процесса.

В основе любого процессуального и особенно уголовно-процессуального законодательства и его правоприменительной дея-

тельности наряду с правовыми нормами должны лежать нормы нравственности, поскольку как очень точно отметил выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых, недобросовестных руках. Самый нравственный закон не может достигнуть своей цели, если он реализуется безнравственными методами.

Примечательны также и его высказывания о значении нравственности при рассмотрении дела в суде. «В каждом судебном действии наряду с вопросом, «что» следует произвести, возникает вопрос о том, «как это произвести». Нужно настойчиво желать, чтобы «в выполнение форм и обрядов, которыми сопровождается правосудие, вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа. Здесь этические требования сливаются с эстетическими...».

Именно Анатолий Федорович Кони первым предложил преподавание нравственных начал уголовного судопроизводства как самостоятельной дисциплины и считал, что она имеет огромное значение для правосудия. Его работа «Нравственные начала в уголовном процессе» до сих пор берется за основу всеми учеными, занимающимися нравственными проблемами в судопроизводстве.

Нельзя здесь обойти вниманием и других известных ученых, и практиков. К примеру, Владимир Данилович Спасович, будучи практикующим адвокатом (заслужил титул «король» адвокатов) был одним из тех, кто не только считал, что не все средства хороши в достижении цели, но и отстаивал этот нравственный принцип на практике.

Разные аспекты нравственных начал в уголовном процессе рассматривались Иваном Яковлевичем Фойницким, Сергеем Ивановичем Викторским и многими другими.

Для уголовного судопроизводства формирование законодательства и правоприменительной практики на основе норм нравственности и морали имеет особое значение в силу того, что данный вид государственной деятельности связан с вторжением в личную жизнь граждан, применением мер принуждения, возможностью ограничения конституционных прав и свобод личности.

Закон как известно слеп и глух, и лишь в руках профессионалов, наделенных определенными моральными качествами, он обретает жизнь, выливаясь в решения, не только законные, но и справедливые. Именно принимаемые решения формируют у населения доверие к закону в целом, к судебной власти и правоохранительным органам, в частности.

Главная цель уголовной юстиции – справедливость, может быть в идеале достигнута только при наличии нравственных условий для отыскания истины в каждом конкретном случае. Причем достижение этой правой цели должно, как известно, осуществляться только правыми средствами.

Меры государственного принуждения должны быть не только безупречны с точки зрения соблюдения формальных правил, но и справедливы, то есть применяться исключительно в отношении виновного и соразмерно его действительной ответственности перед обществом и государством за нарушение уголовно-правового запрета. Только при этих условиях указанные меры могут быть понятны и оправданы в индивидуальном и общественном сознании и служить его воспитанию в духе уважения правопорядка.

Ежегодно в уголовно-процессуальную сферу вовлекаются сотни тысяч граждан. В рейтинге обращений, поступивших в мой адрес как Уполномоченного по правам человека Российской Федерации в 2020 году, вопросы защиты прав человека в уголовном процессе занимают первое место. На втором – смежные вопросы, связанные с нарушениями уголовно-исполнительного законодательства.

Справочно: в 2020 году поступило 11469 обращений по вопросам защиты прав человека в уголовном процессе, что примерно находится на уровне прошлых лет: в 2019 году – 12168, в 2018 году – 11191. При этом количество нарушений уголовно-исполнительного законодательства в 2020 г. повысилось на 11%.

Многие из существующих современных проблем в уголовном процессе не являются новыми как таковыми, а восходят к своим историческим основам, сформировавшимся еще в дореволюционный период. Они не потеряли своей актуальности и до настоящего времени, поэтому остановлюсь на некоторых из них.

В первую очередь это касается такой правовой категории как презумпция невиновности.

Как показывает деятельность Уполномоченного, граждане нередко сталкиваются с практикой, противоречащей конституционному положению, закрепляющему презумпцию невинности.

Исходя из принципа презумпции невиновности, нельзя признать нравственными и законными, скоропалительные публикации и выступления в средствах массовой информации, в которых обвиняемый называется преступником, а данные предварительного следствия преподносятся как истинные, необоснованно причиняя гражданину мо-

ральный ущерб, нанося урон его чести. Наверное, вы согласитесь со мною, что такое на практике встречается достаточно часто.

Другая часть проблемы заключается в том, что согласно Конституции Российской Федерации, признавать лицо виновным в совершении преступления правомочен только суд путем вынесения приговора и вступления его в законную силу. В связи с этим, возникает вопрос о реализации данного принципа тогда, когда уголовное преследование на досудебном производстве прекращается по нереабилитирующим основаниям.

Справочно: при освобождении лица от уголовной ответственности внесудебными органами по следующим основаниям:

– истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

– смерть подозреваемого или обвиняемого, (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

– прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ);

– издание акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

В таких случаях в постановлении следователя (дознателя) фактически делается вывод о виновности лица в совершении преступления, что вызывает определенное противоречие конституционному положению, в котором указывается на возможность признания лица виновным только судом.

Законодатель, пытаясь неким образом урегулировать этот парадокс, создал дополнительную гарантию прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) – обязательное получение его согласия на прекращение уголовного преследования. В соответствии с положениями УПК РФ, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям невозможно, если обвиняемый возражает против этого.

Однако, нередко встречаются ситуации, когда обвиняемый (подозреваемый) фактически не возражает против прекращения уголовного дела органом расследования, с признанием его вины из-за опасений худшего исхода в суде.

В нарушение названного принципа обвиняемые вынуждены доказывать свою невиновность, их доводы в свою защиту следователями, судом – не проверяются, а любые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого.

Презумпция невинности включает в себя и правило оценки доказательств и правило бремени доказывания. Сомнение в пользу подсудимого представляет его конституционную защиту. Подозрение не

может быть надежной основой для назначения наказания. Однако на практике нередко бывает иначе.

В ряде случаев суд в нарушение уголовно-процессуального закона и требований Верховного Суда Российской Федерации основывает обвинительный приговор на предположениях.

Объективный, непредвзятый подход к собиранию, проверке и оценке доказательств на основе внутреннего убеждения и высокого правосознания следователей, дознавателей и судов, а также к разрешению уголовного дела по существу есть не только их правовой, но и нравственный долг.

Привлечение невиновного к уголовной ответственности, инкриминирование ему преступления, которое он в действительности не совершал, а равно оправдание виновного в совершении наказания, оставление его безнаказанным безнравственно, противоречит нормам морали, несовместимо с представлениями о справедливости.

Другой острой проблемой уголовно-процессуальной деятельности являются длительные сроки расследования.

Это явление перманентно и известно еще и в Российской Империи. В Уставе Уголовного Судопроизводства 1864 года, который явил собой итоги правовых реформ Александра II в уголовно-процессуальной сфере, было установлено: «предварительное следствие должно быть производимо со всевозможной скоростью» (статья 295). Фактически определенного процессуального срока следствия, как и расследования в целом он не предусматривал. Лишь в УПК РСФСР 1922 года было закреплено, что «предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого».

По вопросам объективности, полноты и длительности сроков расследования к Уполномоченному в 2020 году поступило 5128 жалоб (в 2018 году – 4473, в 2019 году – 5623).

Уголовные дела нередко расследуются годами. И не всегда это касается тех, которые связаны с многоэпизодными и экономической направленности.

Справочно: одним из ярких примеров подобной ситуации является уголовное преследование М., которое длится на протяжении более 14 лет. При этом за вменяемое ей преступление приговором Кузьминского районного суда г. Москвы от 4 сентября 2008 г. она была осуждена к 5,5 года лишения свободы, 3,5 из которых М. отбыла реально в изоляции от общества.

Указанный приговор был отменен постановлением Президиума Московского городского суда от 4 декабря 2009 г. Для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела в суде предварительное следствие было возобновлено, после чего велось более 10 лет, и в конечном итоге уголовное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу. Спустя столь длительное время с момента возбуждения уголовного дела, в нарушение всех разумных сроков уголовного судопроизводства, приговором Кузьминского районного суда г. Москвы от 13 ноября 2020 г. М. осуждена к 5 годам лишения свободы. В настоящее время приговор обжалован, М. добивается своей полной реабилитации.

С проблемой длительности сроков расследования неразрывно связан и следующий острый вопрос – сроки содержания под стражей за судом.

Меня как Уполномоченного и правозащитное сообщество в целом беспокоит отсутствие сроков содержания под стражей обвиняемых, дела по которым переданы в суд.

В настоящее время они практически безграничны – в уголовно-процессуальном законе содержатся лишь формальные ограничения, определяющие максимальный срок содержания под стражей в период предварительного расследования, за пределами которого, по общему правилу, дальнейшее пребывание обвиняемого под стражей недопустимо.

Количество жалоб Уполномоченному на необоснованность избрания и длительность сроков содержания под стражей в 2020 году составило 656 и сохранилось на уровне предыдущего периода.

Для решения данной проблемы представляется целесообразным установить запрет на продление срока содержания под стражей свыше 18 месяцев, в том числе включая время, необходимое для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела

Следующим вопросом, на котором хотелось бы остановиться через призму его нравственного рассмотрения – это обеспечение лицам, находящимся в орбите действия уголовно-процессуального законодательства, реализации права на свидание с родственниками.

Реализация данного права имеет не только гуманитарно-нравственный аспект, но и играет важную роль в достижении целей исправительного воздействия н лицо, подвергнутое ограничению свободы.

В мой адрес поступает много жалоб на отказы следователей во встречах подозреваемых и обвиняемых с родственниками. Заявители жалуются, что порой эту возможность проявления милосердия и гума-

низма по отношению к ним используют в качестве инструмента давления и получения признательных показаний.

В этой связи должен быть установлен жесткий перечень критериев отказа следователями (дознателями) в предоставлении свидания обвиняемым по уголовным делам с родственниками и иными лицами.

Нельзя допускать, чтобы институт «разрешения свиданий» превращался в средство морально-психологического давления и воздействия на лиц, заключенных под стражу, унижения их человеческого достоинства, и имеющий целью понудить к самооговору и идти на сделку с правосудием.

Опосредованно с указанной проблемой связаны и вопросы перевода, осужденного в исправительное учреждение, расположенное вблизи его места жительства или его близких родственников.

И здесь благодаря активной работе Уполномоченного в прошлом году произошли значительные позитивные изменения.

Справочно: при непосредственном участии Уполномоченного был принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (по вопросу перевода, осужденного в исправительное учреждение, расположенное вблизи его места жительства или его близких родственников), благоприятный эффект от которого смогли получить тысячи осужденных.

Отдельно остановлюсь также на нравственных аспектах стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе.

Позволю напомнить, что возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса появилась только в советский период – в связи с принятием Основ уголовного судопроизводства (1958 г.) и Уголовно-процессуального кодекса (РСФСР 1960 г.).

Основной проблемой здесь является то, что сам факт возбуждения уголовного дела не только не означает начала уголовного преследования против конкретного лица, но и вообще не ставит его в положение какого-либо участника процесса.

Такие понятия как «лицо, в отношении которого ведется следствие», «лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело», либо «подследственный» российскому уголовному судопроизводству не известны и их существование не безусловно не только в правовом, но и нравственном отношении.

С моральной стороны гражданин, чье имя связывается с подобными формулировками, без всяких процессуальных оснований становится обвиняемым в общественном сознании. И он становится объек-

том внимания со стороны окружающих, а в определенных случаях и со стороны журналистов, что решительно противоречит нравственному стержню презумпции невиновности и всему построению уголовного процесса.

Другой стороной проблемы этой стадии является фактическая неурегулированность правового статуса заявителя и потерпевшего и их правовая незащищенность. Именно по этой причине еще в ежегодном Докладе за 2019 год мною было предложено осуществить реформирование стадии возбуждения уголовного дела в целях обеспечения неукоснительного соблюдения прав заявителей.

Справочно: в сентябре 2020 года вопрос «О дополнительных мерах по защите прав и интересов граждан, пострадавших от преступных посягательств» рассмотрен на оперативном совещании Совета Безопасности Российской Федерации, в решении которого предусматривается поручение Государственной Думе и Совету Федерации проработать вопросы о внесении изменений в законодательство, расширяющих правовые гарантии защиты прав заявителя и потерпевшего.

Нравственные проблемы реабилитации.

В соответствии с данными статистики по реабилитирующим основаниям органами предварительного расследования и вступившими в законную силу решениями судов принято решений о признании права на реабилитацию в связи с незаконным уголовным преследованием в 2020 году в отношении 15 935 лиц.

Справочно: в 2016 году – 18767 лиц, в 2017 году – 18 543; в 2018 году – 18 497; в 2019 году – 18 423.

Для органов предварительного вопросы реабилитации являются особенно болезненными, потому как рассматриваются не с нравственной позиции освобождения от ответственности невиновного и торжества закона, а некий брак в работе.

Приведенная статистика показывает незначительное снижение числа реабилитированных граждан, однако взысканные компенсационные выплаты лицам, подвергнутым незаконному уголовному преследованию, демонстрируют увеличение с каждым годом.

Добиться положительных результатов по восстановлению прав заявителей, подвергающихся уголовному преследованию, крайне сложно и именно поэтому проблемы необоснованного вовлечения граждан в доследственные проверки и расследование уголовных дел находятся на особом контроле у Уполномоченного.

Уважаемые коллеги!

Свое выступление я бы хотела завершить словами великого русского историка и мыслителя Николая Михайловича Карамзина – «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество».

Если мы приблизимся к этому хотя бы применительно к уголовно-процессуальной деятельности, то это станет огромным шагом вперед и снимет множество существующих проблем.

Мною была обозначена лишь малая толика проблем, которая возникает и у правоприменителей, и у граждан в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Задача научного сообщества не только обсуждать их, но и предлагать конкретные пути и механизмы для их разрешения.

Именно в этих целях по инициативе Уполномоченного 1 февраля 2019 г. на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА) в 2019 году был создан и успешно действует первый Научно-образовательный центр по правам человека (НОЦ).

В числе его задач не только вопросы проведения научных исследований, но и интеграция перспективных направлений науки и высшего образования, решение актуальных проблем юридической практики в области прав и свобод человека и гражданина.

В заключение желаю организаторам и участникам конференции плодотворной работы и успехов в достижении поставленных целей.

Уверена, что конференция станет продуктивным форумом для обмена мнениями и опытом, а выработанные по его результатам предложения и рекомендации будут носить актуальный характер и окажутся востребованными в практической деятельности.

Спасибо за внимание!

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

Н. В. Азарёнок

кандидат юридических наук, доцент, докторант
кафедры судебной деятельности и уголовного процесса,
Уральского государственного юридического университета

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена исторической обусловленности отечественного уголовного процесса, в которой традиционно выделяется три этапа: дореволюционный, советский и современный. Методологической основой такого исследования является сравнительно-исторический метод, не сводящийся к событийному описанию произошедшего, а используемый для выявления ментальных особенностей русского народа, позволивших ему стать частью романо-германской правовой системы и принять ее смешанное уголовное судопроизводство, вместо англо-саксонской состязательной модели.

Ключевые слова: уголовный процесс; тип уголовного судопроизводства; национальный менталитет; история отечественного уголовного процесса

Nikolai V. Azarenok

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Doctoral
Student of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure,
Ural State Law University

HISTORICAL CONDITIONALITY OF THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the historical conditionality of the domestic criminal process, which is traditionally divided into three stages: pre-revolutionary, Soviet and modern. The methodological basis of such research is a comparative-historical method, which is not limited to an event description of what happened, but is used to identify the mental characteristics of the Russian people, which allowed them to become part of the Romano-German legal system and adopt its mixed criminal proceedings, instead of the Anglo-Saxon adversarial model.

Keywords: criminal procedure; type of criminal proceedings; national mentality; history of domestic criminal proceedings

На сегодняшний день, прежде чем вести речь о перспективах российского уголовного процесса, следует в первую очередь установить его историческую обусловленность. В этом плане справедливым является утверждение о том, что «право каждой новой эпохи с точки

зрения исторического развития – это ступень на пути прогресса. И чтобы подняться на новую ступень оно должно опираться на достижения прошлого... новое в праве только тогда сможет оправдать свою роль и назначение, когда оно обладает способностью воспринимать и аккумулировать то лучшее, подлинно гуманное, что выработано в ходе многовекового правотворческого процесса» [5, с. 25]. К этому призывает профессор З.З. Зинатуллин: «...надлежит самым серьезным образом исследовать социально-правовую природу современного российского уголовного процесса, ее сущность, содержание, социальную ценность» [3, с. 334]. Рассматриваемый вопрос приобретает особую значимость в виду того, что по мнению современных ученых к концептуальным недостаткам УПК РФ относятся отсутствие в нем истины, принципа публичности, требования всесторонности, полноты и объективности, задач уголовного судопроизводства [4, с. 74; и др.] т.е. положений составлявших основу советского уголовного процесса и образовавших его смешанную форму.

Эволюция отечественной уголовно-процессуальной деятельности традиционно делится на три этапа: дореволюционный, советский и современный. При этом первый из них, исчисляемый с древнейших времен, является самым продолжительным и состоящим из череды важнейших общественно-правовых событий. Поэтому его по праву можно считать определяющим в исследуемом вопросе. Именно в ходе него в нашей стране сложились условия, приведшие в 1864 г. к закреплению в Уставе уголовного судопроизводства (далее – Устав) смешанной континентальной формы уголовного процесса с выделением в нем досудебной и судебной частей. «Если резюмировать значение одного из четырех Судебных уставов – Устава уголовного судопроизводства – для российского уголовного процесса, – пишет Л.В. Головкин, – то оно сводится к тому, что этот Устав окончательно сформировал в России институциональную уголовно-процессуальную инфраструктуру, которая является, во-первых, современной, во-вторых, европейской, в-третьих, по своей сущности континентальной (романо-германской). Никто, конечно, не отрицает, что данная инфраструктура начала складываться в нашей стране задолго до Судебной реформы, однако именно Устав уголовного судопроизводства завершил процесс ее формирования» [2, с. 28]. Очевидно, что истоки и причины появления смешанного отечественного уголовного судопроизводства следует искать в событиях, предшествующих принятию Устава. Это объясняется тем, что «... столь своеобразное содержание национальной правовой культуры складывается не в XIX и даже не в XVIII веке, а значительно

раньше, беря истоки из древнего славянского права, причудливо впитавшего в себя позже и азиатский, и европейский обычай [1, с. 91].

Методологической основой такого исследования является сравнительно-исторический метод, не сводящийся к событийному описанию произошедшего, а используемый для выявления ментальных особенностей русского народа, позволивших ему стать частью романо-германской правовой системы и принять ее смешанное уголовное судопроизводство, вместо англо-саксонской состязательной модели. Делается это через географию, религию, а также отношения государства и личности.

Географическое положение нации, в частности соседство с мировыми цивилизациями, традиционно играет ключевую роль в ее становлении и последующем функционировании. Так, зарождению Древнерусского государства и определению вектора его развития как единого и централизованного образования способствовало добровольное призвание варягов. При этом последние, будучи носителями франкских традиций, а не скандинавских общественных порядков, привили нашей стране «ген» сильного правления на основе доминирования публичного интереса над частным. Данный факт принципиально отличает нас от Англии, также покоренной в 1066 г. норманнами, которым для удержания власти на острове пришлось договариваться с местным населением, что привело к формированию равноправных с завоевателями отношений. Изложенное указывает на историческую близость России не к Англии, а к странам континентальной Европы, поскольку становление нашего государства изначально пошло по франкскому, а не англо-саксонскому пути.

Расположение России на пути «из варяг в греки» обусловило ее тесное взаимодействие с Византией, бывшей для нас «проводником» греко-римской цивилизации и оказавшей значительное влияние на становление отечественного государства и права. Поэтому изначально древнерусский уголовный процесс формировался во многом под влиянием греческих правовых доктрин, являвшихся основой романо-германской правовой системы.

Определяющим для развития Руси стало ее крещение, ускорившее европеизацию всех сторон жизни. Одной из причин, способствовавших принятию и последующему распространению христианства в нашей стране, стало его «ценностное» совпадение с такой ключевой установкой отечественного менталитета, как правда. Новая религия смогла удовлетворить давно назревшие общественные потребности в поисках и установлении истины, придав ей сакральный характер. Цер-

ковь, заручившись поддержкой со стороны государства и граждан, монополизировала право трактовки рассматриваемого явления и использовала его, в частности, для борьбы с инакомыслием. В итоге опора канонического процесса на поддерживаемый населением концепт «правды» с применением передовых греческих правовых положений предопределила принятие церковного судопроизводства светским, что во многом привело к формированию его следственной формы. Успех произошедшего объясняется тем, что отдельные элементы розыска уже давно присутствовали в мирском процессе, создав тем самым благоприятные условия для безболезненного перехода канонического процесса в правовую систему.

Реализации истины в светском судопроизводстве также, как и в Европейских странах, способствовало усиление центральной власти, начатое норманнами и предопределившее дальнейшие отношения между государством и личностью в России. Так, сакральное восприятие славянами своих правителей и готовность добровольно нести бремя службы им обусловили доминирование общественного интереса над личным, что привело к формированию отношений власти-подчинения. В этом мы похожи на своих западных соседей по континенту и отличаемся от англичан, которые после нормандского завоевания смогли выстроить диалог с ними путем взаимных уступок друг другу. Поэтому отношения государства и личности в рассматриваемых странах имели принципиально разную природу. Если на островной его части они строились на «горизонтальных» условиях равноправия, то в Евразии действовала «вертикаль» подчинения.

Изложенное позволяет установить историческую обусловленность отечественного уголовного судопроизводства. Географическая близость к двум ведущим цивилизациям того времени – Франков и Византийцев имела определяющее значение для становления Древнерусского государства. Так, если Франки принесли к нам идею сильного и централизованного государства с вертикальными отношениями власти с гражданами, то византийцы через крещение Руси и церковь придали формальную определенность такому неотъемлемому атрибуту отечественного менталитета, как правда, образовав тем самым «генетический код», сформировавший в итоге у нас смешанное судопроизводство. Все это привело к закреплению в Уставе континентальной формы уголовного процесса с установкой на достижение объективной истины, доминированием публичного интереса над частным и выделением в нем по французскому образцу досудебной и судебной частей. Произошедшее стало возможным благодаря нашему историческому развитию в русле романо-германской правовой семьи и соответствие отечествен-

ному национальному менталитету таких ключевых его положений, как правда и публичность.

Несмотря на попытки большевиков полностью отказаться от оставшегося им наследия, континентальная модель с вышеизложенными системообразующими компонентами была в целом сохранена, поскольку факторы, ее обуславливающие, продолжали свое определяющее воздействие на уголовный процесс. Вместе с тем, содержание уголовно-процессуальной деятельности заметно изменилось в виде преобразования досудебного производства в две самостоятельные стадии: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также существенным обвинительным уклоном судебного разбирательства. Это явилось следствием полного поглощения частного интереса публичным, что привело к потере юридического влияния защиты в судебном производстве и ее фактическое отсутствие в досудебном.

В период смены советской правовой системы на российскую возможно было два сценария реформирования отечественного уголовного судопроизводства. В первом случае «ядро» смешанного уголовного процесса оставалось неизменным и дополнялось лишь различными правообеспечительными механизмами, усиливающими частное начало, тогда как во втором не публичный, а личный интерес занимал ведущее положение в процессе, означавшем замену цели доказывания на формальную истину, с преобразованием формы всего уголовного судопроизводства в состязательную. Именно последний сценарий был взят за основу разработчиками УПК РФ. В соответствии с ним они постарались исключить из кодекса такие системообразующие компоненты смешанного уголовного процесса, как истина и публичность, однако создать состязательное судопроизводство у них в итоге не получилось. 20-летний опыт действия УПК РФ показал ошибочность избранного реформаторами пути. Уголовно-процессуальная деятельность так и не стала состязательной, англо-американской, сохранив деление на досудебное и судебное производства, образующих континентальную модель.

Несмотря на это на сегодняшний день уголовно-процессуальная наука продолжает во многом по инерции развиваться в русле позиций процессуалистов, появившихся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века условно объединенных идей всеобщей «либерализации» уголовно-процессуальной деятельности, т.е. отказа от традиционной смешанной формы в пользу состязательной в целом и введения следственного судьи в частности. Иного видения этого вопроса, оформленного в соответствующую концепцию, нет поскольку ученые, стоящие на кон-

сервативных позициях, так и не смогли определиться с тем, чем наполнить старые «меха». В результате вместо эволюционного пути развития отечественного уголовного судопроизводства мы имеем дело с активным навязыванием нам дальнейшего его революционного преобразования.

Очевидно, что причиной несовершенства УПК РФ является отход его разработчиков от исторической формы российского уголовного процесса с нарушением главной методологической установки ее оптимизации – сохранения объективной истины и установления соответствующего современным демократическим требованиям соотношения публичного и частного интересов.

Список использованных источников

1. Гирько А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях: дис. ...канд. фил. наук. Ставрополь, 2006.
2. Головкин Л.В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 1.
3. Зинатуллин З.З. Задачи российской уголовно-процессуальной науки в свете трехлетнего юбилея УПК РФ // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международ. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.): В 2 ч. - Екатеринбург, 2005. Ч. 1.
4. Ветрова Г.Н. Тенденции развития процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. М., 2004.
5. Швецков Г.В. Преемственность в праве: Научно-теорет. пособие для преп. вузов по спец. «Правоведение». М., 1983.

Т. М. Алексеева,

кандидат юридических наук,
доцент юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

А. А. Трефилов,

кандидат юридических наук,
доцент факультета права
Высшей школы экономики

ПРОКУРАТУРА В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Авторы на основе нормативных и доктринальных источников анализируют наиболее значимые в компаративном отношении особенности прокуратуры в княжестве Лихтенштейн. С этой целью рассмотрены основные положения Закона о прокуратуре 2010 года и Уголовно-процессуального кодекса 1988 года, которые определяют правовой статус данного органа власти. Проанализированы основные требования, которые предъявляются к кандидатам на прокурорские должности. Показано, что в настоящее время в Лихтенштейне прокуратура не является частью Министерства юстиции и представляет собой самостоятельный государственный орган (ранее она состояла при суде). В уголовном процессе на неё возлагается производство дознания; после этого она либо передаёт дело следственному судье для производства предварительного следствия, либо направляет его суд первой инстанции для рассмотрения по существу. Данная научная статья может быть полезна всем, кто интересуется организацией правоохранительных органов в зарубежных странах, уголовным судопроизводством, а также вопросами сравнительного правоведения.

Ключевые слова: Закон о прокуратуре, Уголовно-процессуальный кодекс, прокуратура, сотрудники прокуратуры, кандидаты на прокурорские должности, функции прокуратуры, уголовное судопроизводство, дознание, поддержание обвинения в суде первой инстанции, принцип обвинения.

Tatiyna M. Alexeeva,

PhD in law, Associate Professor
St. Petersburg State University

Aleksandr A., Trefilov

PhD in Law, Associate Professor
HSE University

PROSECUTOR'S OFFICE IN LIECHTENSTEIN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The author analyzes the most significant features of the Prosecutor's office in the Principality of Liechtenstein on the basis of normative and doctrinal sources. For this purpose, the main provisions of the law on the Prosecutor's office of 2010 and the Criminal procedure code of 1988, which determine the legal status of this authority, are considered. The main requirements for candidates for Prosecutor's positions are analyzed. It is shown that at present the Prosecutor's office in Liechtenstein is not part of the Ministry of justice and is an independent state body (previously it was part of the court). In criminal proceedings, it is entrusted with the production of an inquiry; after that, it either passes the case to the investigating judge for preliminary investigation, or sends it to the court of first instance for consideration on the merits. This scientific article can be useful to anyone who is interested in the organization of law enforcement agencies in foreign countries, criminal proceedings, as well as issues of comparative law.

Keywords: The law on prosecution, code of Criminal procedure, the Prosecutor's office, prosecutors, candidates for prosecutorial positions, functions of the Prosecutor's office, criminal litigation, inquiry, maintenance of prosecution in court of first instance, the principle of the charges.

В княжестве Лихтенштейн действует, как и в Российской Федерации, автономный Закон о прокуратуре (*Staatsanwaltschaftsgesetz*) от 15 декабря 2010 г. (в редакции от 1 января 2019 г.), который определяет основы её правового статуса и может также рассматриваться в качестве источника уголовно-процессуального права. Данная законодательная традиция восходит к княжескому Постановлению о прокуратуре от 19 мая 1914 года 1. С. 15].

Действующий Закон о прокуратуре не содержит легального определения данной категории, но устанавливает, что она при выполнении задач, возложенных на неё законом или международным договором, ответственна за обеспечение интересов государства в области правосудия, в особенности, в уголовном судопроизводстве. На неё возлагается в уголовном процессе поддержание публичного обвинения, а также отвечающее целям юстиции уголовное преследование (ст. 2).

В этой связи новейшие конституционные изменения относительно статуса прокуратуры, его закрепления в Конституции РФ, представляются весьма значимыми. В соответствии с Основным законом прокуратура Российской Федерации – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416).. При этом полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1.

Рассмотрим компаративно значимые особенности прокуратуры Лихтенштейна:

1) **Прокуратура обладает независимостью**, в том числе в уголовном судопроизводстве. Согласно ст. 4 Закона о прокуратуре прокуроры независимы при выполнении своих задач, поскольку данный закон не предусматривает иное. Прокуроры работают самостоятельно и под свою ответственность. Одной из гарантий прокурорской независимости является недопустимость совмещения государственных должностей: прокуроры не могут работать в Ландтаге, в Правительстве. Им запрещено выполнять функции главы муниципального образования (ч. 2 ст. 41). Похожие требования содержатся и в отечественном законодательстве относительно требований, предъявляемых к прокурорским работникам (См. ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" и ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215).

Вместе с тем независимость прокуратуры с учётом организационного и функционального разделения властей не является абсолютной. Согласно ст. 8, Правительство может руководителю прокуратуры письменно давать генеральные указания, а также указания по конкретному уголовному делу.

Российское законодательство, напротив, не предусматривает того, чтобы Правительство РФ давало какие-либо обязательные указания Генеральной прокуратуре РФ. Это, на наш взгляд, является несомнен-

ным плюсом нашей системы, поскольку Прокуратура РФ осуществляет надзор за исполнением законов всеми органами власти и их должностными лицами.

Кроме того, в Лихтенштейне по отдельным вопросам прокуратура *подотчётна* Правительству. Например, об уголовных делах, которые представляют особый интерес, руководитель прокуратуры незамедлительно направляет *отчёты* члену Правительства, компетентному в отношении прокуратуры, и председателю Правительства (ч. 1 ст. 13).

В Российской Федерации, в отличие от данной системы, кроме того, воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, и др. на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности влечет за собой установленную законом ответственность (ст. 5 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Кроме того, законом предусмотрен и внутриведомственный надзор за надлежащим исполнением прокурорами своих полномочий, в том числе в уголовном процессе. Служебный надзор за прокурорами, за кандидатами на прокурорскую должность, которым доверено выполнение прокурорских задач, за непрокурорскими служащими возлагается на руководителя прокуратуры. Служебный надзор за руководителем прокуратуры возлагается на Правительство (ч. 1 ст. 20). Такой принцип централизации положен в основу и системы РФ.

Добавим к этому, что отменённый УПК 1913 года определял прокуратуру как орган «при Суде земли» (*bei dem Landgericht*). Согласно § 12, при Суде земли назначаются прокурор и (его) заместитель. В настоящее время прокуратура Лихтенштейна рассматривается в качестве самостоятельного государственного органа, который в институциональном отношении не входит ни в Верховный суд, ни в Министерство юстиции [3, с. 42].

2) Достаточно подробно урегулированы *действия прокурора, не согласно с выданными ему указаниями*. Согласно ст. 9, прокурор, который считает неправомерным данное ему указание, сообщает об этом руководителю прокуратуры или Правительству. Если прокурор считает указание неправомерным или требует подтвердить указание в письменном виде, то руководитель прокуратуры или Правительство дают письменное указание, а в противном случае указание рассматривается как отозванное. Если прокурор убеждён в противоправности или недопустимости требуемого от него поведения или устанавлива-

ются иные достойные принятию во внимание обстоятельства, руководитель прокуратуры должен освободить его от дальнейшего ведения дела по письменному и надлежащим образом обоснованному требованию, если только речь не идёт об опасности промедления в отношении неотложных мер. В Российской Федерации указанные отношения рассматриваются через призму принципа централизации, принимая во внимание тот факт, что Генеральный прокурор Российской Федерации руководит системой прокуратуры Российской Федерации (см. ст. 17 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации).

3) **Назначение прокуроров на должность** относится к компетенции Правительства. Оно назначает прокуроров через заключение письменного служебного контракта (ч. 3 ст. 32). К кандидатам предъявляются такие требования, как прилежание, выдержка, дееспособность, надёжность, решительность и целеустремлённость, коммуникативность и умение установить отношения со сторонами (п. «с-d» ч. 2 ст. 31). Как мы видим, часть требований имеет *конкретный*, а часть *оценочный* характер.

Поправками в Конституцию РФ установлено, что Генеральный прокурор РФ и его заместители, прокуроры субъектов РФ и прокуроры приравненного к ним уровня назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. Прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором Российской Федерации. Вместе с тем, Президент РФ не входит в сложившуюся систему разделения властей, таким образом, обеспечивая независимость прокуратуры.

4) **Основы правового статуса прокурора.** Согласно ст. 36, *прокуроры должны быть верны государству и неукоснительно принимать во внимание правовую систему Лихтенштейна.* Они должны полностью посвятить себя службе, выполнять обязанности добросовестно, беспристрастно и бескорыстно, а также как можно скорее доводить до конца поступившие в прокуратуру дела. В последнем случае законодатель заботится о принципе разумных сроков судебного разбирательства. Прокуроры обязаны содействовать подготовке кандидатов на прокурорскую должность и судебных практикантов. Прокуроры должны вести себя *на и во вне* службы безупречно и оставить всё, что может умалить доверие к прокурорским функциям.

Относительно «верности государству» следует отметить, что в нашей стране согласно последним конституционным изменениям, про-

курорами могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Прокурорам в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти).

5) **Специфическое основание для увольнения со службы.** Правительство может прекратить служебные отношения с прокурором по существенным производственным или экономическим основаниям, в особенности, *при недостаточности финансовых средств* (в отношении судей аналогичная норма законом не предусмотрена). В данном случае должность прокурора исключается из штатного расписания. Предварительно перед увольнением заслушивается затрагиваемый прокурор, а также руководитель прокуратуры (ст. 50). Таким образом, если в бюджете не хватает денежных средств на содержание служащих, то государство вынуждено уволить (сократить) часть из них.

В Российской Федерации отношения, связанные с гражданской службой, а также при сокращении должностей гражданской службы или упразднении государственного органа урегулированы нормами Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации".

6) **Место жительства прокурора.** Установлено, что при исполнении обязанностей «прокурор находится внутри страны или *в приграничном государстве* и гарантирует, что он в любое время доступен и может производить необходимые официальные действия» (ч. 3 ст. 12 Закона о прокуратуре). Относительно Лихтенштейна приграничными государствами являются только Австрия и Швейцария. Данное положение может быть рассмотрено в контексте *географического детерминизма*. Таким образом, в отличие от России, в княжестве допускается наличие у прокурора вида на жительство в другом государстве.

Основные функции прокурора в уголовном процессе Лихтенштейна определяются в § 20 УПК, согласно которому к сфере деятельности прокурора относится участие во всех урегулированных законом производствах, в частности, в расследовании и рассмотрении по существу уголовных дел о преступлениях, уголовных проступках и наруше-

ниях. Анализ полномочий прокурора позволяет разделить их на три группы:

1) Осуществление надзора за полицией при осуществлении ею дознания. Прокурор вправе давать указания сотрудникам полиции по вопросам расследования конкретного уголовного дела. Как мы видим, предусмотрено тесное взаимодействие указанных органов. Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также **надзор за процессуальной деятельностью органов дознания** и органов предварительного следствия.

2) Производство дознания по уголовным делам. При этом дознание (первоначальное расследование) может окончиться либо передачей дела следственному судье для производства следствия либо направлением дела в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу. Согласно § 21 УПК, прокуратура все уголовно наказуемые деяния, которые ей становятся известными и подлежат расследованию и наказанию не только по требованию участников процесса, расследует *ex officio* при поддержке полиции, чтобы принять решение о необходимости предварительного следствия или назначения наказания судом.

3) Поддержание государственного обвинения в суде первой инстанции. Суд не вправе приступить к рассмотрению дела, если в установленном законом порядке лицу не было предъявлено обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния – в этом состоит **принцип обвинения**. При этом, согласно ст. 19 Закона о прокуратуре, поддержание обвинения при рассмотрении дела по существу, поскольку это отвечает интересам поддержания целесообразного уголовного преследования, по возможности передаётся тому прокурору, который преимущественно занимался до этого данным делом (ч. 2). Поддержание обвинения при рассмотрении дела по существу перед единоличным судьёй при Суде земли может быть передано также кандидату на прокурорскую должность (ч. 3). В России в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор также поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Обращает на себя внимание то, что отказ от преследования в отношении направленного на рассмотрение в суд преступного деяния в любом случае подлежит ревизии (ч. 2 ст. 11 Закона о прокуратуре). Законодатель как будто бы с недоверием относится к фактам отказа прокурора от государственного обвинения, подозревая в этом коррупционную составляющую или иное нарушение действующего законодательства.

Кроме того, на прокуратуру возлагается ведение специального журнала (Ежедневника) (*Tagebücher*), в который заносятся сведения о расследованиях по уголовным делам. **С целью научного исследования** руководитель прокуратуры может предоставлять возможность ознакомления с журналом. По общему правилу это возможно только **через 10 лет** после окончания уголовного судопроизводства.

Таким образом, в Лихтенштейне прокуратура в настоящее время представляет собой самостоятельный и независимый государственный орган. Вместе с тем Правительство вправе давать ей указания по отдельным вопросам. Установлены строгие требования к кандидатам на прокурорские должности. Обязанности прокурора, предусмотренные в законе, имеют и правовой, и морально-этический характер. В целях укрепления законности подробно урегулированы действия прокурорского работника, не согласного с данными ему указаниями. Важная особенность законодательства Лихтенштейна: отсутствует запрет на проживание прокурора за рубежом. В уголовном процессе прокуратура, с одной стороны, вправе давать указания полиции, с другой – самостоятельно производит дознание, а впоследствии поддерживает государственное обвинение в суде.

Список использованных источников

1. Batliner Gerard. Einführung in das lichtensteinische Verfassungsrecht. Teil 1. 1993.
2. Villiger Mark. Quellen der Grundrechte: landesrechtlicher und völkerrechtlicher Grundrechtsschutz. Liechtenstein-Institut. 2012.
3. Wanger Ralph. Staatsangehörigkeit. Liechtenstein-Institut. 2007.
4. Wille Michael Tobias. Keine Strafe ohne Gesetz. Liechtenstein-Institut. 2012.
5. Wille Michael Tobias. Recht auf ordentlichen Richter. Liechtenstein-Institut. 2012.
6. Wille Michael Tobias. Recht auf wirksame Verteidigung. Liechtenstein-Institut. 2012.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ"О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти"// Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
8. Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Лихтенштейна. М., 2013.
9. Степанов А.И. Неизвестный Лихтенштейн. М., 2002.
10. Трефилов А.А. Уголовно-процессуальный кодекс Лихтенштейна: комментарий и перевод. М., 2012.

А. А. Балашова

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД

К. А. Лонгольф

курсант Восточно-Сибирского института МВД

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с оптимизацией путем цифровизации процессуальных действий обеспечения защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях на начальной стадии уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость перевода процессуальных действий в цифровой контент совершенствования практики возбуждения уголовного дела в цифровом поле, использования всех современных способов в реализации права в целях четкого исполнения ст. 52 Конституции Российской Федерации. Содержатся предложения по решению данных проблем. А также отмечается уголовное судопроизводство следует рассматривать как единую государственную властную деятельность, начиная с сообщения о совершенном преступлении и заканчивая окончательным разрешением всех материальных и процессуальных вопросов, возникающих по делу.

Ключевые слова: судопроизводство, оптимизация, цифровизация, уголовный процесс, электронный документооборот.

Anna A. Balashova

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in law
Lieutenant Colonel of Police

Kirill A. Longolf

2nd year FPA cadet
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS

The article deals with the problems associated with the optimization by digitalization of procedural actions to ensure the protection and prosecution in criminal proceedings, registration and consideration of reports of crimes at the initial stage of criminal proceedings. The article substantiates the need to translate procedural actions into digital content, improve the practice of initiating criminal proceedings in the digital field, and use all modern methods in the implementation of the law in order to clearly implement Article 52 of the Constitution of the Russian Federation. Contain suggestions for solving these problems. And it is also noted that criminal proceedings should be considered as a single

state power activity, starting with the report of the crime committed and ending with the final resolution of all material and procedural issues arising in the case.

Keywords: legal proceedings, optimization, digitalization, criminal procedure, electronic document management.

Уголовно-процессуальное право – это наука, регулирующая деятельности государственных органов, которые занимаются обвинением и защитой граждан, пострадавших или совершивших правонарушения. Эта наука производная из уголовного права, но это не делает ее менее важной, поскольку именно уголовный процесс определяет, как будут защищаться права граждан. Данной наукой определяется ход расследования, что является наиболее важным в раскрытии преступления и вынесения справедливого приговора суда. Именно поэтому оптимизация уголовного процесса является одной из приоритетных задач для современного российского общества. Повышение эффективности и скорости расследования преступления в уголовном процессе путем цифровизации является наиболее основным направлением в упрощении судопроизводства и ведении следственных действий. Определяется это тем, что на сегодняшний день прогресс ушел далеко вперед, появились технологии мгновенной доставки информации, в том числе и документов любой важности. Именно скорость доставки информации и является одним из основополагающих факторов в этом вопроса. Поскольку это напрямую влияет на то, как быстро будет рассмотрено, то или иное процессуальное обращение или будет принято решение на разрешение следственных действий.

Стоит сказать и о том, что преступность также переходит на использование информационных технологий, что сказывается на характере преступлений и их количестве в информационной сфере. Несмотря на происходящие изменения в качественных характеристиках современной преступности, связанных с использованием при совершении преступлений информационных и коммуникационных технологий, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации долгое время оставалось не восприимчивым к данной очевидной тенденции. Что является большим упущением современного российского судопроизводства [1, с. 46]. На данную проблему обращал внимание, в том числе и министр МВД России генерал полиции В.А. Колокольцев, а конкретно он обратил внимание на то, что, учитывая масштабы распространения киберпреступлений, разнообразие схем и методов их совершения, отсутствие единых алгоритмов выявления и раскрытия, добиться кардинального улучшения ситуации мерами исключительно

организационного и оперативно-розыскного характера не представляется возможным [2, с. 5].

Цифровизация уголовного процесса должна решить сразу несколько важных проблем. Одна из них, в условиях тотальной рационализации и стремлении упростить волокиту и в тоже время повысить общий коэффициент полезного действия сотрудника органов внутренних дел. Говоря конкретнее, то под этим подразумевается переход на более современные технологии в том числе и переход на электронное судебное производство. Данные меры позволят сэкономить время сотрудника органов внутренних дел, прокуратуры на доставку документа вышестоящим инстанциям, то есть в суд или непосредственному руководителю. Также, в теории, должна повыситься скорость рассмотрения, а следственно и ответа на процессуальные документы и запросы, поскольку доставка этих документов станет мгновенной. Поскольку каждое уголовное дело должно рассматриваться очень тщательно, должны приниматься во внимание все мелкие детали психологии и поведения человека со стороны, как пострадавшего, так и подозреваемого.

Оптимизация уголовного судопроизводства путем цифровизации должна внедряться постепенно, поскольку в Российской Федерации нет большого наработанного опыта в сфере электронного документооборота, а электронное судебное производства не практиковалось вовсе. Поэтому стоит внедрять такую практику постепенно с учетом опыта наших коллег из западных стран, которые уже внедрили у себя такую практику и находятся на стадии внедрения. Стоит отметить явное отставание Российского права в этом плане. К примеру, в Великобритании еще в 1993 году впервые судом было рассмотрено дело, где преступление в суде было спроецировано 3-д голограммой, присяжные и судья увидели все обстоятельства преступления в мельчайших подробностях. Как позже отмечал один из присяжных, у него создалось чувство, как будто он сам сидел за кустом и наблюдал за всем произошедшим воочию. По комментариям видных прокуроров и адвокатов, а также ученых процессуалистов Великобритании, такой подход к делу в разы повышает эффективность и правомерность вынесения приговора, улучшает восприятие всех участников дела и открывает новые возможности, как для стороны обвинения, так и для защиты. По отметкам адвокатской палаты, мы должны опираться, прежде всего, на Австрийский и Германский опыт, поскольку в этих странах уже завершился переходом на электронный документооборот, а также у нас присутствуют схожие моменты правовые системы.

Отправным моментом цифровизации уголовного процесса должны стать отношения, которые инициируют его начало. То есть первыми цифровыми процессуальными документами должны стать:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;
- или сообщения о совершенном либо готовящемся преступлении, полученные из иных источников [3].

Также поводом к возбуждению уголовного дела должна восприниматься информация о преступлении, которое находится на стадии планирования, при условии облачения ее в перечисленные выше процессуальные формы.

Хотим отметить, что если заявление или явка с повинной поступают в качестве заявления в правоохранительные органы в устном виде, в таком случае аналогично остальным документам, инициирующим производство по уголовному делу должны быть полностью отражены в цифровом поле зафиксировавшие данный факт протоколы. Поскольку именно зафиксированные, в какой-либо процессуальной форме поводы к возбуждению уголовных дел являются «импульсом» к реальному возбуждению уголовно-процессуального судопроизводства, в связи с этим именно данная стадия должна стать отправной точкой и первыми объектами цифровизации.

Стоит отметить еще один важный момент использования эффективного оборудования и программного обеспечения, в ходе цифровизации начальных стадий уголовного судопроизводства это будет позволять проводить точную фиксацию времени обнаружения процессуальных поводов к возбуждению уголовных дел. Это в свою очередь позволит организовать строгий контроль за соблюдением должностными лицами сроков процессуального реагирования на полученный повод о возбуждении уголовного дела, а также анализировать и дать более объективную оценку эффективности в организации уголовного преследования лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений.

Мы подразумеваем, что в рамках электронного уголовного дела будет возможен в большинстве своем обмен любой процессуальной информацией между участниками уголовного судопроизводства должен будет осуществляться в электронном виде. В электронном виде направляются жалобы, заявляются ходатайства и отводы, передаются

копии соответствующих процессуальных документов и т.д. Автоматически могут исчисляться сроки производства по делу, за определенное время до истечения сроков соответствующие участники процесса об этом уведомляются.

В электронном уголовном деле может быть предусмотрен сервис расположения всех материалов дела в хронологическом порядке. Материалы всех процессуальных и следственных действий должны размещаться на электронном портале не позднее следующего рабочего дня с момента их окончания.

В целом цифровизация судопроизводства должна решить сразу несколько проблем в реализации уголовного права нашего государства. Одно из самых важных, на мой взгляд, является то, что это даст возможность разгрузить практических работников следственных органов, суда и прокуратуры, что приведет к увеличению эффективности труда людей. Также это откроет новые возможности для более точного отслеживания времени процессуальных действий и это только самые явные плюсы. Но не стоит забывать, что все эти меры дадут ощутимый эффект только при условии постепенно внедрения, это должно реализоваться путем поэтапной реформы. В каждом этапе этой реформы нужно будет учитывать все трудности, которые могут возникнуть при ее реализации, главное это учесть подготовленность людей к использованию цифровых технологий. Здесь стоит учитывать опыт наших западных коллег, которые более прогрессивны в этом плане. Возможно, при подготовке реформы, а также для практического анализа того, как будет влиять каждый этап на уголовно-процессуальную систему в целом, стоит начать с одной или нескольких «экспериментальных» федеральных субъектов, которые станут своеобразными полигонами проб и ошибок, что позволит не допустить эти же ошибки в масштабах целой страны, данная практика, к слову, уже использовалась в нашем государстве. Стоит сказать отдельно о важности именно поэтапного и максимально плавного внедрения цифровизации в уголовный процесс и отметить, что в случае неудачи весь позитивный уголовно-процессуальный опыт будет потерян и это может сильно усложнить все процессуальные действия, что на несколько лет приведет к неэффективности уголовно-процессуальной системы.

В связи с этим процесс цифровизации уголовного судопроизводства должен базироваться на единой платформе, связывающей не только все этапы производства по делу, но и должностных лиц любого из ведомств, осуществляющих определенные этапы этой деятельности. Такая площадка должна соответствовать нормативной базе, быть

доступной для всех участников процесса, права и интересы которых затрагиваются рассматриваемой деятельностью. Платформа должна представлять собой гибкую цифровую систему, обеспечивающую сохранность тайны производства с учетом ряда параметров, включая следственную тайну, защиту чести и достоинства человека, его права на неприкосновенность частной жизни, семейную и иную охраняемую законом тайну. Но по другим параметрам она должна быть доступна в установленных законом рамках фигуранту этого процесса, его адвокату и представителю. Кроме того, по определенным параметрам, соответствующим закону, эта платформа также должна быть доступна другим лицам для проведения исследований и обобщения практики уголовного судопроизводства в прошлом; для средств массовой информации, предоставляющих общественности доступ к информации о ходе производства по определенным делам или в ходе публичных дебатов по определенным правовым вопросам, а также для обеспечения защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства и т. д.

Список используемых источников:

1. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. №4 (44). С. 45-49
2. Балашова, А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2020.
3. Новолодский, Ю.М. Цифровизация уголовного судопроизводства / Новолодский, Ю.М // сайт: Федеральной палата Адвокатов Российской Федерации: 2020г. [Электронный ресурс] <https://fparf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnogog-sudoproizvodstva/>

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ИХ ПРИНЯТИЯ

Статья посвящена уголовно-процессуальному институту «дополнительных судебных решений», который в сравнении с аналогичными институтами других видов судопроизводства не получил должного развития. Большинство решений суда, дополняющих (уточняющих) приговор или иной акт уголовного правосудия, выносятся под видом «разъяснения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора» в рамках отдельного судебного (исполнительного) производства, осуществляемого в порядке ст. 399 УПК РФ, тогда как эти решения являются неотъемлемой частью и логическим продолжением основного производства по уголовному делу и их принятие должно проходить в форме дополнительной судебной процедуры. С учетом существующих в правосудии способов конкретизации основного судебного решения автором предлагается ввести в уголовный процесс дифференцированную процедуру принятия судом дополнительных решений.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, акт правосудия, сомнения и неясности приговора, устранение недостатков судебных решений, дополнительное судебное решение.

Sergey V. Burmagin

Cand. Sci. in Law (PhD), Associate Professor, Senior research fellow
Northern Institute of entrepreneurship (Arkhangelsk)

ADDITIONAL JUDICIAL DECISIONS IN THE CRIMINAL PROCESS AND FEATURES OF THE MECHANISM OF THEIR ADOPTION

The article is devoted to the criminal procedure institute of "additional judicial decisions", which, in comparison with similar institutions of other types of legal proceedings, has not received proper development. Most court decisions that supplement (clarify) a sentence or other act of criminal justice are issued under the guise of "clarifying doubts and ambiguities arising in the execution of a sentence" in the framework of separate judicial (enforcement) proceedings carried out in accordance with art. 399 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, whereas these decisions are an integral part and logical continuation of the main proceedings in a criminal case and their adoption should take place in the form of an additional judicial procedure. Taking into account the existing methods of specifying the main judicial decision in the justice system, the author proposes to introduce a differentiated procedure for making additional decisions by the court in the criminal process.

Keywords: criminal procedure, court, act of justice, doubts and ambiguities of the verdict, elimination of shortcomings of court decisions, additional court decision

В теории уголовного процесса все процессуальные решения по критерию их относимости к разрешению главного (основного) вопроса рассматриваемого дела принято подразделять на основные и вспомогательные.

Основные решения, как указывает П. А. Лупинская, характеризуются тем, что в них содержится оценка совокупности собранных доказательств и на основе установленных обстоятельств даются ответы на основные вопросы по уголовному делу [3, с. 45]. Главный вопрос любого судебного дела заключен в соответствующем процессуальном обращении, породившем судебное производство. Так, существо уголовного дела, поступившего с обвинением, составляет вопрос об уголовной ответственности обвиняемого лица (его виновности и мере уголовной ответственности), который и является главным вопросом уголовного дела [4, с. 7–8].

Вспомогательные судебные решения – иные решения суда, имеющие место в любом судебном производстве на всем его протяжении, они прямо не касаются главного вопроса дела, но при этом способствуют его разрешению и подчинены общим задачам осуществления правосудия по конкретному делу, т. е. выполняют в производстве по делу служебную роль. Вспомогательный характер этих решений раскрывается в тех подготовительных, организационных, познавательных действиях и обеспечительных мерах суда, на реализацию которых они непосредственно направлены.

Вспомогательные решения, как правило, – текущие решения, сопровождающие судебное производство и предшествующие его завершению, они входят в ту часть деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, которая составляет процесс рассмотрения дела до его разрешения. Основное решение суда является одновременно и заключительным (итоговым) в том смысле, что в нем суд разрешает правовой конфликт или спорный правовой вопрос, составляющий предмет рассматриваемого дела, тем самым оно констатирует в пределах конкретного судебного производства, что ожидаемое по делу правосудие свершилось.

Однако основное решение не всегда бывает последним в «своем» судебном производстве, не всегда завершает его. Так, производство по уголовному делу в суде первой инстанции не оканчивается вынесением приговора или иного итогового судебного решения, оно продолжается

посредством выполнения судом заключительных (обязательных и факультативных), обеспечительных по своей сути процессуальных действий [1, с. 226–227; 7, с. 17–19].

Помимо выполнения этих действий на завершающем этапе производства по уголовному делу в суде первой инстанции предусмотрено вынесение постановления об удостоверении правильности поданных сторонами замечаний на протокол судебного заседания либо об их отклонении (ч. 3 ст. 260 УПК РФ), а также принятие в соответствии с ч. 4 ст. 313 УПК РФ решений по вопросам, указанным в частях 1, 2, 3 и 5 ст. 313 УПК РФ, если эти вопросы не были разрешены одновременно с постановлением приговора или иного итогового решения по делу.

Если первый из перечисленных видов решений (ст. 260 УПК РФ) носит явно выраженный вспомогательный характер – направлен на обеспечение сугубо процессуальных прав сторон, то решения в порядке и по основаниям ст. 313 УПК РФ имеют иное значение. Они направлены на удовлетворение индивидуальных «материальных» прав и интересов, не охваченных приговором или иным актом правосудия, поэтому их можно расценивать как *дополнительные*. Распространяя судебную защиту на права и интересы, затронутые судебным производством, но не обеспеченные приговором, дополнительные решения тем самым способствуют осуществлению уголовного правосудия по конкретному делу в более полном объеме.

В дополнительных постановлениях (определениях) суд разрешает правовые вопросы: а) не включенные законодателем в содержание приговора, но которые связаны с осуждением лица и касаются его личных, непроцессуальных прав и интересов (части 1, 2, 2.1 ст. 313 УПК РФ) либо частных интересов потерпевшего (ч. 5 ст. 313 УПК РФ) либо интересов адвоката, защищавшего осужденного по назначению суда и приобретшего право на вознаграждение (ч. 3 ст. 313 УПК РФ); б) включенные в перечень ст. 299 УПК РФ (например, вопрос о процессуальных издержках), но по тем или иным причинам, не разрешенные в приговоре.

Первая группа решений не затрагивает вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, но касается правоотношений, сопряженных с уголовным судопроизводством или порожденных судебными предписаниями, поэтому, дополняя судебное производство по рассмотренному делу, такие решения сохраняют свою процессуальную обособленность и факультативность.

Ко второй разновидности (обязательных) дополнительных решений по вопросам, которые входят в предмет судебного приговора и при

надлежащем рассмотрении дела должны были быть в нем разрешены, следовало бы отнести и решения суда первой инстанции, которые в настоящее время принимаются в порядке ст. 399 УПК РФ по вопросам, перечисленным в пунктах 10, 11 и 15 ст. 397 УПК РФ.

Происхождение указанных правовых вопросов связано не столько с процессом исполнения приговора, хотя их нерешенность может оказывать на этот процесс негативное влияние, а с процессом принятия судебного решения и полученным в итоге результатом – некачественным содержанием решения. Данные вопросы, обобщенно именуемые «сомнения и неясности», проистекают из недостатков (дефектов) обращенного к исполнению судебного решения, и их рассмотрение обусловлено необходимостью устранения несущественных ошибок, упущений и восполнения пробелов, допущенных судом при постановлении приговора или иного судебного решения, принятого в порядке уголовного судопроизводства.

Сами пробелы, ошибки и прочие недостатки решения, хотя и выявляются по большей части в ходе исполнения соответствующего судебного решения, непосредственно возникают при издании акта правосудия, т. е. в завершающей фазе судебного разбирательства по делу. Пробельность судебного решения, выражающаяся в нерешенности того или иного вопроса, подлежащего судебному урегулированию, может возникнуть и на более поздних этапах производства по уголовному делу, вследствие отмены вышестоящей судебной инстанцией приговора или иного комплексного судебного решения в части второстепенного вопроса, что не влечет повторное рассмотрение всего уголовного дела, но вызывает необходимость принятия дополнительного судебного постановления по оставшемуся без решения правовому вопросу.

Практика применения п. 15 ст. 397 УПК РФ показывает, что причинами возникновения «сомнений и неясностей» приговора или иного решения уголовного суда выступают *дефекты судебных решений*, которые по их свойствам можно разделить на следующие группы (виды):

- 1) пробелы в решении (или неполнота решения) вопросов, подлежащих разрешению в резолютивной части судебного акта;
- 2) юридические (правоприменительные) ошибки, выражающиеся в неправильном применении материального или процессуального закона;
- 3) технические ошибки: описки, опечатки, иные погрешности, допущенные механически (неосознанно) при выполнении (написании) текста решения, имеющие явный, очевидный характер и поэтому не

взывающие никаких сомнений в необходимости и способе их исправления;

4) текстуальные погрешности (недостатки): грамматические, стилистические, семантические, привносящие в решение элементы неясности, недосказанности, двусмысленности и неточности содержания решения и могущие породить неверное, искаженное восприятие его правовой сути.

Собственно неясности и сомнения судебного решения могут быть порождены только текстуальными погрешностями и техническими ошибками (при условии, что последние не переходят в ошибки юридические), приводящими к противоречиям в содержании решения или его двусмысленности, что и затрудняет однозначное исполнение акта правосудия. Подобные недостатки устранимы путем разъяснения смысла той или иной части судебного решения либо уточнения, какое из двух противоречащих положений является ошибочным, а какое верным. Для этого от суда не требуется нового правоприменительного решения (все правовые вопросы судом решены и решены правильно), а достаточно дополнительного, разъяснительного акта в форме судебного постановления, который, тем не менее, в силу действующего правового регулирования подлежит принятию в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ.

На практике потребность в устранении неясностей и сомнений «в чистом виде», т. е. вызванных текстуальными недостатками судебного решения, для целей надлежащего исполнения возникает и реализуется довольно редко. Наиболее распространенными среди всех недостатков судебных решений, исправляемых в соответствии с п. 15 ст. 397 УПК РФ, являются технические ошибки [2, с. 23; 5, с. 79; 6, с. 63–64]. Под видом «неясностей и сомнений», благодаря расширительному толкованию последних, ликвидируются и другие виды дефектов решений уголовного суда: пробелы (неполнота) решения и юридические ошибки.

Данные дефекты требуют иного способа устранения, предполагающего обязательное обращение к фактической стороне изначально принятого (дефектного) судебного решения, изучение письменных материалов дела в соответствующей части, их сопоставление с доводами представления (заявления, ходатайства) обратившегося в суд субъекта и содержанием дополнительно предоставленных суду документов, а также вынесение на основе проверенных и уточненных исходных данных недостающего (в случае неполноты процессуального решения) или нового (взамен порочного) судебного предписания, облакаемого в

форму судебного постановления. Подобные действия означают ничто иное как судебное разбирательство, включающее в себя исследование (проверку) фактических обстоятельств в объеме, необходимом для разрешения поставленного в порядке ст. 399 УПК РФ вопроса, и установление тех из них, на которых должно основываться дополнительное (конкретизирующее) решение, поэтому должны быть облечены в форму отдельного судебного заседания с участием заинтересованных субъектов.

Исправление в порядке ст. 399 УПК РФ ошибок и восполнение пробелов вступившего в законную силу судебного решения всегда сопряжено с внесением в это решение конкретных изменений («вторжением в приговор») [2, с. 17; 9, с. 118]. При этом вносимые в этом случае изменения, в отличие от основной части судебного-исполнительных производств, осуществляемых по вопросам, предусмотренным ст. 397, 398, 400 (и др.) УПК РФ, обращены не на последующее исполнение, а непосредственно на само решение суда, на его содержание, объем и суть властных судебных распоряжений.

Вместе с тем важно отметить, что, вынося постановление о дополнении, исправлении ошибочных формулировок и устранении иных недостатков приговора или иного, подлежащего исполнению судебного решения, суд первой инстанции не констатирует возникновение новых правоотношений, требующих существенной корректировки исполнения судебных предписаний, а только уточняет содержание правоотношений, установленных данным решением. При этом сформулированные в конкретизирующем постановлении суда властные предписания необходимым образом дополняют резолютивную часть «подлежащего уточнению» приговора, постановления, определения недостающими элементами или заменяют собой дефектные решения по отдельным, второстепенным вопросам, тем самым включаются в содержание резолюций комплексного судебного акта, переводя его в новое, соответствующее требованиям закона качественное состояние.

Таким образом, дополнение (или конкретизация) основных судебных решений в уголовном судопроизводстве может заключаться в устранении «сомнений и неясностей», возникающих при исполнении судебного решения, которое осуществляется следующими способами: 1) *разъяснение* решения без его исправления посредством дополнительного интерпретационного судебного акта; 2) *уточнение (изменение)* положений дефектного судебного решения, которое подразделяется на: а) *дополнение* решения недостающими властными предписаниями и (или) другими содержательными элементами, б) *исправление*

ошибочных предписаний или неверно указанных установочных данных и реквизитов решения.

Придерживаясь доктринальной позиции, согласно которой судебное рассмотрение вопросов, связанных с «уточнением» решений уголовного суда на основании пунктов 11, 12 и 15 ст. 397 УПК РФ, сомнительно относить к самостоятельным уголовным производствам, всецело поддерживаем вывод М. К. Свиридова о целесообразности исключения всех этих вопросов из предмета стадии исполнения приговора [8, с. 151]. Деятельность уголовного суда по разрешению данных вопросов по своему предмету, фактическим и юридическим основаниям, процессуальным средствам и процедурным требованиям явно тяготеет либо к основному производству (в случае исправления недостатков приговора или иного судебного решения по уголовному делу) либо к иному судебному производству (контрольному, исполнительному или реабилитационному), в рамках которого судом вынесено постановление (определение) с недостатками, устранимыми этим же судом. Поэтому вполне логично и закономерно исключить отмеченные вопросы из предмета судебно-исполнительных производств и не только в отношении приговора, но и любого другого решения уголовного суда, подлежащего «внешнему» исполнению, а деятельность по их разрешению «понизить рангом» – «перевести» (преобразовать на законодательном уровне) из отдельного судебного производства, осуществляемого в порядке ст. 399 УПК РФ, в разряд дополнительной судебной процедуры, факультативно (по мере необходимости) завершающей соответствующее уголовное производство.

Предлагаемый вариант законодательной регламентации процессуальных действий по исправлению явных и несущественных дефектов судебных решений не нов и с давних пор используется в отечественном правосудии. В настоящее время институт дополнительных судебных решений успешно функционирует в конституционном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах. При этом дополняющие основное судебное разбирательство процедуры дифференцированы, что примечательно, по способам конкретизации принятого судебного акта, которые обозначены нами выше применительно к решениям уголовного суда.

Так, первый способ – разъяснение решения без его исправления – применяется по заявлениям участвующих в деле лиц или судебного пристава-исполнителя для устранения неясности решения и не предполагает изменения его содержания (ст. 202 ГК РФ, части 1, 2, 4 ст. 179 АПК РФ, 185 КАС РФ). Он также применяется Конституцион-

ным Судом РФ для разъяснения по ходатайствам уполномоченных лиц вынесенных им ранее постановлений и заключений (ст. 83 ФКЗ о Конституционном Суде). Второй способ – устранение пробелов в решении (дополнение решения) – реализуется посредством принятия судом дополнительных решений по указанным в законе вопросам, которые подлежали рассмотрению, но оказались не разрешены судом в рамках принятого по итогам судебного разбирательства основного решения по делу (ст. 201 ГПК РФ, ст. 178 АПК РФ, ст. 183 КАС РФ). Наконец третий способ – исправление ошибок и неточностей в решении – востребован для устранения допущенных в решении описок, опечаток и явных арифметических ошибок (ст. 200 ГПК РФ, ч. 3 – 4 ст. 179 АПК РФ, ст. 184 КАС РФ), неточностей в наименованиях, обозначениях, описок и явных редакционных и технических погрешностей (ст. 82 ФКЗ о Конституционном Суде). Во всех этих случаях процессуальное решение (постановление, определение), выносимое непосредственно в дополнение к итоговому решению по существу дела, суд принимает по результатам рассмотрения «проблемного» вопроса в отдельном судебном заседании с участием заинтересованных сторон, т. е. в форме специально установленной (факультативной) судебной процедуры, необходимым образом дополняющей осуществленное судом производство.

«Институт дополнительных решений», как мы отметили, в усеченном виде и своеобразным образом действует и в уголовном судопроизводстве (ст. 313 УПК РФ). Однако «разъяснение сомнений и неясностей» в решениях уголовного суда, включая устранение его пробелов, в противоположность всем иным видам правосудия, заключено не в форму дополняющей судебное разбирательство процедуры, а вынесено за пределы основного уголовного производства. Такое институционально-конструктивное решение выбрано видимо в силу устоявшейся традиции и из практических соображений – зачем вводить и регламентировать отдельные процедуры, когда для этих нужд приспособлено исполнительное производство? А между тем на практике рассмотрение вопросов «по уточнению» приговора и других судебных решений зачастую не без оснований воспринимается судьями как продолжение основного производства по уголовному делу, а принимаемое по его результатам решение – как дополняющее резолюции, содержащиеся в основном (итоговом) судебном акте.

Изучение уголовных дел, рассмотренных районными судами Архангельской области, показало, что разрешение вопросов об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в соответствии со ст. 70 или ч. 5 ст. 69 УК РФ в по-

следнем по времени приговоре (п. 10 ст. 397 УПК РФ); о судьбе вещественных доказательств, если этот вопрос не решен в приговоре, об оплате труда адвоката, когда этот вопрос поставлен после вступления приговора в законную силу, а также о разъяснении сомнений и неясностей приговора, связанных с описками и другими техническими ошибками, (п. 15 ст. 397 УПК РФ) чаще всего производится в судебном заседании, которое проводится в рамках уголовного дела (основного судебного производства), как правило, чисто номинально, без участия сторон и сопровождается формальным составлением протокола судебного заседания. При этом отдельное производство в порядке исполнения не заводится, не регистрируется, а все письменные материалы по рассмотрению указанных вопросов не оформляются в отдельное судебное дело (материал), а приобщаются к основному производству по уголовному делу, т. е. попросту вшиваются в уголовное дело. Любопытно, что и в практике Верховного Суда РФ встречаются примеры, когда Судебная коллегия по уголовным делам вносит уточнения в собственное кассационное определение (исправляет ошибочное написание дат), хотя и со ссылкой на ст. 397 и 399 УПК РФ, но путем вынесения «дополнительного кассационного определения» без проведения судебного заседания (Дополнительное кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 23 марта 2021 г. N 48-УД21-2-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). «Дополнительными» именуют свои аналогичные определения и некоторые кассационные суды общей юрисдикции (Дополнительное кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 23 марта 2021 г. N 48-УД21-2-К7 // СПС «КонсультантПлюс»).

Подобные отклонения от предусмотренного ст. 399 УПК РФ порядка происходят как раз вследствие неразделенности в уголовном правосудии разнородных по своей сути и направленности вопросов, которые выявляются после вынесения актов правосудия и которые «по привычке» или по «инерции мышления» продолжают без разбору относиться законодателем и судебной практикой к предмету судебного исполнительных производств.

Представляется, что возникающие после принятия приговора или иного судебного решения вопросы должны, как и в других видах судопроизводства, разрешаться не в порядке ст. 399 УПК РФ, а путем принятия дополнительных (дополняющих) решений посредством двух различных процедур. Первая процедура в более усложненной форме, предусматривающей обязательное назначение и проведение с участием заинтересованных лиц полноценного судебного заседания, должна

быть предназначена для рассмотрения вопросов, обусловленных проблемами (неполнотой) или юридическими ошибками основного судебного решения, поскольку для их устранения суду необходимо на основе имеющихся доказательств установить и подтвердить определенные обстоятельства и при этом обеспечить заинтересованным участникам производства по уголовному делу, прежде всего осужденному, возможность защищать свои права и отстаивать законные интересы.

Более упрощенная форма может ограничиваться вынесением судом дополнительного процессуального решения без проведения судебного заседания и без участия сторон. Посредством такой процедуры, полагаем, допустимо устранение текстуальных погрешностей и недостатков, требующих разъяснения, а также явных ошибок технического характера, т. к. разрешение подобных вопросов обычно не связано с установлением и проверкой обстоятельств дела, продолжением доказывания, а вынесение судебных постановлений, разъясняющих смысл ранее принятого решения или устраняющих явные редакционные и технические погрешности не зависит от мнения и позиции сторон и, как правило, не затрагивает их интересы.

Список использованных источников

1. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М., 2010.
2. Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
4. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: Вопросы факта и права. Воронеж, 1984.
5. Николук В. В. Разъяснение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Российское правосудие. 2017. № 3. С. 76–87.
6. Николук В. В., Квициния Д. А. Устранение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. Хабаровск, 2014.
7. Разяпова Л. М. Деятельность суда после провозглашения решения, завершающего рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
8. Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978.
9. Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 118–121.

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА РЕЗУЛЬТАТ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В настоящей статье автор исследует проблемы становления и реформирования и функционирования суда присяжных в Российской Империи, во взаимосвязи с принятием новой концепции доказательств. Дается оценка места судебной экспертизы в системе уголовно-процессуальных доказательств в период функционирования суда присяжных конца XIX - начала XX веков. Автором отмечается особое положение судебной экспертизы в суде присяжных и её безусловное влияние на результат рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: суд присяжных, доказывание, система доказательств, эксперт, судебная экспертиза.

Oksana Y. Vatutina

Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St.
Petersburg State University,
lawyer, member of the NGO " AK "ALIBI,

THE INFLUENCE OF FORENSIC EXPERTISE ON THE OUTCOME OF CRIMINAL CASES IN A JURY TRIAL IN THE RUSSIAN EMPIRE

In this article, the author examines the problems of the formation and reformation and functioning of the jury court in the Russian Empire, in connection with the adoption of a new concept of evidence. The article assesses the place of forensic expertise in the system of criminal procedural evidence in the period of functioning of the jury court of the late XIX - early XX centuries. The author notes the special position of forensic expertise in the jury trial and its unconditional influence on the outcome of criminal cases.

Key words: jury trial, proof, evidence system, expert, forensic examination.

Становление суда присяжных в России не носило планомерный характер и было напрямую взаимосвязано с темпами и вектором развития уголовно-процессуальной науки того времени, отвечало историческим и политическим реалиям. Этапом становления суда присяжных в России принято считать период с момента одобрения Судебных уставов 1864 г. Александром II до начала кризиса суда присяжных, в конце XIX века (комиссия Н. В. Муравьева (1894 – 1900 гг.) [10, с. 801], кото-

рый, повлек в том числе, преобразование процедуры судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Так, в своем Курсе уголовно-процессуального права М. А. Чельцов-Бебутов отмечает «...в 1896 году, сам председатель комиссии, министр юстиции Муравьев вновь поставил вопрос, необходимо ли сохранить у нас суд присяжных».

Контрреформы хотя и предусматривали определенное расширение прав присяжных, в большей степени имели иной вектор, поскольку, широкое распространение имело мнение о «политической направленности» данной формы судебного разбирательства. В то время как еще на этапе учреждения суда присяжных, один из участников законотворческой деятельности по его обоснованию С. И. Зарудный, писал: «... суд присяжных есть не что иное, как судебный метод, как самое верное и надежное средство к правильному разрешению дел уголовных, как особая форма организации суда, и что сие установление ни в каком случае не может и не должно быть смешиваемо с политическим устройством государства» [6, Оп. 13].

Итак, несмотря на довольно противоречивое отношение к институту суда присяжных, «он был введен к концу XIX века на территории всей страны» [1, дата обращения: 28.02.2021]. При этом, объем юрисдикции суда присяжных явился значительным, поскольку, его компетенция распространялась на те преступления, «за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния». Более того, «суд присяжных в качестве своей ведущей черты характеризовался не общим количественным составом судебной коллегии, а тем, что именно коллегия присяжных заседателей отвечает на основной вопрос уголовного дела - вопрос о виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении путем вынесения вердикта, являющегося основой приговора по делу» [9, с. 147].

Существенным моментом в данной связи, явилась проблема доказательств и доказывания в суде присяжных. Доказывание в праве - это фундаментальный элемент его содержания, в связи с чем, проблемы доказывания в уголовном процессе, порядок собирания доказательств, их проверка и оценка подвергались изменениям, ключевым из которых стала отмена системы формальных доказательств и создание новой концепции доказательств, предусматривающей свободную оценку доказательств по внутреннему убеждению. Процесс доказывания подвергся кардинальным изменениям, а единственным критерием при оценке собранных по делу доказательств, стало признаваться исключительно внутреннее судейское усмотрение.

Соответственно, становление нового судебного института происходило во взаимосвязи с реализацией новой концепции доказательств. Доказательства представлялись на оценку присяжных сторонами и должны были быть оценены самостоятельно, лишь с учетом определенных правил об оценке доказательств, которые, однако, содержались не в самом тексте Устава уголовного судопроизводства 1864 года, а лишь в особом приложении [10, с. 791]. Устав уголовного судопроизводства, в то же время, в своей статье 803 предписывал: «Общие основания к суждению о силе доказательств объясняются председателем суда не в виде непреложных положений, но лишь в смысле предостережения от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого». Подобное требование объяснялось в первую очередь специфичностью процесса, с участием присяжных заседателей, при котором, именно присяжные подвергались особому воздействию, со стороны всех участников процесса. Так, С. К. Гогель писал: «.нужны у нас более серьезные меры для ограждения независимости, все еще молодого, суда присяжных от давления со стороны председателя и со стороны общества» [4, с. 110].

Несмотря на то, что правила об оценке доказательств были намечены в особом приложении к Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, во избежание создания некой «промежуточной» теории доказательств, из Устава были полностью исключены всякие указания на силу и значение отдельных доказательств [10, с. 792]. Подобный подход требовал от суда присяжных конца XIX века довольно активного участия в ходе судебного следствия: все присяжные могли задавать вопросы допрашиваемым лицам, участвовать в осмотре вещественных доказательств и в итоге принять решение о виновности подсудимого, без мотивировки их решения.

Однако, «воздействия» и «давления» в той или иной форме на присяжных избежать не удавалось. Манипуляции сторон и судей коронного состава суда, безусловно имели место. Особенно явно это проявлялось в процессе исследования экспертиз и допросов экспертов. Практика диктовала необходимость произвести оценку достоверности каждого доказательства, в том числе заключения эксперта (а равно его допроса). Однако, специфичное доказательство, сформированное с использованием специальных знаний (научное исследование), осуществлялось лицами не только такими специальными знаниями не обладающими, но и в принципе, имеющими недостаточный уровень образования. А поскольку, экспертные заключения подготавливались и представлялись (при допросе экспертов в суде) специалистами высокого уровня, это производило значительное впечатление на присяжных и

формировало определенные психологические реакции [2, с. 41]. [Так, сегодня психологи отмечают следующие сценарии последующего восприятия доказательств, выполненных в научном стиле и не предназначенных для восприятия на слух (в зависимости от личности присяжного и иных факторов): иллюзия восприятия (самоубеждение о понимании существа представляемой информации) и информационная травма (инстинктивное выстраивание барьера для восприятия «вредоносной» информации), не приводящих к благоприятным результатам].

Итак, стороны стали активно использовать возможности, предоставленные судебной экспертизой: «наглядно» представлять свой собственный аргумент, обосновывая его научным знанием, что, зачастую, на практике приводило к представлению различных конкурирующих между собой заключений, формировало коллизию научных мнений - явление, имеющее не только положительные, но и отрицательные стороны для рассмотрения конкретного уголовного дела.

Подобная практика приобрела такой «обязательный» уровень, что даже присяжные того времени отмечали «... зачем же, в самом деле и кстати, и некстати, преподносить нам всегда экспертов; зачем заставлять нас выслушивать совершенно бесполезную иногда болтовню их, когда мы и без экспертов обладаем на столько, житейски по крайней мере, правильными взглядами на жизнь и окружающую нас обстановку, что сами без всякой сторонней помощи, можем разрешить по своему, совершенно удовлетворительно, многие такие вопросы, ради которых нас обязывают выслушивать разных специалистов, «людей науки», как они сами себя называют» (орфография и стиль автора сохранены) [8, с. 67; 7, с. 220-221]. [Для современного суда присяжных, попыткой разрешения данной проблемы, является «принцип понятности», закрепленный в ч. 8 ст. 339 УПК РФ и п.30 ППВС РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», которым должны руководствоваться как лица, обладающие специальными знаниями, при подготовке заключений, так и участники процесса, при «доведении» текста и выводов заключений до присяжных].

Заключение экспертизы фактически перехватило пальму первенства «царицы доказательств» у такого доказательства, как признание обвиняемым своей вины. Выводы, имевшиеся в заключении экспертизы, на практике, имели колоссальное значение для итогов рассмотрения дела. В своем труде «Суд присяжных и экспертиза в России» С. К. Гогель отмечал: «кто, как ни практика, создала то особое ненормальное положение экспертизе, благодаря которому экспертиза только и могла

приобрести то громадное влияние на разрешение дела, которым она пользуется» [4, с. 110].

Таким образом, использование судебной экспертизы и привлечение экспертов в судопроизводство с участием присяжных в Российской Империи было «яркой приметой времени», безусловно, прогрессивной, но не лишенной сложностей практической реализации, объясняемых как преобразованиями уголовно-процессуального законодательства, так и реакцией на них. А суд присяжных в Российской Империи, несмотря на относительно недолгую и «неравномерную» свою историю, несмотря на то, что вследствие принятых контрреформ, были «...фактически перечеркнуты основные демократические институты Судебных уставов 20 ноября 1864 года» [5, с. 254; 3], явился «самым демократичным из всех институтов, установленных в России в результате буржуазных реформ» [5, с. 256].

Список используемых источников:

1. Афанасьев А. Суд присяжных в России // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/sud-prisyazhnyh-v-rossii.html> (дата обращения: 28.02.2021);
2. Босов А. Е. Суд присяжных. Заключение эксперта как доказательство в суде присяжных (по данным теории речевых актов) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 38-42;
3. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
4. Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. М., 2016.
5. Ермакова И. В. Теоретико-исторический анализ становления института суда присяжных в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 252-256;
6. Зарудный С. И. Общие соображения по вопросу о составе уголовного суда // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. Оп. 13.
7. Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России: суд. очерки. М., 1881.
8. Хорошева А. Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве с участием присяжных заседателей: исторические практики и наше время // Глаголь правосудия. - 2017. - № 2(14). - С. 65–71.
9. Цыганенко С. С., Сенатос А. А. Вопросы методологии и психологических знаний в сфере процессуальной дифференциации и учении о доказательствах: проблемы теории и законодательства // Вопросы регулирования экономики. 2016. № 3. С. 143-152.
10. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

Л.М. Володина

доктор юридических наук, профессор
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Заслуженный юрист РФ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Статья посвящена проблемам современной уголовно-процессуальной науки. Развитие уголовно-процессуальной науки связано с развитием методологических основ юридического познания. Рассматриваются вопросы состояния методологии науки, вопросы ее значимости для последующих научных исследований, для законотворческой деятельности и практики правоприменения; говорится о необходимости в поисках новых методологических направлений о бережном отношении к научному наследию.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная наука; познание; юридическое знание; методология юридической науки; правоприменение.

Lyudmila M. Volodina

Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
Kutafin Moscow State Law University

CRIMINAL PROCEDURAL KNOWLEDGE: PROBLEMS OF SCIENCE

Summary: The article is devoted to the problems of modern criminal procedural science. The development of criminal procedural science is associated with the development of the methodological foundations of legal knowledge. The issues of the state of the methodology of science, the issues of its significance for subsequent scientific research, for legislative activity and the practice of law enforcement are considered; talks about the need to search for new methodological directions about the careful attitude to the scientific heritage.

Key words: criminal procedural science; cognition; legal knowledge; methodology of legal science; enforcement.

Юридическое знание в сфере уголовного судопроизводства может быть рассмотрено в гносеологическом аспекте, во-первых, как результат деятельности субъектов познания, связанный с собиранием доказательственной информации об обстоятельствах совершенного (готовящегося) преступления. Во-вторых, понятие юридического знания сопряжено с уголовно-процессуальной наукой, призванной обеспечить знание о понятийных категориях, используемых ею и практикой правоприменения, о правовых институтах, о явлениях, имеющих

правовую значимость для данной сферы юридической деятельности, их оценке, тенденциях и перспективах исследования. Система уголовно-процессуального научного знания (как и в целом юридического знания), являясь результатом исторически длительного пути накопления опыта и осознания его значения для развития права, воспринимается нами в качестве общетеоретической базы, предоставляющей, с одной стороны, инструментарий для последующих научных исследований, с другой, – как рекомендации для текущего и перспективного правового регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства и, с третьей, – как рекомендации для живой практики правоприменения. В этой своего рода триаде заложено понимание сущности уголовно-процессуального научного знания, объяснение его особенности и понимание значимости в развитии науки, законотворчества и следственно-судебной практики. И если общая теория права является методологическим вектором для всех отраслевых юридических наук и отправным вектором развития отраслей права, то теория уголовно-процессуального права, с одной стороны, отражая состояние действующего уголовно-процессуального закона, с другой, является методологическим ориентиром дальнейшего развития отрасли уголовно-процессуального права.

Понимание значимости методологической оснащенности любой науки, предопределяющей ее состоятельность, результативность, эффективность ее достижений и перспективы развития, диктует необходимость обращения к проблемам юридической науки, формирующей в немалой степени общественное правосознание. Важно в этом аспекте и понимание ее места и роли в культуре современного общества. В числе проблем современной юридической науки с наибольшей остротой встает проблема кризисного состояния ее методологии. Известно, что достижение цели научного исследования осуществляется посредством избранного субъектом инструментария, при этом выбор научного метода связан с тем, что субъект познания, осуществляя его, одновременно определяет взаимосвязь предмета познания, познавательной цели и средств ее достижения. Взаимосвязь и взаимодействие названных элементов в любом направлении научного исследования обеспечивает целенаправленный процесс познания.

Познавательный опыт в той или иной области знаний и оформление соответствующих выводов в определенные предписания-постулаты для конкретных направлений познавательной деятельности для обеспечения обоснованности научного знания, выступающие как научные методы и приемы, – суть методологическая основа исследова-

ния. Использование соответствующих методов в конкретном направлении науки обусловлено целью и задачами исследования, и ошибка в их выборе может привести исследователя к негодному результату, к заблуждению.

Динамичность развития общественных отношений требует совершенствования средств и способов их правового регулирования, что, в свою очередь, активизирует юридическую науку, обусловленную трансформацией права и стремлением к уяснению сущности новых правовых явлений. Иначе говоря, развитие юридической науки, с одной стороны, – следствие происходящих социально-экономических и политических преобразований, а с другой, – потребность общества, вырастающая на базе этих изменений и определяемая этими изменениями.

Ныне в уголовно-процессуальной науке как тенденция современных исследований прослеживается отмежевание от диалектического материализма как общенаучного метода исследования. Методологической основой исследований во множестве авторефератов диссертаций на соискание степени кандидата юридических наук объявляются «общенаучные и специально-юридические средства и способы познания» с последующим некоторым перечислением специальных методов. Иначе говоря, отказ от применения диалектического метода познания с переходом к так называемому «общенаучному методу познания» происходит без четкой определенности этого метода. Встречаются даже диссертации, во введении которых вообще отсутствует упоминание о методологии научного исследования. Но вот, что касается указаний на новые методологические направления в современной науке уголовно-процессуального права, то обнаруживаются они крайне редко. Обращает на себя внимание, что стремление уйти от идеологизированных методологических установок советского прошлого юридической науки нередко основано на смешении диалектического метода познания и марксистско-ленинской теории познания, что не одно и то же. Отказ от прошлого и поиск новой универсальной методологии, замещающей «освобождающееся» место, по оценке ряда ученых, таит в себе, «во-первых, опасность исключения марксизма из «свободной конкуренции» за «методологические «посты» нашего современного правоведения» и, во-вторых, риск того, что «вместо разворачивания масштабных планомерных методологических исследований, мы можем сосредоточить внимание на простом обосновании перспективности предпочтения одной из уже существующих теорий или идей права – «заменителя» марксизма» [7, с. 53 - 54]. При этом справедливо подмечено, что «просто отказ (в большинстве случаев по идеологическим основаниям)

от марксизма не есть продвижение вперед. Важно, что приходит на смену» [7, с. 54].

Обращаясь к исследованиям некоторых молодых ученых в области уголовно-процессуальной науки последних лет, невольно задаешься рядом вопросов: истончилась ли правовая ткань или стала непрочной нить, с помощью которой «вьется узор исследования», более узким ли становится правовое поле, пригодное для исследований? Некоторые диссертационные исследования несут на себе нежелание углубиться в научные исследования прошлых лет (имея в виду советский период), считая их устаревшими с точки зрения методологии и тех перемен, которые происходят ныне в обществе. И это, к сожалению, приводит к тому, что многие работы современных исследователей, считающих, что именно им и никому более принадлежит пальма первенства в освещении той или иной проблемы и попытки решить ее, перенасыщены «изобретениями велосипедов». Более всего вызывает неприятие безосновательная критика позиций ученых-классиков юриспруденции без какой бы то ни было серьезной аргументации лишь потому, что они осуществляли свою научную деятельность в советскую эпоху.

Значительный объем научных работ прикладного характера, направленного на обслуживание практики правоприменения, объясняется «сверхскоростной» законодательной деятельностью, и в некоторой степени оправдан, в силу необходимости осмысления законодательных новелл, вторгающихся нередко в сферу уголовного судопроизводства весьма неожиданно. Иные законодательные «сюрпризы» представляют собой игру в «пинг-понг» в угоду сиюминутным «увлечениям» (например, вопросы регламентации полномочий прокурора в уголовном процессе), подпитываемым лоббистскими тенденциями современности.

Безусловна необходимость фундаментальных уголовно-процессуальных научных исследований, направленных на осмысление и решение проблем методологического характера. Анализируя проблемы методологии юридической науки, В.Н. Карташов, например, видит выход из кризиса «в более четком определении понятия и структуры методологии юридической науки, в том числе фундаментального правоведения, правильном и грамотном ответе на вопрос о соотношении категорий «метод», «методологический подход» и «технология научного познания» [3, с. 33 - 35]. При всей необходимости решения означенных задач, следует все же обратиться к глубинным корням проблемы, поскольку, как уже говорилось, основы методологии науки – не умозрительные представления ученого. Причины кризиса, прежде всего, лежат в неопределенности уголовной политики в целом и, как части

ее, уголовно-процессуальной политики, в спонтанности бесконечных и бесконтрольных изменений, вносимых в законодательство. Довольно резко, но справедливо на этот счет замечание В.В. Сорокина: «Победила одна методология – построение рукотворных объектов «методом тыка». Когда, копируя стабильные западные общества, реформаторские силы в переходный период обращаются к ценностям свободы, неизбежно разрушаются ценности порядка и равенства» [6, с. 63 - 64].

Говоря о необходимости развития методологических основ уголовно-процессуальной науки, как, впрочем, и в целом юридической науки, мы должны считаться с общепризнанными международно-правовыми тенденциями, однако нельзя при этом скатываться на позиции чужеродных институтов права, слепо копировать их без учета своеобразия нашей ментальности, правовой культуры, специфики российского судопроизводства. История свидетельствует о достаточно развитом национальном нравственно-правовом самосознании российского общества даже на ранних этапах его развития. Самобытность российской правовой культуры во многом определяется исторически сложившимися правовыми взглядами и традициями, преобладающими представлениями русского народа о справедливости (правде), в поисках которой «обиженный» обращался к правосудию [1, с. 177 - 179]. Известный русский мыслитель И.А. Ильин предостерегал нас: «Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервиллизма [2, с. 426]. И в продолжение приведенной мысли уже в рамках современных научных подходов, изучающих самоорганизационные процессы, происходящие в сложных открытых (в том числе социальных) системах, учеными отмечается: «управляемой» системе нельзя произвольно навязать любые варианты упорядочивания без учета особенностей ее наличного состояния и тенденций развития. Попытки это сделать могут привести к разрушению устоявшихся структур социальных отношений с непредсказуемыми последствиями» [8, с. 119]. Это звучит серьезным предостережением.

Действительно, некоторые предлагаемые ныне идеи, «претендующие на статус пусть и краткого, но метатеоретического правового исследования», определяющие уголовно-процессуальную деятельность как оказание государственных услуг, утверждают, что «к отношениям, регулируемым уголовным процессом, в полном объеме применимы экономические законы спроса и предложения, закон стоимости», что «непосредственное применение в уголовном судопроизводстве находит и экономический закон убывающей доходности» и пр. [4, с. 117,

122]. Оказывается, все проблемы решаются просто: стоит лишь перенести на уголовное судопроизводство законы рыночного толка.

Завершая статью, хочется обратить внимание на глубину взглядов на проблемы методологии правовой науки отечественных ученых прошлых лет. Исследуя вопросы методологии юриспруденции на базе концепции Н.М. Коркунова в своей диссертации, Н.Э. Пегова подчеркивает особенность подхода Н.М. Коркунова к решению этих задач, состоящую «в рассмотрении классических школ юриспруденции не как ошибочных концепций, а в качестве закономерных этапов эволюции научных способов познания правовой действительности», замечая при этом со ссылкой на М.Н. Марченко: «развитие теории государства и права является фактором развития методологии правопведения, в связи с чем мы видим существенные перемены в данной сфере. Но эти перемены не свидетельствуют об отмирании метода диалектической логики» [5, с. 26, 34]. В связи со сказанным: следует осознать, что нынешнее состояние методологии юридической науки, с одной стороны, – отражение сложного исторического отрезка времени, когда уровень развития общественных отношений, тенденции развития государственности требуют соответствующих направлений правовых исследований, а с другой, – поиск новых нетрадиционных подходов, требующий бережного отношения к научному наследию, сохранения преемственности, а не безрассудного отторжения прошлых научных достижений.

Список использованных источников

1. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М.: Изд. «Юрлитинформ». 2018. С. 177 - 179.
2. Ильин И.А. О воспитании в грядущей России /Собр. Соч. в 10-ти томах. Т. 2. Кн. 2. С. 426.
3. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль, 2005. Т. 1. 2005. С. 33-35.
4. Махтук С. О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2. С. 117, 122.
5. Пегова Н.Э. Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права. Н.М. Коркунова // дисс. ... канд. юрид. наук. Таганрог. 2017. С. 26, 34. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/132104806/> (дата обращения: 23.05.2021).
6. Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 63-64.
7. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд. Гуманитарного университета. 2000. С. 53-54.
8. Шундииков К.В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. 2013, Вып. № 1 (31). 2013. С. 119.

Леонид Витальевич Головкин

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного процесса, правосудия и
прокурорского надзора

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ XIX В. И ИХ УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ВЛАСТЕЙ

Являлась ли великая либеральная уголовно-процессуальная реформа 1864 г. техническим или политико-идеологическим актом? Российская абсолютная монархия XIX в. рассматривала ее исключительно как технический шаг для улучшения уголовного судопроизводства, парадоксальным образом имплементируя в России уголовно-процессуальные подходы революционной Франции. Этот разрыв между политической идеологией и уголовно-процессуальными институциональными схемами заметно дестабилизировал российское государство. Подобная недооценка политической и идеологической роли уголовно-процессуальных реформ видится присущей и современным российским политическим властям.

Ключевые слова: уголовный процесс; реформа; XIX век; государство; стабилизация; дестабилизация

Leonid V. Golovko

Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure,
Justice and
Prosecutorial Oversight
Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN LIBERAL CRIMINAL PROCEDURE'S REFORMS OF 19ST CENTURY AND THEIR LESSONS FOR THE CONTEMPORARY POLITICAL AUTHORITIES

Summary: Was the great liberal criminal procedure's reform of 1864 a technical or political and ideological act? The Russian absolutist monarchy of 19st century considered it as an only technical step for the improvement of criminal procedure, paradoxically implementing in Russia the criminal procedure's approaches of revolutionary France. This break between the political ideology and the criminal procedure's institutional schemes noticeably destabilized the Russian state. The same underestimation of the political and the ideological role of criminal procedure's reforms seems to be inherent for the contemporary Russian political authorities.

Keywords: criminal procedure; reform; 19st century; state; stabilization; destabilization.

Восприятие фундаментальных уголовно-процессуальных реформ XIX в., отраженных в великих Судебных уставах 1864 г., прежде всего, Уставе уголовного судопроизводства, всегда было и остается сложным и неоднозначным. С одной стороны, эти реформы модернизировали не только сам уголовный процесс, но и уголовно-процессуальную доктрину, поставили нас в один ряд с ведущими европейскими правовыми порядками того времени, привнесли в Россию огромное число классических уголовно-процессуальных и судостроительных институтов и, в конечном итоге, предопределили уголовно-процессуальное развитие последующих не только десятилетий, но и столетий, включая в определенной мере советский период и современный этап. С другой стороны, они отнюдь не усилили и не укрепили государственные институты, а, напротив, вместе с другими реформами Александра II волей или неволей открыли крайне трудный период отечественной истории, который полвека спустя завершился крахом самого государства. С одной стороны, с точки зрения содержания (как отражение набора доктринальных уголовно-процессуальных идей), благотворное влияние Устава уголовного судопроизводства бесспорно, оно сказывается до сих пор, «прорастая» в разнообразных подходах и институтах, в том числе иногда не только сохраняемых, но и реставрируемых или даже восстанавливаемых. С другой стороны, с точки зрения формы (как кодификация), данный Устав со своей задачей справился не вполне, не проявив никакого «эффекта кристаллизации», который теоретики считают непеременимым атрибутом любого крупного и успешного кодифицированного акта, на долгие десятилетия стабилизирующего ту или иную отрасль права [3, с. 154]. С одной стороны, как акт юридический, Устав уголовного судопроизводства в подавляющем большинстве случаев оценивается положительно, т. к. он, безусловно, улучшил российское уголовное судопроизводство. С другой стороны, как акт политический, он вызывает много более полярные эмоции, причем часто одинаково критические с противоположных позиций, ибо для одних он был недостаточно радикален (полумера), а для других – чрезмерно либерален (внутренняя диверсия). Так что же представлял собой Устав уголовного судопроизводства: сугубо процессуальное, техническое и политически нейтральное *правовое* мероприятие по оптимизации расследования и рассмотрения уголовных дел или кардинальную *политическую* реформу государства, для кого-то фатальную, а для кого-то благостную, чьи оценки зависят от тех или иных политических взглядов и пристрастий и нейтральными быть не могут по определению?

Данная противоречивость и неоднозначность восприятия Устава уголовного судопроизводства, когда не совсем понятно, как (положи-

тельно или отрицательно) и по каким критериям он оценивается, отчетливо прослеживается в трех высказываниях, отстоящих друг от друга примерно на полвека, но одинаково принадлежащих перу людей, для которых Устав – это живой, действующий уголовно-процессуальный закон.

Так, в декабре 1864 г. на страницах «Журнала министерства юстиции» появилась статья, подписанная одними инициалами. Ее автор писал, что если на Западе суд присяжных, а также вообще те или другие формы уголовного процесса «имеют не столько юридическое, сколько политическое значение», то у нас они «имеют одно юридическое значение», и «поэтому для России возможна недостижимая для остальной Европы задача оценить эти формы и провести их в процесс не в видах политических, которые всегда так сильно вредили делу судебных реформ, а в интересе справедливости» [4, с. 370].

Через сорок лет известный либеральный юрист и публицист И.В. Гессен в специальной юбилейной статье заметил, сколь «важная задача лежала на новом суде по отношению к будущему» и, словно отвечая автору ранее процитированных строк, разъяснил свою мысль: «В этом смысле совершенно правы писатели реакционного лагеря, когда они говорят, "что теоретики 1861 – 1864 годов имели в виду *не улучшение способов решения гражданских и уголовных дел* (курсив мой – Л. Г.), но создание такого суда, который содействовал бы перестройке самого государственного организма по веяниям того времени"». И далее совсем уж откровенно: «У нас сегодня нет судебных уставов 20 ноября и нам нужно сознать, что их и не будет, пока они не перестанут противоречить интересам власти, иначе говоря, пока не произойдет обновления политического строя России» [2, с. 3229].

В аналогичном духе и с не меньшей прямоотой чуть позже высказался профессор М.П. Чубинский: «Какая же была причина восторга? – Мы усматриваем ее в том, что судебная реформа имела не только громадную юридическую важность, но еще большую важность политическую» [5, с. 190].

Первое из высказываний отражает чаяния российских властей, рассматривавших уголовно-процессуальную реформу как мероприятие сугубо правовое, лишённое какой-либо политической коннотации: дескать, государству необходим качественный уголовный процесс (для расследования и рассмотрения уголовных дел); существуют оптимальные современные европейские подходы (прежде всего, французские), причем неважно, в каком политическом контексте они создавались – данные подходы технически и политически нейтральны; если мы их

имплементируем, то получим передовой уголовный процесс, что полезно для укрепления государства; для этого требуется подготовить и принять кодекс (устав), похожий на французский, а любой кодекс, как мы знаем, помимо прочего, *a priori* стабилизирует право и, следовательно, опять-таки государство.

Второе и третье высказывания опускают нас с небес на землю и заставляют взглянуть на ту же реформу другими глазами, где ключевым является фактор как раз не правовой (технический), а политический: уголовно-процессуальная реформа произведена по французским образцам, которые в свою очередь отражают величайшие европейские политические преобразования, связанные с Великой французской революцией (разделение властей, независимый суд, суд присяжных и т.п.); поэтому ничего технически нейтрального в реформе нет, она имеет очевидную политическую окраску и призвана изменить государство «сверху», направив его в европейски-французское русло; если этим не воспользоваться, превратив реформу в рутину (всего лишь институциональную оптимизацию), то это означает ее полную бессмысленность – реформу следует считать успешной только тогда, когда она вместе со всеми своими кодексами разрушает «устой», т.е. дестабилизирует государство, позволяя произвести мирными средствами исконую политическую революцию или хотя бы приблизиться к ней.

Совершенно очевидно, что между двумя приведенными взглядами на одну и ту же уголовно-процессуальную реформу существует непреодолимое противоречие, причем противоречие, которое невозможно обнаружить в ключевых западных правопорядках, никогда не отрывающих правовые институты от политического строя и стоящей за ним идеологии, не допускающих какого-либо разрыва между ними. Только при таком условии реформа может «созидать», а не «разрушать», а кодекс быть не дестабилизатором, а стабилизатором. Российская же власть смотрела на уголовный процесс и «кодексы» совершенно автономно, как на нечто заведомо неполитическое, технократическое, сродни физическим законам или химическим формулам, которые требуется знать, изучать и применять независимо от политического контекста. Именно такой подход и привел к парадоксальной ситуации, когда российская абсолютная монархия стремилась строить уголовное судопроизводство по лекалам, разработанным ее геополитическим и политическим оппонентом – революционной Францией, причем без малейшего намерения одновременно производить какие-либо политические реформы и не рассматривая в качестве таковых ни объявление суда независимым, ни введение суда присяжных, что являлось нонсен-

сом, в том числе с точки зрения большинства представителей российской интеллектуальной элиты. В таком контексте не мог не возникнуть губительный разрыв между, с одной стороны, государством, его политической и идеологической системой, а с другой – уголовно-процессуальными институтами и ожиданиями общества, во всяком случае значительной его части. Привнесенные реформой институты начали не укреплять, а разъедать государство, провоцируя к тому же острейшую полемику в общественном пространстве, что расшатывало уже общество. Более того, возникает впечатление, что речь не идет о каком-то изолированном эпизоде - недооценка политического и геополитического фактора реформ остается для нас болезнью хронической. Так, в начале уже XXI в. мы столкнулись со столь же парадоксальной ситуацией, когда объявленная политическая суверенизация России сопровождалась и продолжает сопровождаться имплементацией в уголовном процессе американских подходов и основанных на них глобальных рекомендаций, что по меньшей мере странно, поскольку речь идет о подходах страны, которую сами же российские власти неоднократно называли нашим прямым геополитическим конкурентом и которая, казалось бы, в наименьшей степени заинтересована в суверенизации России. Получается, что власть опять видит на этот раз в «американизации» уголовного судопроизводства явление не политическое, а сугубо технократическое (политически нейтральное), что методологически очень напоминает ситуацию XIX столетия.

Уголовный процесс действительно основан на определенной совокупности институциональных закономерностей, их надо знать. Его технологическая составляющая очень существенна. Однако автономной от государства она не является в том смысле, что государство должно управлять этой технологией, используя данные закономерности сообразно, а не вопреки своим политическим и идеологическим целям. Точно также технологическая составляющая, например, законов ядерной физики и решение проблемы интеллектуального овладения ими отнюдь не снимают с государства другой задачи: сделать правильный политический выбор способов их применения («мирный атом», ядерное оружие, безъядерный статус и т.п.), который укреплял бы государство, а не разрушал его.

Поэтому, как справедливо отмечается, в литературе, «чтобы определиться с желаемым типом правосудия, крайне важно, прежде чем задавать институциональные рамки развития судебной системы, определиться с типом государства, для которого она предназначена. В этом смысле проект единственно "правильной" модели правосудия

неизбежно приобретает идеологическое измерение» [1, с. 260]. На Западе это поняли давно, у нас – нет.

Следовательно, если тип государства – это абсолютная монархия, то правосудие вряд ли может быть построена на республиканских идеях разделения властей (XIX в.). Если тип государства – это суверенная реализация власти в многополярном мире, то правосудие не может быть построено на идеях деэтизации, глобального регулирования, переноса центра принятия уголовно-процессуальных решений на наднациональный уровень и т.п. (XXI в.).

Если мы правильно определились с типом государства и выбрали адекватную ему модель правосудия (в том числе, конечно, не только с ценностной, но и с технологической точки зрения), то уголовно-процессуальные реформы и кодификации стабилизируют и право, и государство. Если у нас это не получилось, то реформы разрушают как первое, так и второе. Отсюда такая осторожность с уголовно-процессуальными реформами на Западе, где никто не экспериментирует без острой необходимости с моделями уголовного процесса. Отсюда же инфляция кодексов и реформ в странах «третьего мира», где не приходится говорить ни об устойчивости государства, ни о качестве правовой системы.

Либеральные уголовно-процессуальные реформы XIX в. – прекрасный пример разрыва между государственным устройством, политикой государства и его целями, с одной стороны, и многими уголовно-процессуальными институтами, не адекватными ни этому устройству, ни этой политике, ни этим целям, с другой стороны, что привело не к созидательным, а скорее к разрушительным (пусть медленным и не всегда сразу заметным) явлениям, прекрасно подмеченным И.В. Гессеном, личные субъективные оценки которого в данном случае вторичны. Причем проблема заключалась даже не в наборе конкретных уголовно-процессуальных норм и институтов, а в полной недооценке российским законодателем самого фактора их политической функциональности и переоценке якобы технологической нейтральности. В дальнейшем это привело к колебаниям, контрреформам, недовольству со стороны как «консерваторов», так и «либералов» и прочим негативным для престижа власти, государства и права последствиям.

Не сталкиваемся ли мы с чем-то подобным и в наши дни, когда наблюдаем недооценку политического фактора уголовно-процессуальных реформ и увлечение идеями технологического псевдоуниверсализма уголовного процесса (на самом деле одной его модели), а затем удивляемся неудачам, контрреформам, сетуем на нестабильность уголовно-процессуального законодательства, которое опять-таки

критикуется как «справа», так и «слева»? При таком подходе уголовно-процессуальные реформы *a priori* не могут способствовать стабилизации и укреплению права и государства, лишь медленно, но неуклонно подтачивая как одно, так и другое.

В отечественной уголовно-процессуальной истории есть и обратный пример абсолютно точного выбора уголовно-процессуальной модели, когда политическая власть сначала определилась с типом государства и политической системы, имея в виду постсталинский СССР (отказ от политики репрессий с сохранением достаточно жесткого и стабильного государства), а затем компетентно разработала полностью соответствующий данному типу государства вариант уголовного судопроизводства, кодифицировав его в УПК РСФСР 1960 г. Именно поэтому данный кодекс отличался завидной стабильностью, т.е. тем самым искомым «эффектом кристаллизации», о котором многие современные кодификаторы могут только мечтать. Не вызывает особых нареканий и уголовный процесс того времени, особенно с позиций сегодняшнего дня, во всяком случае его в наименьшей степени можно считать виновником распада того государства, которому он служил и которое, строго говоря, без особых проблем пережил.

Впрочем, вопрос все-таки не в оценке того или иного конкретного кодекса, а в необходимости придерживаться очевидной методологической корреляции между типом государства, его идеологией, геополитическим местом в современном мире и избираемой моделью уголовного процесса. В противном случае неизбежны разрушительные противоречия, с которыми в значительной мере столкнулись творцы российских либеральных уголовно-процессуальных реформ XIX в. и которые привели к столь неоднозначному восприятию Судебных уставов со стороны их современников. Не всегда просто оно и сегодня, особенно когда мы выходим за пределы узкого уголовно-процессуального дискурса и начинаем смотреть на данные реформы в более широком политическом контексте.

Список использованных источников

1. Беше-Головко К. Суд как элемент государственного механизма на пересечении между политикой и гражданским обществом // Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. – М.: Издательство «Статут», 2018. С. 259 – 271.
2. Гессен И. К сорокалетию судебной реформы // Право. 1904. 21 января (№ 47). С. 3227 – 3236.
3. Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. - М.: Издательство «Статут», 2007. – 476 с.

4. Ч. П. По поводу судебной реформы в России // Журнал министерства юстиции. 1864. Т. XXII. Декабрь. Ч. II. Неофициальная. Отдел I. С. 369 – 380.
5. Чубинский М. П. Судебная реформа // Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. Т. 2 (1906 – 1911 гг.). Спб. 1912. С. 147 – 198.

З. З. Зинатуллин

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности,
Удмуртский государственный университет

УЧЕНЫЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ЛЕНИНГРАДСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ: К 40-ЛЕТИЮ ОЧЕРКОВ РАЗВИТИЯ НАУКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В связи с 40-летним юбилеем Очерков развития науки советского уголовного процесса, подготовленного коллективом ученых Ленинградского государственного университета, автор данной статьи раскрывает генезис развития уголовно-процессуальной науки в Санкт-Петербургском университете, формулирует современные проблемы российской уголовно-процессуальной науки, доминантой которых является создание соответствующего реалиям жизни постсоветской России качественного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: очерк, уголовно-процессуальная наука, проблемы, законодательство, постсоветская Россия.

Zinur Z. Zinatullin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure
and Law Enforcement
Udmurt State University

SCIENTISTS OF ST. PETERSBURG (LENINGRAD) UNIVERSITY OF CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE: ON THE 40TH ANNIVERSARY OF THE ESSAYS ON THE DEVELOPMENT OF SCIENCE OF THE SOVIET CRIMINAL PROCESS

In connection with the 40th anniversary of the Essays on the development of the science of Soviet Criminal Procedure, prepared by a team of scientists from Leningrad State University, the author of this article reveals the genesis of the development of criminal procedure science at St. Petersburg University, formulates modern problems of Russian criminal procedure science, the dominant of which is the creation of high-quality criminal procedure legislation corresponding to the realities of life in post-Soviet Russia.

Keywords: essay, criminal procedure science, problems, legislation, post-Soviet Russia.

Родоначальником уголовно-процессуальной науки «с берегов Невы» является вне всякого сомнения основатель Санкт-Петербурга Петр I. Свидетельством этому являются созданные им практически первого в России процессуального Кодекса в виде «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», «Артикула воинского» и знаменитого «Зерцало», в которых предписывалось суду быть быстрым и решительным в пресечении любых попыток нарушения установленного порядка производства; чиновникам предписывалось блюсти законы, вершить дела в точном соответствии с уставами и регламентами. Осуществление надзора за исполнением законов возлагалось на учрежденную также Петром I прокуратуру [8].

В числе ученых процессуалистов Санкт-Петербургского университета необходимо назвать имена таких профессоров как Яков Иванович Баршев, монография которого «Основания уголовного судопроизводства в применении к российскому уголовному судопроизводству» стала первым систематизированным курсом уголовного процесса России; Павел Исаевич Люблинский с известной работой «Свобода личности в уголовном процессе», Николай Николаевич Розин и, конечно же, автор капитальных трудов по уголовному судопроизводству и судострою Иван Яковлевич Фойницкий.

Самый существенный вклад в советскую уголовно-процессуальную науку после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. внесен такими учеными как проф. Н.С. Алексеев, П.С. Элькинд, В.З. Лукашевич, В.Г. Даев, И.Ф. Крылов с плеядой фундаментальных работ как по общим проблемам уголовного судопроизводства, включая вопросы о сущности уголовно-процессуального права, гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, теории доказательств и доказывания, осуществления розыска и производства дознания и следствия[5; 9].

В развитие сложившейся со времен проф. Н.Н. Полянского тенденции на анализ состояния и развития российской уголовно-процессуальной науки (работы: Очерк общей теории уголовного процесса М. 1927; Вопросы теории уголовного процесса М. 1956 г.; Очерк развития советской науки уголовного процесса М. 1960 г.) ученые процессуалисты Ленинградского университета проф. Н.С. Алексеев и В.Г. Даев в соавторстве с проф. Л.Д. Кокоревым публикуют в 1980 г. «Очерк развития науки советского уголовного процесса»[3]. Этот поистине фундаментальный труд стал своего рода настольной книгой каждого, чьи жизненные интересы связаны с познанием уголовно-процессуальной материи.

Настоятельная необходимость в такой работе обуславливалась принятием нового уголовно-процессуального законодательства и оценкой его постулатов в правоприменительной деятельности в условиях демократизации на основе решений XXII съезда КПСС социальных отношений и развернувшихся научных исследований по установлению эффективности как всего советского права, так и его отдельных отраслей.

1973 г. ознаменовался научно-практической конференцией – «Эффективность применения уголовного закона». Один за другим появляются работы по проблемам эффективности правосудия и предварительного следствия; разрабатываются формулы и матрицы по установлению эффективности правовых установлений [6; 7]. Своего рода консолидантом таких исследований в области уголовного судопроизводства и стал «Очерк развития науки советского уголовного процесса».

Совершенно не подвергая сомнению ни в целом высокое качество и содержание «Очерков» обращает внимание логическая стройность работы, позволившая ее авторам охватить и наглядно проиллюстрировать весь сложный и во многом трудный путь становления и развития советской уголовно-процессуальной науки. Все излагаемое подтверждается соответствующим законодательным материалом и научными исследованиями. Авторы обращают внимание на то, что «поиски новых форм судопроизводства были сопряжены с немалыми трудностями, не всегда эти поиски были удачными, но неуклонно пробивали себе дорогу на создание системы, обеспечивающей выполнение задач законности, осуществления правосудия в интересах всего народа» [2]. Позволим только усомниться в обоснованности утверждения авторов о том, что «уже конец 20-х гг. характеризуется наличием сложившейся в основе науки советского уголовного процесса» [2]. Наука не может быть построена практически только на одних Декретах и Постановлениях ЦИК и СНК, немногочисленных научных исследованиях и учебниках А.Я. Вышинского и М.А. Чельцова – Бебутова. Наука, как известно, обладает свойством кумулятивности, заключающемся, в частности, в том, что в ней на каждом своем историческом этапе развития суммируются в концентрированном виде свои прошлые достижения. Вряд ли таковые уже были к концу 20-х годов прошлого столетия, в сложных, переломных условиях формирования советской государственности, развития социума. Для формирования науки нужны устойчивое качественное законодательство, солидный эмпирический материал, фундаментальные научные исследования. С учетом таких обстоятельств и сложившейся реалией представляется правильным утверждать, что советская уголовно-процессуальная наука сложилась как

наука лишь к 80 гг. XX века. Свидетельством сказанному и является создание учеными Ленинграда «Очерка развития науки советского уголовного процесса», 40 летний юбилей которого отмечала в 2020 г. российская уголовно-процессуальная наука.

Что касается судьбы советской уголовно-процессуальной науки, то она развалилась вслед за развалом Союза ССР. Считать, что какие-то его положения стали составляющими вновь нарождающейся российской уголовно-процессуальной науки весьма проблематично. Проблематично было вести речь вообще о российской уголовно-процессуальной науке в сложившейся во всех отношениях жизни нашего социума в 90-х г. XX века.

Во исполнении «Концепции судебной реформы» от 24 октября 1991 г. преобразуются судебная система, следственно-прокурорские и правоохранительные органы. В правоприменении сложилась парадоксальная ситуация, когда при наличии УК РФ 1996 г. производство по уголовным делам продолжало осуществляться на основе УПК РСФСР 1960 г. Проекты нового УПК РФ следуют друг за другом. Плюрализм мнений о модели, формах построения уголовного судопроизводства и многих иных узловых вопросах суждениях просто захлестнули уголовно-процессуальную науку.

Наконец, прорвавшись сквозь нескончаемые дискуссии, 18 декабря 2001 г. утверждается УПК постсоветской России, приоритетной задачей которого становится служение человеку, защите его прав и законных интересов.

По всей стране разворачиваются международные, региональные и межвузовского уровня научно-практические форумы; выполняются диссертационные исследования, издаются научные труды, разрабатывается учебная и учебно-методическая литература. Ученые Санкт-Петербургского государственного университета, естественно, здесь не могли и не имели права оставаться в стороне. И в первых рядах ведущий кафедрой уголовного процесса и криминалистики проф. А.И. Александров, монографию которого «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности», академик В.Н. Кудрявцев отнес к одному из лучших научно-исследовательских и общественно-публицистических произведений последнего времени [1]. Вскоре появляется и монография Н.П. Кирилловой «Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел», в которой раскрываются острые и во многом дискуссионные вопросы современного российского уголовного процесса [4].

О том, что ученые Санкт-Петербургского государственного университета, в лице профессоров А.И. Александрова, Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко и других будут и впредь находиться в первых рядах создателей российской уголовно-процессуальной науки свидетельствуют и регулярно проводимые в университете научные форумы, включая и международную научно-практическую конференцию «Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ. Уголовная юстиция России в развитии».

Будучи сопричастным к Ленинградской (Санкт-Петербургской) школе процессуалистов (ось моего становления в уголовно-процессуальной науке – Казанский, Московский и Ленинградский государственные университеты) и посчитав необходимым внести и свой посильный вклад в познание процесса развития уголовно-процессуальной науки в постсоветском пространстве опубликовал в издательстве «Юрлитинформ» в 2021 г. монографию «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы», посвятив раскрытию ее общетеоретических доминант [3]. Что касается проблем уголовно-процессуальной науки, связанных с производством по уголовным делам на отдельных его этапах, то это предмет дальнейших изысканий. Проблем же здесь очень много. Контуры некоторых из них очерчены и в названной работе.

Приятно отметить, что во многом доминантными проблемы суждения современных российских процессуалистов большей своей частью совпадают. Свидетельством этого является, в частности, и данный научный форум. Сегодня мы практически едины в том, что наше уголовное судопроизводство не может полностью строиться на составительных началах по причине одного лишь того, что в силу предписаний ст. 2 Конституции РФ государство обязано реагировать на каждые случаи посягательства на права и свободы человека и гражданина; мы едины в необходимости восстановления в статусе уголовно-процессуального принципа требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела как на этапах досудебного и судебного производства по уголовным делам. Роботы и другие современные технические средства могут помочь в сборе доказательственной информации, но прерогатива в надлежащей оценке доказательств принадлежит только человеку, единственному, кто наделен во всем мировоздании разумом, по принятию судьбоносного решения.

Не решенными надлежащим образом остаются и многие другие проблемы. В их числе пределы дифференциации уголовного судопро-

изводства; установление особого порядка уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц, что явно не согласуется со ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом (странно – все это видят, но «не замечают»); вопреки канонам об ответственности каждого за правонарушение, тем более – преступление; законодатель продолжает «гладить по головке» наших предпринимателей в числе которых не мало мошенников. Проблем много, множество и самых разных.

Главной же проблемой является сегодня необходимость конструирования качественного, отвечающего потребностям сегодняшнего дня Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Еще нет и двадцати лет со дня начала его действия, но сегодня он в корне совершенно иной, чем его 18.12.2001 г. подписывал наш Президент. В целом же УПК РФ утратил свое целостное содержание, превратился просто в набор Федеральных законов по отдельным вопросам уголовного судопроизводства. В чем это проявляется – каждому участнику данной конференции, конечно же, ясно. Практически все, кто в той или иной форме связан с Российским уголовным судопроизводством (следователи, прокуроры, судьи, адвокаты, профессорско-преподавательский состав юридических учебных заведений, ученые-исследователи института законодательства и сравнительного правоведения и др.) просто завалены во многом обоснованными предложениями по совершенствованию УПК РФ, уголовно-процессуального пространства вообще [3]. Должной реакцией от законодателя, к сожалению, не видно.

Советом Федерации Государственной Думы Российской Федерации проблему создания качественного надлежащего уголовно-процессуального законодательства России надлежит поставить в числе первоочередных проблем законодательного регулирования. О том, что это можно, нужно и вполне возможно сделать, свидетельствует недавний опыт по внесению в 2020 г. существенных корректировок в Конституцию РФ. Аналитически мыслящих юристов – процессуалистов в России предостаточно.

Список использованных источников

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности. СПб. 2003, 562 с.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж. 1980 – 252 с.
3. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы. Общетеоретические доминанты. М. 2021.

4. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства. СПб., 2007.
5. Лукашевич В.З. Гарантия прав обвиняемых в советском уголовном процессе. Л., 1959.
6. Петрухин И.Л., Батуров Г.П. Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М. 1979.
7. Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М. 1979.
8. Чельцов–Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Санкт-Петербург. 1995.
9. Элькин П.С. Сущность советского уголовного процессуального права. Л., 1963.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

В настоящей статье автор рассматривает институт судебного штрафа в контексте реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела. На предмет соответствия Конституции РФ анализируются положения ст.446.2 УПК РФ, позволяющие отказывать в удовлетворении ходатайства следователя и дознавателя при наличии оснований для прекращения уголовного дела. На основе позиции, изложенной в ряде Постановлений Конституционного суда РФ, автор приходит к выводу, что отказ в удовлетворении ходатайства следователя и дознавателя при наличии реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела фактически является возвращением уголовного дела для проведения дополнительного расследования

Ключевые слова: судебный штраф, реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела, возвращение уголовного дела.

Pavel A. Kamatesov

attorney, SAB"TaxeS, economy, business"

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE APPOINTMENT OF A JUDICIAL FINE

Summary: In this article, the author examines the institution of a court fine in the context of rehabilitating and non-rehabilitating grounds for terminating a criminal case. For compliance with the Constitution of the Russian Federation, the provisions of Article 446.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, which make it possible to refuse to satisfy the petition of the investigator and the inquiry officer if there are grounds for terminating the criminal case. Based on the position set forth in a number of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author comes to the conclusion that the refusal to satisfy the petition of the investigator and the interrogating officer in the presence of exonerating grounds for the termination of the criminal case is in fact the return of the criminal case for additional investigation

Key words: judicial fine, rehabilitating and non-rehabilitating grounds for terminating a criminal case, return of a criminal case.

Институт судебного штрафа некоторыми авторами [8, 138] рассматривается в науке уголовного процесса как одно из нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела. Законодателем норма о судебном штрафе- ст. 25.1 УПК РФ помещена в главу УПК РФ,

посвященную именно основаниям отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Вместе с тем, двойственная природа судебного штрафа позволяет согласиться с вышеуказанным утверждением лишь отчасти.

Разделение оснований прекращения уголовного дела и уголовно-го преследования на реабилитирующие и нереабилитирующие является традиционным.

Под реабилитацией в соответствии с п. 34 ст. 5 УПК РФ понимается порядок восстановления прав и свобод лица, которое подвергалось незаконному или необоснованному уголовному преследованию. Таким образом, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующему основанию предполагает принятие процессуального решения, в котором утверждается незаконность или необоснованность уголовного преследования конкретного лица.

Как отмечается в работах Химичевой Г.П. применительно к стадии предварительного расследования, «деление оснований прекращения уголовного дела на реабилитирующие и нереабилитирующие наиболее полно раскрывает сущность института прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования, понятие и содержание оснований для его применения, а также вытекающие из этого правовые последствия» [7, 249].

Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон прямо не содержит перечня нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Разграничить основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования на реабилитирующие и нереабилитирующие возможно на основе анализа положений ст. 135 и главы 4 УПК РФ.

Право на реабилитацию в соответствии с положениями ст.135 УПК РФ имеют:

- 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;
- 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения;
- 3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным п. 1,2,5 и 6 ч.1 ст. 24 и п.1 и 4-6 ч.1 ст. 27 УПК РФ;
- 4) осужденный- в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч.1 ст. 27 УПК РФ

5) лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера,- в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры.

Таким образом, предусмотренные главой 4 УПК РФ основания прекращения уголовного дела или отказа в его возбуждении, не указанные в ст. 135 УПК РФ являются нереабилитирующими и соответствующего права у лица, привлекавшегося к уголовной ответственности, не порождают. К ним относятся:

- 1) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 2) смерть подозреваемого или обвиняемого;
- 3) примирение сторон;
- 4) прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;
- 5) акт об амнистии;
- 6) прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием;
- 7) прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба.

Не порождает права на реабилитацию и основание прекращения уголовного дела, предусмотренное ч.2 ст. 24 УПК РФ - устранение преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом.

За период действия уголовного и уголовно-процессуального кодексов РФ, комплекс нереабилитирующих оснований подвергался корректировке. В разные периоды времени некоторые основания исключались (прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки) и появлялись новые (прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба), изменялись перечни составов преступлений, по которым могли приниматься решения о прекращении уголовных дел.

К общему признаку всех нереабилитирующих оснований относят наличие обязанности лица подвергнуться государственному осуждению. Однако, лицо в силу определенных причин освобождается от реализации данной обязанности [1, с. 41]. Таким образом, реализации современной уголовной политики приводит к расширению перечня причин, при наличии которых государство полагает возможным освободить лицо от обязанности подвергнуться государственному осуждению.

Первая форма реализации судебного штрафа предусматривает полноценное предварительное расследование, завершаемое составлением обвинительного заключения (акта, постановления), которое

утверждается прокурором и направляется в суд для разрешения его по существу. Суд вправе прекратить дело и назначить обвиняемому судебный штраф или вынести приговор или иное итоговое судебное решение. В этом случае при рассмотрении уголовного дела суд руководствуется общими условиями судебного разбирательства, обеспечивающими обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса все процессуальные гарантии. Эта процедура предусмотрена ст. 446.3 УПК РФ.

Данная форма реализации судебного штрафа по своей природе близка к нереабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела и уголовного преследования, однако институт в целом не регулирует.

Вторая форма предусматривает возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования еще на стадии предварительного расследования при его не полном завершении. В соответствии со ст. 446.2 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора, при наличии предусмотренных в ст. 25.1 УПК РФ оснований вправе обратиться в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В этом случае суд в порядке ст. 446.2 УПК РФ рассматривает это ходатайство в упрощенной форме, которая не обеспечивает в полной мере процессуальные гарантии как потерпевшему, так и обвиняемому. Сама процедура рассмотрения ходатайств очень схематична и судам понадобились соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 19 от 27.06.2013г. [6] рекомендовал судам при рассмотрении ходатайств следователя (дознателя) использовать упрощенную процедуру, предусмотренную для судебного контроля.

Вторая форма реализации судебного штрафа является упрощенной уголовно-процессуальной формой. Она представляет собой совокупность установленных уголовно-процессуальным законом условий, в которых стороны защиты, обвинения и суд осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, направленные на разрешение уголовного дела по существу в упрощенном порядке.

О тесной связи института судебного штрафа с иными основаниями прекращения уголовного дела свидетельствует положения п.2 ч.5 ст. 446.2 УПК РФ, в соответствии с которыми суд отказывает в удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя в случае, если уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

В связи с недостаточностью правового регулирования порядка прекращения уголовного дела (преследования) с назначением судебного штрафа, установленного ст. 446.2 УПК РФ, не представляется возможным установить – о каких основаниях прекращения уголовного дела или уголовного преследования идет речь - реабилитирующих или нереабилитирующих.

В соответствии с вышеуказанными положениями п.2 ч.5 ст. 446.2 УПК РФ, судом может быть принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и дознавателя в случае, если будут установлены иные нереабилитирующие основания.

Л. М. Володиной сформулировано понятие института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям как системы правовых норм, регламентирующих полномочия компетентных должностных лиц, а также основания, условия и процессуальный порядок окончания производства по делу с разрешением дела по существу в специфической форме без вынесения приговора, означающего освобождение обвиняемого от уголовной ответственности [2, с. 77].

В том случае, если руководствуясь положениями п.2 ч.5 ст. 446 УПК РФ, суд может отказать в удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя на основании отсутствия события, состава преступления или непричастности лица к его совершению, то такое решение будет по нашему мнению противоречить Конституции РФ.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 №7-П [3] признавались противоречащими Конституции РФ положения действовавшего уголовно-процессуального закона, возлагавшие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности неполноты расследования.

Занимая последовательную позицию при оценке установленного ст. 237 УПК РФ института возвращения уголовного дела прокурору, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость возвращения уголовного дела для восполнения неполноты предварительного расследования [4;5].

По нашему мнению, суд, принимая решение об отказе в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) о применении судебного штрафа и прекращении дела или уголовного преследования в связи с тем, что проведенного расследования недостаточно, фактически возвращает дело для производства предварительного расследования для восполнения его неполноты.

При этом в будущем не исключается последующее направление уголовного дела в суд для рассмотрения по существу в общем порядке.

В связи с тем, что прокурор не имеет достаточных полномочий по контролю за предварительным следствием при направлении в суд ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, представленный вопрос особенно актуален при разрешении ходатайств следователей. Полноценный прокурорский надзор предусмотрен только применительно к расследованию в форме дознания. Он обеспечен комплексом полномочий, предусмотренных и ст. 37 УПК РФ, позволяющих прокурору направлять расследование, давать обязательные для исполнения указания о проведении следственных и иных процессуальных действий, отменять любые незаконные и необоснованные решения дознавателя и многие другие. В соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, направление в суд ходатайства дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа требует согласия прокурора.

Прокурор, согласовывая постановление дознавателя, имеет возможность изучить материалы уголовного дела, оценить законность и полноту проведенного расследования, поэтому в случае дачи согласия дознавателю на обращение в суд, он фактически утверждает его постановление, как и иные итоговые документы расследования, такие как обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление.

Иная ситуация складывается в случае, когда ходатайство в суд о назначении меры уголовно-правового характера направляется следователем. Часть 2 ст. 446.2 УПК РФ предусматривает в этом случае только согласие руководителя следственного органа на направление в суд ходатайства следователя. Руководитель следственного органа осуществляет при этом ведомственный контроль, обеспечивая процессуальное руководство предварительным расследованием. Прокурор не участвует в процедуре направления дела в суд, поэтому прокурорский надзор в этом случае ограничен, что снижает качество предварительного следствия.

Об этом свидетельствуют результаты обобщения нами опубликованной судебной практики. В порядке ст. 446.2 УПК РФ, предметом разбирательства в суде по 89% уголовных дел выступало ходатайство именно следователя, и только по 11% уголовных дел ходатайство направлялось дознавателем. О необходимости расширения полномочий прокурора свидетельствуют и то обстоятельство, что количество отказов судов в удовлетворении ходатайств дознавателей существенно ниже, чем следователей.

Список использованных источников:

1. Барабаш А.С. Володина Л.М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст. ст. 6.2-9 УПК РСФСР). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1986.
2. Володина Л.М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 N 7-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород" // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П "По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан"// СПС КонсультантПлюс;
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда" // СПС КонсультантПлюс;
6. Постановление Пленума Верховного суда № 19 от 27.06.2013г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС КонсультантПлюс.
7. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2003.
8. Черепанова Л. В. О новом нереабилитирующем основании прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1(36). С. 138-141.

В. Н. Карагодин

доктор юридических наук, профессор
Екатеринбургский филиал
ФГКОУ ВО «Московская Академия Следственного комитета
Российской Федерации»

Н. В. Карепанов

кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛЕДАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье высказываются суждения о необходимости развития криминалистического учения о следах с учетом потребностей практики уголовного судопроизводства и современных достижений науки криминалистики, других научных дисциплин. В рамках названного частнотеоретического построения представляется комплексное изучение, не только материальных, но и идеальных следов преступления и некриминальных действий. Обращается внимание на необходимость более гибкого использования системно-структурного подхода к разработке практических рекомендаций по исследованию сочетаний, комплекса следов предкриминальной, преступной и посткриминальной деятельности.

В качестве одного из перспективных направлений дальнейшего развития криминалистического учения о следах называется его структурирование и усиление методологической базы, определение места в системе криминалистики.

Ключевые слова: материальные и идеальные следы преступления; совокупность, комплексы следов; криминалистическое учение; система криминалистики.

Valery Karagodin

Doctor of Law, Professor, Head of Department of Forensics of the Yekaterinburg
Branch Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian
Federation

Nikolai Karepanov

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Forensics
Ural State Law University

FORENSIC TEACHING ON TRACES: THE CURRENT STATE, PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Abstract: The article expresses judgments about the need to develop a forensic teaching on traces, taking into account the needs of criminal justice practice and modern advances in forensic science, other scientific disciplines. Within the framework of this private-area structure, a comprehensive study is presented, not only material, but also ideal traces of crime and non-criminal actions. Attention is drawn to the need for a more flexible system-structural approach to the development of practical recommendations for the study of combinations, complex traces of pre-criminal, criminal and post-criminal activities.

One of the promising areas of further development of forensic teaching about traces is called its structuring and strengthening of the methodological base, determining a place in the system of forensics.

Keywords: material and ideal traces of crime; Totality, traces complexes; Forensic teaching; Forensics system.

Формирование криминалистического учения о следах началось практически одновременно с зарождением отечественной криминалистики. Пионеры российской криминалистики В. И. Громов, С. М. Потапов, П. С. Семеновский, И. Н. Якимов и другие ученые сначала проводили исследования отдельных видов следов человека, используемых им орудий, механизма их образования, разрабатывали на этой основе практические рекомендации по их обнаружению, фиксации и исследованию. Позднее уже в советский период появились первые парадигмы анализируемого криминалистического учения: понятия следов, механизма их образования и т. п. Преобладавшая в этот момент прагматическая концепция криминалистики как науки о раскрытии преступления несомненно сказалась и на содержании научных положений о следах. В криминалистике изучались в основном материальные следы преступления. Было сформулировано понятие следов в широком смысле как любых изменений, вызванных совершением преступления, и в узком – как отпечаток, отражение на материальных объектах внешнего строения формы других предметов, позволяющих идентифицировать их как использованные при совершении преступления.

В середине прошлого века Б. И. Шевченко были разработаны научные основы судебной трасологии, как раздела криминалистической техники, в рамках которого изучаются материальные следы преступления и разрабатываются практические рекомендации по их обнаружению, фиксации, исследованию и использованию в расследовании преступлений [12].

Многие положения выдвинутые Б. И. Шевченко справедливо рассматриваются как актуальные и релевантные для современных криминалистических следов. Среди них выделяются понятия, и классификация следов преступления, придается значение и положениям о механизме следообразования, в особенности связанного с обоюдным отражением взаимодействующих объектов, одновременно являющихся и следообразующим и следовоспринимающим [11].

Таким образом современная судебная трасология базируется на парадигмах, в большинстве своем разработанных на ранних этапах развития отечественной криминалистики. Несомненно, она расширялась и совершенствовалась и в более поздние периоды прогресса названной отрасли научного знания.

Существенный вклад в развитие криминалистического учения о следах внес известный ленинградский ученый-криминалист И. Ф. Крылов. Его монографии «Следы на месте преступления», «Криминалистическое учение о следах» [4, 5], содержат фундаментальные положения, образующие методологическую основу частного криминалистического учения. Обращает на себя внимание и объединение положений всех видов следов в рамках единого криминалистического учения. Несмотря на то, что в названных работах основное место отводится следам преступления, нельзя не признать приоритета и важности попытки системного подхода к изучению названных явлений.

В теории криминалистики и следственной практики не отрицается существование и важность исследования идеальных следов. Н. Н. Лысов и Салтевский М. В. допускают образование следов в области интеллекта, мысли, «идеального» [6, с. 32; 8]. Н. П. Яблоков называет такие следы интеллектуальными и психофизиологическими [13, с. 44]. П. Ю. Тимошенко, В. В. Агафонов и В. М. Плескачевский считают, что название «идеальные следы» достаточно условно, и даже некорректно поскольку их источник (результат появляющийся в мозгу человека – изменение электростатических импульсов, особенностей протекания биохимических процессов) и носитель материальны. По их мнению, такие следы следует называть следами памяти [10, с. 61]. Л. А. Сувова, полностью соглашаясь с авторами указанных суждений, все же

предпочитает термин «идеальные следы» на том основании, что он является достаточно устоявшимся в криминалистической литературе [9, с. 34–35]. В итоге большинство склоняется к мнению, что мы имеем дело со следами памяти. Вместе с тем память – это только одна из основных психических функций человека. Высшая нервная деятельность нормального человека осуществляется при тесном неразрывном взаимодействии всех психических функций и даже первой и второй сигнальных систем. При этом законы первой сигнальной системы действуют также и на вторую, потому что это работа все той же нервной ткани [3, с. 112–125]. Следовательно, при выявлении и исследовании следов высшей нервной деятельности человека мы имеем дело как минимум с пятью его основных психических функций: гнозис (познание, мышление); Мензис (память, запоминание информации); праксис (программа движения); фазис (язык, речь); интеллект (способность к анализу, классификации, интерпретации информации). Другими словами, это ядро когнитивной деятельности человека. В этом случае правильнее, на наш взгляд говорить о *когнитивных* следах, а не о следах памяти человека.

В науке высказывается суждение о том, что подобные идеальные отражения являются результатом вполне материальных процессов и представляют материальное образование. Тем не менее специфика механизма их образований, процессов хранения и воспроизведения, обуславливают особенности этих следов. Это несомненно является основанием для выделения их в отдельную классификационную группу. В тоже время процесс образования этих следов обладает значительным сходством с процессом формирования следов, традиционно называемых материальными. В том и другом случае действуют сходные законы диалектического взаимодействия и отражения, сохранения энергии и относительности и др. Немаловажно, что эти следы нередко возникают в одно и тоже время, могут неадекватно отражать следообразующие объекты, подвергаться изменениям после образования и т. п. Другими словами имеются все основания для выдвижения и последующей проверки средствами научного познания суждения о том, что процессы образования названных видов следов, не только пересекаются в реальной действительности, но и характеризуются сходными закономерностями.

В последнее время в отечественной криминалистике активно обсуждаются так называемые электронные или цифровые следы. Спектр мнений относительно понятий этих следов достаточно широк. Ю. Г. Гаврилин и В. В. Шипилов относят к ним специфические отражения в

информационных полях, являющиеся результатом преобразования компьютерной информации без отражения пространственной формы следообразующего объекта [2, с. 4–5]. В. А. Мещеряков понимает анализируемые следы как электронно-цифровую модель объекта, сведения о котором обрабатываются, хранятся, передаются с помощью электронного носителя. К ним также относятся модели процессов по передаче, хранению, обработке информации [7, с. 269]. По аналогии с дорожкой следов ног человека предлагалось ввести в понятийный аппарат криминалистики понятие дорожки информационно электронных следов, в которую включить регистрационные записи в компьютерах отправителя и получателя, электронных средствах оператора электронной сети, устройствах транзитера о подключении определенных электронных аппаратов, обработки, передачи и хранения с их помощью цифровой информации [1, с. 165–166].

Представляется, что процессы образования, обнаружения, фиксации, исследования этих следов не относятся к объекту криминалистики. Изучение механизма их образования является прерогативой естественно-технических отраслей научного знания электроники, программирования и т. п. Познание сущности этих процессов не под силу криминалистам и требует специальных познаний в сфере названных и иных научных дисциплин. В то же время разграничение этих и традиционно изучаемых в криминалистике следов, на наш взгляд, требует проведение исследований в рамках дальнейшего развития криминалистического учения о следах.

Думается, что понятие следов в криминалистике нуждается в определенном уточнении. Так прежде всего при проведении криминалистических исследований и в практике расследования уже давно изучаются и используются процессы образования и признаки следов не только преступлений, но и действий не являющихся таковыми. В частности, при разработке рекомендаций по распознаванию способов сокрытия преступления путем инсценировки некриминального события изучаются процессы образования и следы действий не являющихся преступными. Так методики распознавания инсценировок самоубийств содержат описание следов этих действий, указания на их отличия отражений имитационных действий. В рамках судебной трасологии изучались действия по инсценировке взлома, с целью сокрытия образовавшейся недостачи.

В современной криминалистике к ее объекту относят не только преступную, но и пред- и посткриминальную деятельность субъекта посягательства. Кроме того, исследуются некоторые виды противодей-

ствия расследованию, не являющиеся преступными. Осуществление этих видов деятельности сопровождается возникновением, хранением, а в ряде ситуаций и изменением, перемещением, уничтожением, утаиванием своеобразных следов.

В реальных ситуациях досудебного производства следователи сталкиваются со сложной следовой обстановкой нередко характеризующуюся наличием оставшихся и (или) разной степени измененных следов преступления, налагающихся на них отражений посткриминальных действий, наличием признаков уничтожения, перемещения некоторых следов, природа и значение которых неясны и т. п. Причудливое сочетание перечисленных и иных следов в ряде случаев существенно затрудняет реконструкцию событий, в результате которых они образовались. В теории же криминалистики, прежде всего в криминалистическом учении о следах отсутствуют рекомендации хотя бы самого общего характера по выявлению, фиксации, исследованию и использованию следов в подобных условиях.

Представляется необходимым продолжение исследований с целью корректировки и дополнения имеющихся классификаций следов, с учетом изменения содержательных вышеупомянутых видов деятельности, изучаемых в криминалистике. При проведении названного исследования целесообразно гибкое использование системно-структурного подхода, позволяющего более полно изучить особенности возникновения, обнаружения, исследования и использования сочетаний, комплексов следов, образовавшихся в результате выполнения различных действий. С учетом этого должны разрабатываться практические рекомендации по обнаружению, фиксации и использованию названных сочетаний и комплексов.

Положения криминалистического учения о следах нуждается в систематизации и структурировании. Определенные сложности представляет собой и определение места анализируемого учения в структуре криминалистики. Не менее сложным и важным представляется установление соотношений криминалистического учения о следах с другими частными теориями криминалистики.

Список использованных источников

1. Вехов В. Б. Информация в информационно-коммуникационных сетях // Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. О. С. Кучина. М., 2017. С. 165–166.
2. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013, № 23. С. 4–5.

3. Костандов Э. А. Краткие сведения о строении нервной системы, высшей нервной деятельности и ее нарушениях при психических заболеваниях // Судебная психиатрия / под ред. Г. В. Морозова и Д. Р. Лунца. М., 1971.
4. Крылов И. Ф. Следы на месте преступления. Л., 1961.
5. Крылов И. Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976.
6. Лысов Н. Н. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Ч. 1. Методологические проблемы. Н. Новгород, 1998.
7. Мещеряков В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5.
8. Салтевский М. В. Криминалистика. В современном изложении юристов. Харьков, 1997.
9. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2006.
10. Тимошенко П. Ю. Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике. Дисс. ...канд. юрид. наук. Киев, 1988.
11. Центров Е. Е., Шевченко Б. И. Истоки современного учения о следах и криминалистической идентификации // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б. И. Шевченко. М., 2004.
12. Шевченко Б. И. Научные основы судебной трасологии, М., 1947.
13. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000.

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и
уголовного процесса,
Уральский государственный юридический университет

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПОЛИЦИЕЙ (ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г.)

Статья посвящена прокурорскому надзору за исполнением законов основным органом дознания Российской Империи – полиции. Рассматривается история формирования данного института, нормативные акты (Устав уголовного судопроизводства 1864 г., акты Сената, циркуляры Министерства юстиции, Департамента Полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов), полномочия прокурора по выявлению нарушений законности и реагированию на правонарушения, рассмотрение жалоб на действия полиции. Особое внимание уделено праву прокурора на проведение дознания.

Ключевые слова: прокурор, полиция, дознание, прокурорский надзор

Oleg A. Kozhevnikov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State University of Law

PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE EXECUTION OF LAWS BY THE POLICE (UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864)

Summary: The article is devoted to the prosecutor's supervision of the execution of laws by the main body of inquiry of the Russian Empire-the police. The article considers the history of the formation of this institution, normative acts (the Statute of Criminal Proceedings of 1864, acts of the Senate, circulars of the Ministry of Justice, the Police Department and the Headquarters of a Separate Corps of Gendarmes), the powers of the prosecutor to identify violations of the law and respond to offenses, and to consider complaints about police actions. Special attention is paid to the right of the prosecutor to conduct an inquiry.

Keywords: prosecutor, police, inquiry, prosecutor's supervision

Несмотря на то, что прокуратура в России появилась в 1722 г., деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам была выделена в виде отдельного направления деятельности прокуратуры только в Циркулярном порядке первого министра юстиции Г.Р. Державина от 8 сентября 1802 г. В обязанности прокуроров вменялось наблюдать, «не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинение

невинности, а с другой стороны упущения и послабления преступлениям, а наипаче сокрытия нестерпимых деяний» (т.е. сокрытия преступлений и послабления преступникам); ходатайствовать и настаивать в губернском правлении, «чтобы следствие проведено было в надлежащую ясность, точность и окончено с совершенным беспристрастием так, чтобы высшей инстанции не было сомнений, ни надобности требовать доследования, когда следствие окончено и преступление открыто», «смотреть за правосудием». Во всех указанных случаях прокуроры «о всяком отступлении от закона или пользы службы доносят министру, представляют ему краткие уведомления о ходе и положении всех вышеупомянутых дел, а также ежемесячно подробные ведомости по делам следственным (т.е. о преступлениях по должности) и уголовным». В отношении арестантов к этим ведомостям прилагались сведения о том, «доставляется ли им пристойное пропитание, разведены ли они сообразно важности каждого преступления и отделяются ли приговоренные уже к наказанию от обвиняемых» и пр. Сенатский указ от 15 декабря 1802 г. подтвердил Циркулярный ордер, и он стал обязательным для исполнения всеми присутственными местами Империи. До 60-х гг. XIX в. прокурорский надзор за осуществлением сыска не нашёл заметного отражения в нормативных правовых актах, возможно, в связи с тем, что соответствующее правовое регулирование только «набирало обороты», находилось на стадии становления, и надзор за его исполнением ещё не приобрёл достаточную актуальность. Полагаем, что этому также способствовало особое положение Тайных канцелярии и экспедиции, а затем Особой канцелярии МВД и Третьего отделения Собственной канцелярии Императора, явно не испытывающих потребности в каком-либо контроле или надзоре, кроме непосредственного подчинения Императору [4, с. 76 -80].

При этом надзорные органы в лице прокуратуры также подверглись реформированию и, по сути, перестали быть исключительно надзорными, получив право участия в уголовном преследовании и административного контроля органов предварительного расследования и полиции. Судебные уставы 1864 г. преобразовали прокуратуру из надзорного органа в орган уголовного преследования, подчинив полицейское дознание прокурору [20, с. 40].

Отделение четвертое Устава уголовного судопроизводства названо «Существо обязанностей и степень власти прокуроров и их товарищей» (ст. 278–287), при этом особенностям прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания посвящены ст. 1035–1035(33) [11, с. 1 - 44].

Как указывают наши современники, анализ положений Устава уголовного судопроизводства Российской Империи, регламентировавшего полномочия прокурора, позволяет сделать вывод о том, что на данном историческом этапе прокуратура не только не утратила своих надзорных полномочий, но и укрепила их регламентацией прав по надзору за органами предварительного следствия и дознания в лице полиции и жандармерии. Примечательно, что посредством уголовно-процессуальных норм регулировалось осуществление оперативно-розыскной деятельности, поскольку под термином «дознание» понимали, как форму предварительного расследования, так и осуществление сыска. Например, ст. 254 Устава гласит: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Отсюда можно сделать вывод о том, что прокурорский надзор за осуществлением дознания в то время одинаково означал как надзор за предварительным расследованием в форме дознания, так и надзор за осуществлением сыска, т. е. оперативно-розыскной деятельностью по выявлению и раскрытию преступлений в современном понимании [4, с. 76 - 80].

При этом, по свидетельству Н. В. Муравьева, еще при подготовке Устава Уголовного Судопроизводства в Комиссии по подготовке Судебной реформы возникли споры об объеме полномочий прокурора в досудебном производстве. В частности, определяя отношение прокурора к полиции по производству дознаний и вообще исполнение требований судебной власти, комиссия остановилась на вопросе о том, чем именно должна быть охраняема непосредственная зависимость чинов полиции от прокурорского надзора [16, с. 408 -415]. В конечном итоге, в Устав вошла статья 279 следующего содержания «По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей». Однако, уже в мае 1869 г., по докладу министра юстиции состоялось Высочайшее повеление Императора об образовании под председательством сенатора К.К. Петерса из чиновников министерства юстиции и внутренних дел особой комиссии, которой было поручено отправиться в губернии уже открытых судебных округов для исследования на местах недостатков следственной части, с тем, чтобы потом внести в министерство юстиции соображения о необходимых по этой части преобразованиях. Комиссия нашла, что прокуратура весьма редко и в слабой степени пользуется своим правом возбуждения уголовного преследования, имеет лишь незначительное влияние на розыскную деятельность поли-

ции [6, с. 415]. Но только 6 июля 1908 г. ст. 279 была дополнена примечанием - лица прокурорского надзора имеют право давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий.

Рассматривая полномочия прокурора в надзоре за исполнением законов полицией, И. Я. Фойницкий писал, что право направления непосредственного или ближайшего надзора, принадлежащее прокуратуре, выражается: а) в праве возлагать на полицию в сомнительных случаях соби́рание сведений посредством негласного разведывания (ст. 312 УУС), прокуратура может возлагать на полицию или производство дознания по делу, или выполнение отдельных разведывательных действий, требования ее обязательны для полиции по всем публичным преступным деяниям, подведомственным как общим, так и местным установлениям; б) в праве не только предлагать приступить к деятельности (как при наблюдении за предварительным следствием), но даже определять сам характер ее, выбирая из нескольких возможных подозрений какое-либо одно и требуя разъяснения его, притом требования это при дознании имеют большую обязательность, чем при наблюдении за предварительным следствием (ст. ст. 250, 253, 255, 261 – 1 – 11, 282, 284 УУС); в) в праве получать от полиции сообщения о всяком происшествии, имеющем признаки преступного деяния (ст. 250 УУС) и результатах произведенных ею дознаний (ст. 253, 255 УУС) [23, с. 377].

Прокурору могло обжаловаться всякое следственное действие, произведенное органами полиции, нарушающее или стесняющее права (ст. 491 УУС). УУС не ограничивал круг подающих жалобу лиц только участниками уголовного судопроизводства. Субъектами обжалования по УУС выступали как участвующие в деле лица, так и лица, призываемые к следствию (свидетели, сведущие лица, поручители, понятые и другие). УУС предусматривал две формы подачи жалобы – словесную и письменную. При этом словесная жалоба подлежала внесению в протокол (ст. 495 УУС). В соответствии со ст. 497 УУС жалоба направлялась тому должностному лицу полиции, чьи действия обжаловались, для представления по принадлежности. Это делалось для того, чтобы должностное лицо ознакомилось с содержанием жалобы и подготовило по ней объяснения. Для направления жалобы и объяснений по принадлежности отводилось 3 дня со времени подачи [3, с. 2459 – 2464].

Если на территории Пермской и Вятской губерний деятельность органов прокуратуры существенно не отличалась от других регионов страны [17, с. 1 - 32]., то в других регионах страны некоторыми авто-

рами были выделены особенности прокурорского надзора за исполнением законов полицией. В частности, А.В. Карякин указывает, что прокуратура после введения Судебных Уставов на территории Кубанской области имела преимущества в судебном процессе перед стороной защиты до 1906 г. Это было связано с отсутствием в этот период времени на Кубани института присяжных заседателей. Вердикт Екатеринодарского окружного суда не был окончательным. Прокурор мог обжаловать и приостановить действие оправдательного приговора. Используя своё влияние на полицию, он мог произвести дополнительное дознание и выявить новые факты, доказывающие вину обвиняемого [10, с. 15].

В Нижегородской губернии было положено начало формированию нового средства надзора органов прокуратуры за исполнением законов полицией. Так, с 1872 г. нижегородская прокуратура ввела практику разъяснения работниками прокуратуры сотрудникам полиции их прав и обязанностей при проведении следственных действий. По-видимому, такое положение дел вызвало раздражение у полицейских чинов и те обратились с жалобой к прокурору Московской судебной палаты. Тот, в свою очередь, в письме от потребовал разъяснений у прокурора Нижегородского окружного суда. На практике между прокуратурой и полицией нередко возникали противоречия, что вызывалось нежеланием полицейских органов передать часть своих властных полномочий органам прокуратуры. С другой стороны, органы прокуратуры не имели достаточного опыта функционирования, что, особенно в первое время существования пореформенной прокуратуры, иногда приводило к превышению власти, и, даже к некорректному поведению представителей органов прокуратуры [11, с. 8]. При этом, как отмечается в литературе, в Западной Сибири практическая деятельность лиц прокурорского надзора происходила в условиях более тесного, чем в европейской части России, сотрудничества с судебными следователями и полицейскими учреждениями: в условиях дефицита судебных следователей и текучести полицейских кадров, практическая помощь со стороны прокурорских работников была крайне необходима. Важнейшим показателем оценки деятельности института прокуратуры, как и иных звеньев судебной системы, является динамика криминогенной ситуации на территории региона. Исходя из этого, результативность работы прокуроров Окружных судов в противодействии преступности на исследуемом территориальном пространстве оказалась ниже, чем в целом по стране. Ухудшение криминогенной ситуации являлось свидетельством того, что система прокурорского надзора не в полном объеме

справлялась с возложенной на нее функцией. В то же время, главные факторы, способствовавшие росту уголовной преступности, все же не были связаны с недостатками деятельности прокуратуры. Речь идет, в первую очередь, о геополитических особенностях региона и составе местного населения, наличии здесь значительного количества тюремных учреждений, контингента ссыльных и беглых преступников из других регионов империи [21, с. 21 - 22].

Осуществляя надзор за исполнением законов таким органом дознания, как полиция, сами прокуроры обладали правом на производство дознания [2, с. 349 – 350, 1, С. 141-152]. Об этом писал А. Ф. Кони, которому в бытность прокурором Петербургского окружного суда неоднократно приходилось самому или через своих товарищей проводить дознание по серьезным делам, в том числе по делу миллионера Овсянникова [22, с. 400]. При этом, были факты, когда прокуроры злоупотребляли своими правами. Прокурор одесской судебной палаты А.Г. Евреинов в 1876 г. просил министра юстиции снести с шефом жандармов о командировании в его распоряжение, с ассигнованием особой суммы, четырех сыщиков, которых можно было бы ввести в среду студентов, в среду еврейской молодежи, в общество и т.д., причем каждый из них должен был обладать соответствующим средним образованием и внушать к себе доверие. Эти лица должны были действовать по его непосредственным указаниям для раскрытия виновников бесчеловечного и ужасного обезображения Гориновича, но А.Ф. Кони не дал бумаге хода, шадя достоинство прокурорского надзора [13, с. 19]

В борьбе с революционным движением прокуратура поддерживала Департамент полиции. Так, при решении вопроса об аресте Петербургского Совета рабочих депутатов в декабре 1905 г., узнав мнение начальника охранного отделения в Петербурге А. В. Герасимова, Министр юстиции М. Г. Акимов его поддержал, заявив: «Положение действительно таково, что медлить нельзя: или мы их, или они нас», и в качестве Генерал-прокурора тут же на своем блокноте написал полномочие Герасимову на производство тех обысков или арестов, которые последнему покажутся необходимыми [18, с. 177]. Обычно же между начальством охранных отделений и прокуратурой шла межведомственная борьба: прокуратура в той или иной степени противодействовала попыткам охранных отделений расширить пределы своих прав. Это не помешало одному из высокопоставленных лиц прокурорского надзора Москвы, в последующем директору Департамента полиции А. А. Лопухину до тонкости изучить дело постановки агентуры, бывая даже на конспиративных квартирах [13, с. 30, 14 С. 232]. Хоро-

шее знание методики работы полиции показал и Генерал - прокурор К. И. Пален, указав в своих мемуарах, что основной упор необходимо делать на агентурной работе, обеспечив проникновение во все слои общества [19, с. 268 - 277].

Исходя из этого, нужно согласиться с тем, что прокуратура сотрудничала с органами Министерства внутренних дел не только при осуществлении уголовно-процессуальных действий, предусмотренных законом, но и способствовала им в оперативно-розыскной работе [9, с. 23].

Особый аппарат борьбы с уголовной преступностью в России начал создаваться в начале XX в. 6 июля 1908 г. был принят специальный закон «Об организации сыскной части», а также принятая на его основе Инструкция чинам сыскных отделений по обнаружению и исследованию преступлений от 9 августа 1910 г. Согласно ним, в 89 городах Российской империи при полицейских управлениях были созданы сыскные отделения, отдельная служба сыскной полиции существовала лишь в таких крупных городах, как Санкт-Петербург, Москва, Киев [19, с. 268 - 277]. При этом, лица прокурорского надзора получили не только процессуальные, но и организационные полномочия. Так, начальники сыскных отделений и их помощники назначались на должность и увольнялись по предварительной договоренности губернатора с прокурором окружного суда (п. V). Кроме этого, еще раз подчеркивалось, что лица прокурорского надзора имеют право давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий (п. VI). Лица прокурорского надзора имели право вне зависимости от наличия или отсутствия производства по уголовному делу давать непосредственные поручения либо вносить предложения чинам сыскных отделений о проведении розыскных действий в виде использования негласной агентуры и наружного наблюдения (п. п. 1 - 2 Инструкции). Поручение прокурора чин сыскного отделения обязан был исполнить, не входя в обсуждение его целесообразности, так как ответственность за содержание поручения лежала на прокуроре. При возникновении серьезных затруднений в исполнении поручения чин сыскной полиции обращался за разъяснениями к прокурору и одновременно доводил это до сведения своего начальства. Начальники сыскных отделений обязаны были докладывать прокурору окружного суда о ходе негласных расследований, проводимых с целью предупреждения общеуголовных деяний. Сказанное давало возможность не только надзирать за законностью уголовного сыска, но и руководить оперативной работой.

Зависимость чинов полиции ярко прослеживалась через право прокуроров давать им необходимые разъяснения о порядке производства по расследуемым преступлениям (Определения Общего собрания и первого и Кассационного департаментов от 25 мая 1871 г. и от 7 марта 1883 г.; Указ Уголовного кассационного департамента от 13 июля 1872 г.; циркуляры Министерства юстиции от 22 июня 1872 г. и от 31 января 1881 г.) [9 с. 50-54]. Прокуроры претендовали на практике даже на то, чтобы лично определять, кому из полицейских чиновников поручить дознание. Потребовалось специальное определение Сената, которое запрещало им требовать, чтобы уездные начальники, полицмейстеры и их помощники лично исполняли поручения прокуроров по производству дознаний и следствий по уголовным делам. Прокурорам было предоставлено право только давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыска [9, с. 21].

Именно тогда впервые появилось упоминание о передаваемых и непередаваемых полномочиях прокурора, в частности, в этих нормативных актах говорилось, что товарищи прокурора вправе от своего имени и за своей подписью составлять обвинительные акты и заключения, возвращать от имени Прокурора судебной палаты прокурорам окружных судов те из дел, по которым письменные заключения составлены с нарушениями закона, вносить в Судебную палату за своей подписью все остальные подведомственные ей дела. При этом товарищи прокурора, как и прокурор Окружного суда, вели соответствующие канцелярские книги, в том числе возбужденных и расследуемых, а также оконченных производством дел [8 с. 8-11]. При осуществлении надзора за исполнением законов судебными следователями они обладали всеми правами прокурора.

Взаимоотношения прокурора и полиции при осуществлении дознания регламентировались также приказами и циркулярами Департамента Полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов. Они касались достаточно большой сферы отношений, в том числе возбуждения дознаний о воспитанниках и воспитанницах средних и низших учебных заведений (Циркуляр МВД по Департаменту Полиции от 5 Сентября 1884 г. № 1200), о сочинениях противоправительственного характера, (Циркуляр Департамента Полиции от 17 Июля 1903 г. № 2660), о производстве обысков в средних и низших учебных заведениях (мужских и женских), а также у их воспитанников (Циркуляры МВД по Департаменту Полиции от 5 Сентября 1884 г. № 1900 и 12 Ноября 1885 г. № 2669), о справках по обвиняемым (Циркуляр МВД по Депар-

таменту Полиции от 15 Декабря 1897 г. № 4430), о мерах пресечения (Циркуляр Департамента Полиции от 3 июня 1895 г. № 1160).

Некоторые вопросы разрешались Циркулярами Штаба Отдельного Корпуса Жандармов. Так, Циркуляром № 790 1904 г. разъяснялись положения ст. 1035-2 Устава Уголовного Судопроизводства (по закону 7 июня 1904 г.) о том, что Начальник Губернского Жандармского Управления, по соглашению с прокурором Окружного Суда, может поручать чинам общей полиции производство и по делам о государственных преступлениях [22, с. 1-308].

Оценивая итоги развития правоохранительной системы и ее нормативно-правового регулирования в период существования Российской Империи, обоснованно делаются следующие выводы. Во-первых, законодателем, в силу общественно-политического развития государства, была признана необходимость осуществления прокурорского надзора за законностью деятельности полиции, жандармерии и контрразведки, связанной с негласными методами получения информации, которую современное российское право называет оперативно-розыскной деятельностью. Законодательное закрепление прокурорского надзора в целом и, в частности, за деятельностью оперативно-розыскных органов заложило основу возникновения и развития специальной отрасли прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Во-вторых, прокурорский надзор за осуществлением сыска сочетался с осуществлением прокуратурой функций руководства уголовным преследованием и обвинения в суде, что позволяет говорить, как о надзорных, так и контрольных функциях прокуратуры того времени. Сочетание же надзорной и контрольной функций вместе с повышением эффективности прокурорской деятельности породило как проблему объективности надзорной деятельности, так и проблему определения места и роли прокуратуры в системе правоохранительных органов [4, с. 76 - 80].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что прокуратура Российской Империи уже в XIX веке имела властные полномочия не только по выявлению нарушений законности в деятельности полиции, но и по реагированию на них путем личного участия.

Список использованных источников

1. Бессарабов В.Г. Пореформенная российская прокуратура (1864-1917 гг.) // Журнал российского права № 10, октябрь 2002 г.
2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс, М., 1997,
3. Горак Н.В. Вопросы обжалования прокурору действий и решений лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ 2001 г. // Актуальные проблемы Российского права. 2014. № 11 (48) ноябрь.
4. Дытченко Г.В. Предпосылки возникновения и развития прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65).
5. Заславский В.Б. К вопросу об обжаловании прокурором судебных решений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционных прав граждан Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 7.
6. Звягинцев А.Г. Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX – начала XX в. М., 1996.
7. Инструкция чинам сыскных отделений по обнаружению и исследованию преступлений от 9 августа 1910 г. Харьков, 1914.
8. Инструкция чинам прокурорского надзора округа С.-Петербургской судебной палаты / сост. прокурор С.- Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев. Изд. 2-е, Санкт-Петербург, 1884.
9. Казанцев С. М. Дореволюционные юристы о прокуратуре, СПб, 2001,
10. Карякин А. В. Становление и развитие органов прокуратуры на Кубани в 1801 – 1924 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2013.
11. Кириллов М. М. Прокуратура Нижегородской губернии Региональные особенности устройства, функционирования и практической деятельности в 1864–1917 гг. (Историко-правовой анализ). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012.
12. Кожевников О. А. История прокурорского надзора за законностью расследования преступлений (1722—1917 гг.). Екатеринбург, 2004
13. Кони А. Ф. Из прошлого петербургской прокуратуры // Избранные произведения. Т. 2. М., 1959.
14. Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Избранные произведения. Т. 2. М., 1959.
15. Лурье Ф. М. Политический сыск в России 1649 – 1917. М., 2006.
16. Маматов М., Снегирев А. Прокуратура и СМИ в царской России // Законность. 2009. № 9.
17. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. – М.: 1889. – Т. I.,
18. Мхитарян Л. Ю. Особенности реформирования судебной системы на Западном Урале во второй половине XIX века (по материалам Пермской и Вятской губерний). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

19. Николаевский Б. История одного предателя (терроризм и политическая полиция). М., 1991.
20. Пален К. И. Записки министра юстиции графа Палена // Былое, 1907, вып. 9.
21. Прокурорский надзор: учебник / Винокуров Ю.Е. и др.; под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
22. Серафимович А. Е. Прокуратура в Западной Сибири в XIX – начале XX в. (историко-правовое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016
23. Систематический сборник циркуляров Департамента Полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознания. СПб.: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1908
24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.

КРИМИНАЛИСТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам познания и развития современной отечественной и зарубежной криминалистики. Полагая, что необходима сверка актуальных знаний о криминалистике, принятой в разных странах и сравнении с отечественным походом. Это становится более актуально в свете глобализации, цифровизации, нового мирового порядка и необходимости консолидации сил и знаний для борьбы с международной преступностью.

Ключевые слова: криминалистика; сравнительная юриспруденция; зарубежные страны.

Evgeniya S. Kryukova

PhD in Law, Assistant of the Department of Criminalistics
Lomonosov Moscow State University

FORENSIC SCIENCE IN RUSSIA AND ABROAD

Summary: The article is devoted to topical problems and prospects of cognition and development of modern domestic and foreign criminalistics. Believing that it is necessary to reconcile the actual knowledge about the forensic science adopted in different countries and compare it with russian campaign. This is becoming more relevant in the light of globalization, digitalization, a "new world order" and the necessity to consolidate forces and knowledge to fight international crime.

Keywords: forensic science; comparative jurisprudence; foreign countries.

Криминалистика - это наука, широко распространенная во всем мире, занимающаяся изучением раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Она есть во всех странах, во многих носит название «криминалистика», в других именуется иначе (например, «*police technique e police scientifique*», «*criminalistique*», «*criminalistica*», «*scientific criminal investigation*», «*police science*», «*forensic science*», «*crime detection*», «*criminalistics*», «*kryriminalistyka*» и пр.), однако терминологическое разнообразие не вносит путаницу в ее сущность и назначение. Анализ зарубежных литературных источников показывает, что история становления, развития и функция криминалистики едины во всем мире, хотя, безусловно, имеются различия в толковании, некоторые национальные особенности и свои «визитные карточки» (например, Франция – создание антропометрического метода регистрации,

Англия – развитие дактилоскопии, Россия – криминалистическая фотография и многое другое). Любая наука, в том числе криминалистика, есть гибрид национальных разработок и мировых открытий и традиций, определенных научных и практических «рецепций». Криминалистика зарубежных стран сравнима, в своем содержании она имеет некие общие черты и признаки, местами можно отметить частичное совпадение и пересечение научных и практических взглядов, отличие наблюдается на уровне теоретического развития криминалистической науки и ее системы.

Криминалистика зарубежных стран редко становится предметом изучения: большая часть современной научной и учебной литературы обходит вниманием данный вопрос или указывает на существенные отличия зарубежной криминалистики от отечественной. Вместе с тем, как известно, изучение зарубежных правовых систем является важной, неотъемлемой частью профессиональной подготовки современного юриста, позволяет ориентироваться не только в национальной правовой системе, но и иметь широкий кругозор и комплексный подход в решении глобальных проблем современности, включая борьбу с преступностью. Считаем, что в условиях глобализации и развития международного сотрудничества знание основ зарубежной криминалистики обязательно, позволяет грамотно и эффективно применять и совершенствовать науку, образование и практику России, ориентироваться в процессах всемирной интеграции и унификации криминалистических методов. Обращение к зарубежному опыту позволяет глубже понять содержание отечественной криминалистики. Кроме того, в современных условиях наблюдается тенденция сокрытия преступников за рубежом, нередко граждане России становятся участниками международных уголовно-процессуальных отношений (в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей), некоторые преступления приобретают транснациональный международный характер (террористические, экстремистские, коррупционные и пр.), что требует сплочения всех государств, разработки эффективной и скоординированной политики в данной области, понимания иностранной следственной работы и судебной системы. Такие условия делают актуальным изучение не только системы правоохранительных органов иностранных государств, но и теории и практики криминалистики.

Некоторые исследования криминалистики зарубежных стран проводились Белкиным Р.С., Гусаковым Н.А., В.Я. Колдиным, Ю.И. Краснобаевым, В.Ю. Соколом, А.А. Эксархопуло и др., однако не носили фундаментальный, комплексный характер. Настоящая статья –

начало сравнительно-правового исследования позиций отдельных стран на криминалистическую науку, ее предмет, особенно в аспекте изучения «криминальных» и «криминалистических» закономерностей науки, что создает задел для будущих исследований. Мы не ставим цель полностью описать западные криминалистические системы, а иллюстрируем общее представление о криминалистике некоторых стран и проводим сравнение с российской моделью (автором настоящей работы подготовлен и внедряется в образовательный процесс МГУ имени М.В.Ломоносова первый в истории отечественного юридического образования специальный курс «Криминалистика зарубежных стран»).

По нашему мнению, зарубежные страны, исходя из представлений о сущности и предмете криминалистики, можно условно разделить на несколько групп:

- 1) Страны, которые знают и поддерживают российскую научную школу криминалистики, использующую в своем определении ссылку на изучение определенной группы закономерностей.

Первую группу составляет большинство союзные республики бывшего Союза Советских Социалистических Республик, в том числе Беларусь, Украина, Армения, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Чехия, Словакия, Сербия, Латвия, Китай и др. Ученые – криминалисты Республики Словения определяют криминалистику как «независимую науку, которая исследует закономерности происхождения, развития и проявления события, которое произошло на месте преступления. Криминалистика разрабатывает криминалистические методы выявления и исследования криминалистических следов, оставленных преступником. Она имеет широкий диапазон и разнообразие следов, которые исследует, и широкий диапазон криминалистических методов исследования» [1, с. 1]. В Эстонии популярен следующий взгляд на науку: «Криминалистика предоставляет в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом научно обоснованные рекомендации и требования к применению современных научных и технических знаний в уголовном судопроизводстве для обеспечения оперативного и полного выявления преступлений» [2, с. 10]. Криминалистика в странах данной группы представляет собой слаженную систему сущностных и универсальных знаний, которые могут быть использованы для быстрого и эффективного раскрытия, расследования и предупреждения преступления.

- 2) Страны, имеющие представление о российской криминалистической школе, но не принимающие ее.

К данной группе стран можно отнести, например, Болгарию, Грузию, Литву, отчасти Молдову, Польшу и др. Некоторые из них восприняли, заимствовали и приспособили криминалистические знания России, происходила рецепция российской (советской) криминалистики, однако со временем отrekliсь от некоторых ее достижений. Польские криминалисты, хотя и указывают, что являются последователями советской криминалистики, однако стараются соединять традиции с новыми взглядами Центральной и Восточной Европы на науку [3, с. 7]. Литовские криминалисты в своих научных исследованиях нередко ссылаются на российских ученых, приводят обзор споров об определении криминалистики, значении определения предмета науки и необходимости ее отделения от других смежных наук, однако криминалистика не определяется через выделение определенных специфических закономерностей объективной действительности (такой подход иностранным коллегам видится чрезмерно широким), но и не сводится к технической науке [4, с. 8]. Криминалистика Болгарии имеет много общего с отечественной наукой и какое-то время следовала по пути, предложенному профессором Р. С.Белкиным, однако в последнее время подход изменился [5, с. 5-9]. Например, популярный современный криминалист Й. Кунчев сейчас критикует концепцию «закономерностей криминалистики», т.к. «действительно ряд криминалистических методов основан на одних или других закономерностях, однако их значительная часть не являются «открытием» криминалистики - ряд из них входят в предметы других наук - физики, химии, биологии, антропологии и т.д., поэтому закономерности, на которых основаны криминалистические методы, не надо экспонировать и включать в предмет криминалистики» [6, с. 25].

3) Страны, рассматривающие криминалистику как техническую науку без российского взгляда.

Данная группа государств, по сути, осталась на эмпирическом уровне научного познания, где криминалистика является технической дисциплиной, основанной на частном подходе к решению отдельных проблемных вопросов, примерах и полицейских рекомендациях использования технических средств и тактических приемов. К ней относятся Франция, страны Латинской Америки, Мексика, Япония, Румыния, Босния и Герцеговина, Венгрия и др. Французские ученые отмечают, что криминалистика является частью так называемой группы «судебных наук» («sciences forensiques»), в которую входят все науки, связанные с борьбой с преступностью, и понимается как «набор технических средств и методов для выявления следов преступления» [7]. В

испанской литературе приводится следующее определение: «Криминалистика – это вспомогательная дисциплина уголовного права, которая применяет естественнонаучные знания и методы при изучении следов, связанных с предполагаемым преступным деянием, с целью определения его существования и реконструкции, чтобы установить или уточнить участие одного или нескольких лиц, тем самым достигнув исторической правды события» [8, с. 3].

- 4) Страны, рассматривающие криминалистику как техническую науку без российского взгляда, но с развитием собственной научной теоретической модели криминалистики.

Четвертая группа государств также воспринимает криминалистику как прикладную техническую науку, но в своих исследованиях ученые отмечают некоторые устойчивые, повторяющиеся, общие связи явлений, универсалии и закономерности мира, знание и использование которых способствует расследованию преступлений. Западными учеными рассматриваются отдельные виды человеческой деятельности с позиции криминалистики, выделяются универсалии, имеющие отношение к криминальному событию, принципы следственной работы с информацией, оставленной в результате совершения преступления, и использованию ее в процессе доказывания. Криминалисты данной группы стран не приводят российский опыт развития науки и не ссылаются на российских авторов, однако некоторые элементы сходства концепций общей теории имеются (это Албания, Германия, Индия, Италия, Корея, Куба, США, Хорватия).

К примеру, историческое деление Германии на две части ГДР и ФРГ сказалось и на развитии и понимании криминалистики. Немецкая криминалистика отличается тем, что она развивалась не едино, в ней есть элементы «социалистической» и «англо-саксонской» криминалистики [9, с. 10]. Как писал Ю.И. Краснобаев, немецкие криминалисты практически сразу отметили важность обращения внимания на необходимость изучения криминалистикой особого рода закономерностей [10, с. 31]. Албанские профессора Г. Хуклески и М. Расай вне связи с российскими исследованиями пишут, что криминалистика исследует закономерности, важные для предотвращения, выявления и доказывания преступлений и их исполнителей, «в предмет криминалистики также попадает определение закономерных связей, взаимоотношений и взаимодействия материальных объектов, а также физических действий людей» [11, с. 21]. Криминалисты Кубы отмечают, что «криминалистика, задуманная как форма реализации материального уголовного права, есть упорядоченный набор средств, приемов, методов и ...

предполагает по своей сути выполнение целостного исследования, которое регулируется как общими законами познания, так и конкретными приемами нескольких естественных точных наук» [12].

Показателен подход США. В английской и американской научной литературе криминалистика долгое время описывалась как искусство, т.е. как творческая деятельность, а криминалисты воспринимались как «ремесленники» [13]. Современный криминалист М. Хук пишет: «Криминалистика может показаться на первый взгляд лишь прагматическим набором различных дисциплин, разрабатывающим и адаптирующим инструменты и технологии, помогающие суду интерпретировать информацию о людях, местах и вещах, связанных с преступлением. Многие считают, что криминалистика не имеет философского и фундаментального единства и является просто применением знаний других наук, ведь многие работающие криминалисты - это в основном химики, физики, биологи, технические специалисты» [14, с. 7]. Отмечается, что судебная практика последних лет требует не только ссылки на предыдущий положительный следственный опыт и эффективно примененные приемы, но и использование научных принципов, представляющих собой совокупность научных знаний, соблюдение научной методологии и некоторый философский подход. Научность криминалистики связана во многом с вопросом доверия к ее результатам и возможностью их неоднократного повторения. Сегодня ученые воспринимают криминалистическую науку как метод, который используется в попытках понять и описать вселенную «от частного к общему» и ее общие правила – закономерности [15, с. 7]. Это наука об идентификации и соединении следов для расследования преступлений и обеспечения безопасности, основанная на основополагающих научных принципах и процессе оценки и интерпретации дела как особому виду исследования [16, с. 157-176]. Особое внимание уделяется двум принципам (иногда их называют законами) криминалистики: обмена Э. Локара («каждый контакт оставляет след») и индивидуальности П. Кирка («каждый объект в нашей вселенной уникален») [17, с. 235-238]. Хотя очевидно, что данный принцип был озвучен еще до П. Кирка бельгийским математиком и социологом А. Кетле, который путем применения теории вероятностей к антропометрии отметил: «Два тела не могут быть полностью идентичными»¹ и российским криминалистом С.М. Потаповым – основателем теории криминалистической идентификации (1940 г.).

Таким образом, в мире нет единства в понимании и определении криминалистической науки, криминалистика развивается неравномерно и существует многогранно в разных странах мира. Соседство государств и близость менталитета и юрисдикции не гарантируют единый

подход к криминалистической науке. Считаем, что в условиях глобализации и в целях популяризации отечественной научной мысли требуется перевод фундаментальной российской криминалистической литературы на иностранные языки, публикация статей в известных международных юридических журналах, дальнейшее международное научное и образовательное сотрудничество. Автор попробовал выявить специфику и своеобразие в понимании криминалистики иностранных государств, сравнить содержание, вкладываемое в криминалистическую науку. Считаем, что обогащая науку новыми знаниями, мы тем самым расширяем представление о сущности и предмете криминалистики. Настоящее исследование подтверждает правильность выделения и развития общей теории криминалистики и дает возможность поднять вопрос о сущности криминалистики на международном уровне ибо правильное и точное ее понимание имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Развитие криминалистика никогда не останавливается на достигнутом, настоящее исследование это подтверждает. Весьма уместной в данной ситуации нам кажется и цитата Наполеона: «Каждая наука должна содержать известные начала и развивать некоторые общие идеи (в них вся сила и знание дела), дающие особый взгляд на мир» [18, с. 80]. Сеем надеяться, что нынешняя работа делает очередной шаг в сторону прогресса криминалистики.

Список использованных источников

1. Ústav kriminalistiky a kriminológie, s.r.o. S.1. <http://www.ukk.sk/source/kriminalistika.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
2. Üllar Lanno. Kriminalistika ekspertiisid. SISSEJUHATUS. Tallinn, 2013.
3. Jan Widacki. Kryminalistyka. Warszawa, 2016. S.7.
4. Gorbatkovas A. Kriminalistika. 2002. <https://moksiai.lietuviuzodynas.lt/teise/kriminalistika-2> (дата обращения: 15.06.2021).
5. Криминалистика. София, 1972.
6. Кунчев Й. Лекции по криминалистике. София, 2019.
7. Словарь юридических терминов. URL: <https://www.police-scientifique.com/lexique/> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Guzman Carlos A. La investigacio criminal. El examen en el escenario del crimen. Metodo para la reconstruccion del pasado. 2017.
9. Schurich F.-R. Zur Definition des Begriffes “Spur”. Kriminalistik und forensische Wissenschaften, (14):5–27, 1974. S. 10; Schurich F.-R. Kriminalistische Identifizierung und angrenzende Begriffe. Kriminalistik und forensische Wissenschaften, (46): 7–22, 1982; Dewald Andreas, Freiling Felix C. Forensische Prinzipien: von digital zu cyber. Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, 2016. S. 10-11.
10. Stelzer E. Gegenstand der sozialistischen Kriminalistik // Kriminalistik und forensische Wissenschaften. Berlin, 1970, № 2. S. 7-8; Kriminalistik

- und forensische Wissenschaften. Berlin, 1970, № 1. S. 69-74 (Дано по: Краснобаев Ю.И. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики: учебное пособие. Волгоград, 1979. – 93 с. С. 31).
11. Xhukleski Goce, Racaj Muhamet. Hyrje në kriminalistikë. Shkup, 2012. URL: <http://eprints.ugd.edu.mk/12748/1/kniga.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
 12. URL: <http://newsmatic.com.ar/conectar/245/104/articulo/3713/La-ciencia-criminalistica-como-ciencia-auxiliar-del-proceso-penal.html> (дата обращения: 15.06.2021).
 13. Moriarty J.C., Saks M.J. Forensic science: grand goals, tragic flaws, and judicial gatekeeping. University of Akron Legal Studies Research Paper. No. 06–19; 2006.
 14. Houck Max M. Professional issues in forensic science. Advanced Forensic Science Series. Elsevier, 2015.
 15. Keith Inman, Norah Rudin. Principles and Practice of Criminalistics: The Profession of Forensic Science. 2000.
 16. Crispino F., Ribaux O., Houck M. and Margot P. (2011) Forensic science - A true science? // Australian Journal of Forensic Sciences, 43:2, 157 – 176.
 17. Kirk P.L. The ontogeny of criminalistics // J Crim. Law, Crim. Police Sci. 1963; 54. P. 235–238.
 18. Колотушкин С.М., Горбачев А.В. Категории, принципы и законы криминалистики как критерии ее научности // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: мат. конф. Т. 1. М., 2006.

А. В. Кудрявцева

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
судья Санкт-Петербургского городского суда

А. В. Петров

доктор юридических наук профессор, профессор
кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия

ПРЕДЕЛЫ ПРАВ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ

В статье рассматриваются вопросы, возникающие у судей апелляционной инстанции, пределы прав суда апелляционной инстанции по устранению (восполнению) ошибок, допущенных судом первой инстанции. Предлагается рассматривать одной из задач апелляционного производства восполнение, устранение ошибок, допущенных судом первой инстанции, без направления уголовных дел и материалов в суд первой инстанции. Особое внимание уделяется возможности восполнения в апелляции ошибок суда первой инстанции, связанных с нарушением права на защиту и общего условия судебного разбирательства – непосредственности.

Ключевые слова: пределы прав суда апелляционной инстанции, право на защиту, отмена приговора, ошибки суда.

Anna V. Kudryavtseva

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of
the Russian State University of Justice,
Judge of the St. Petersburg City Court.

Alexandr V. Petrov

Doctor of Law, Professor, Professor
of the Department of Criminal Procedure
Law of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice,

LIMITS OF THE RIGHTS OF THE COURT OF APPEAL: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION.

Summary: The article deals with the issues that arise for the judges of the appellate instance, the limits of the rights of the court of appeal to eliminate (fill in) the errors made by the court of first instance. It is proposed to consider one of the tasks of the appeal proceedings to fill in, eliminate errors made by the court of first instance. Special attention is paid to the possibility of filling in the appeal of the errors of the court of first instance related to the violation of the right to a defense and the general condition of the trial – immediacy.

Keywords: limits of the rights of the court of appeal, the right to defense, cancellation of the sentence, errors of the court

Проблема пределов прав суда апелляционной инстанции вызывает вопросы, на которые судебная практика отвечает разнообразием принимаемых решений. Для правильного определения вектора решения данных вопросов необходимо исходить из сущности апелляционного производства в современном уголовном процессе России. Одним из важнейших критериев определения данного вектора является эффективность судопроизводства, т.е. решение задач, стоящих перед апелляционным производством с минимальными затратами уголовно-процессуальных средств для достижения результата при соблюдении главной ценности - прав, законных интересов и свобод участников уголовного судопроизводства.

Одной из граней является вопрос о пределах прав суда апелляционной инстанции в исполнении, восстановлении пробелов, ошибок, неточностей при постановлении итоговых и промежуточных судебных решений судом первой инстанции. Такие пробелы могут быть связаны с неверным установление судом первой инстанции фактических обстоятельств дела (встречается довольно редко), с ошибками, допущенными при исследовании доказательств (нарушение ст. 240 УПК РФ).

Примером нарушения являются случаи, когда суд первой инстанции исследовал доказательства, но не привел их в приговоре или сослался на них в приговоре, но не оценил. Данную группу пробелов можно определить как ошибки, связанные фактическим установлением обстоятельств дела и их доказыванием.

Следующая группа ошибок, как правило, вытекает из первой группы и связана с квалификацией деяния. Может и не быть связана с первой группой, в ситуациях, когда суд первой инстанции верно установил фактические обстоятельства дела, но не дал им верную юридическую оценку.

Третья группа пробелов и ошибок исправление которых возможно в суде апелляционной инстанции, это ошибки, связанные с назначением наказания. В этой части, как правило, вопросов и дискуссий не возникает, апелляционная инстанции при исправлении данных ошибок может, не отменяя приговор, вынести решение путем внесения в него изменений.

В ситуации, когда суд апелляционной инстанции приходит к выводу о неверном установлении фактических обстоятельств дела, судебная практика выработала подход, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции отменяет приговор и постановляет новый приговор. В качестве примера можно привести Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2020 N 77-25/2020. (Приговор: Ст. ст. 105, 222 УК РФ (убийство; незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов). Данным определением уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение).

Суд апелляционной инстанции определением приговор изменил, исключил из описательно-мотивировочной части приговора указания на отсутствие мотива и умысла на убийство и на неосторожное причинение смерти потерпевшему ФИО11, квалифицировал деяние как умышленное причинение смерти потерпевшему ФИО11 из личных неприязненных отношений, действия осужденного переквалифицировал на ч. 1 ст. 105 УК РФ с назначением нового наказания.

Отменяя апелляционное определение и возвращая дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, судебная коллегия кассационного суда общей юрисдикции указала следующее. Согласно ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ в результате рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд принимает одно из решений, указанных в п. п. 1 - 10 данной нормы закона. В частности, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ суд вправе отменить обвинительный приговор и вы-

нести обвинительный приговор, а в силу п. 9 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ - может принять решение об изменении приговора или иного обжалуемого решения.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 389.20 УПК РФ при отмене обвинительного приговора и постановлении обвинительного приговора суд выносит приговор.

В силу п. 28 ст. 5 УПК РФ решение о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания, либо об освобождении от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции, является приговором. В соответствии с ч. 2 ст. 389.28 УПК РФ, апелляционный приговор выносится от имени Российской Федерации в порядке, установленном статьями 297 - 313 УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных главой 45.1 УПК РФ.

Согласно ст. 389.23 УПК РФ в случае, если допущенное судом нарушение может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, суд апелляционной инстанции устраняет данное нарушение, отменяет приговор, определение, постановление суда первой инстанции и выносит новое судебное решение.

По уголовному делу в отношении А. суд апелляционной инстанции, проверив обстоятельства дела, пришел к выводу о незаконности приговора, несоответствии его выводов фактическим обстоятельствам дела, что возможно устранить в судебном заседании.

Однако при этом, суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что допущенное судом первой инстанции нарушение в виде неправильного установления фактических обстоятельств содеянного, в совершении которого лицо признается виновным, и устранение которого влечет квалификацию по более тяжкому уголовному закону, не может быть устранено изменением состоявшегося судебного решения.

Суд апелляционной инстанции изменил фактические обстоятельства содеянного А., которые установил суд первой инстанции, что требовало вынесения апелляционного приговора.

Более того, по приговору суда первой инстанции описано совершение А. убийства по неосторожности. Суд апелляционной инстанции, исключив из описания деяния фразы об отсутствии мотива и умысла на убийство и на неосторожное причинение смерти потерпевшему, включив фразу о причинении смерти умышленно из личных неприязненных отношений, оставил без изменения описание преступного деяния в результате неосторожного обращения с оружием и случайного попадания пули в тело потерпевшего.

Таким образом, описание деяния, виновным в совершении которого признан А., содержит противоречия.

При таких обстоятельствах, судебная коллегия полагает необходимым отменить апелляционное определение и передать дело на новое апелляционное рассмотрение.

При принятии данного решения судом кассационной инстанции ключевой была норма, предусмотренная ст. 389.23 УПК РФ, в соответствии с которой суд апелляционной инстанции, устраняя нарушение, допущенное судом первой инстанции, отменяет приговор и выносит новое решение.

Следует отметить, что данная норма, исходя из ее буквального толкования, относится ко всем случаям устранения нарушений, допущенных судом первой инстанции. Вместе с тем мы знаем, что устранение ошибок, связанных с назначением наказания, не влечет за собой отмену приговора и принятие нового решения. Также не влечет за собой отмену приговора иная правовая оценка деяния (переквалификация), в ситуациях, когда фактические обстоятельства установлены верно, однако суд апелляционной инстанции неверно квалифицировал деяние.

Суд апелляционной инстанции, установив, что гражданский иск неверно разрешен судом первой инстанции отменяет приговор только в части гражданского иска и направляет в этой части на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Действуя в совокупности ст.ст. 389.23, 389.15, 380.17 УПК РФ свидетельствуют о том, что ошибки суда первой инстанции могут быть устранены как путем отмены приговора, так и путем внесения в приговор первой инстанции изменений. В то же время отмена приговора влечет за собой принятие нового решения суда первой инстанции или направление дела или материала на новое судебное рассмотрение.

Как правило, необходимость в передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство возникает, когда нарушения закона либо не могут быть устранены в ходе апелляционного пересмотра исходя из их существа. Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 N 26 (ред. от 01 декабря 2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» перечисляет такие нарушения: например, в случаях рассмотрения дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, нарушения права обвиняемого на защиту, которое не может быть восполнено судом апелляционной инстанции. Следует отметить, что данные нарушения носят уголовно-процессуальный характер. Незаконность состава суда, нарушение подсудности, как нарушения, влекущие за собой от-

мену приговора и возвращение дела на новое рассмотрение в ином составе судей, трудностей не вызывает. Однако ограничение или нарушение права на защиту с точки зрения возможности исполнения этого права в суде апелляционной инстанции вызывает определенные сложности.

Так, например, по-разному решаются ситуации, в случаях выявления в суде апелляционной инстанции нарушений, предусмотренных п.6,7 ч.2 ст. 389.17 УПК РФ в виде непредоставления права участия в судебных прениях, последнего слова подсудимому. В таких случаях часть судей полагают, что такие нарушения невозможно исполнить в судебном заседании суда апелляционной инстанции и, отменяя приговор, возвращают дело на новое рассмотрение. Однако в судебной практике имеются и решения, когда сама апелляция восстанавливает данные пробелы, причем случаи отмены таких решений судами кассационной инстанции неизвестны. Практика показывает, что данные упущения можно исполнить в ходе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. Так, при отсутствии в протоколе судебного заседания сведений о предоставлении подсудимому выступить в судебных прениях и с последним словом, прослушивается аудиозапись судебного заседания (очень часто оказывается, что в протоколе не указали о выступлениях подсудимого в судебных прениях и с последним словом). При обнаружении фактического непредоставления возможности подсудимому выступить в прениях и с последним словом, исполняя эти нарушения в суде апелляционной инстанции, следует решить вопрос, насколько сведения, которые осужденный сообщает в прениях и в последнем слове значимы для установления обстоятельств дела и могли ли эти сведения повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. Как показывает практика, суд апелляционной инстанции исполняет непредоставление участия в прениях и права выступить с последним словом, предоставляя такую возможность в апелляции, таким образом подсудимые (осужденные) реализуют это свое право.

В судебной практике встречаются и случаи отмен решений первой инстанции с направлением уголовных дел на новое судебное рассмотрение в таких ситуациях. Необходимость в разработке более четких критериев возможности устранения судом апелляционной инстанции ошибок суда первой инстанции без направления в суд первой инстанции при нарушении права на защиту становится все более очевидной.

Вместе с тем, следует отметить, что на практике единообразно решается вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое

судебное разбирательство, если нарушение права на защиту выразилось в неучастии адвоката в суде первой инстанции, когда позиция участвующего адвоката противоречила позиции подсудимого, адвокат, который оказывал юридическую помощь подсудимому оказывает или ранее оказывал помощь лицу, интересы которого противоречат интересам подсудимого. Представляется, что такие нарушения невосполнимы в суде апелляционной инстанции. Восполнение теоретически возможно, с назначением или приглашением другого адвоката и повторением всего судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции, но, на наш взгляд, нецелесообразно в силу организационно-кадровой ограниченности суда апелляционной инстанции.

При решении вопроса о направлении уголовного дела в суд первой инстанции необходимо принимать во внимание тот факт, что в силу особенностей организационно-кадрового обеспечения суда апелляционной инстанции, организация работы в апелляции не предполагает длительного судебного разбирательства при многократных перерывах в судебных заседаниях. Очевидно, что нарушение права подсудимого на выступление в прениях, с репликой или последним словом не влечет направление уголовного дела на новое судебное рассмотрение - его права могут быть восстановлены процессуальной формой апелляционного пересмотра, подразумевающей прения сторон и возможность предоставления последнего слова лицу, в отношении которого проверяется судебное решение (в случае его участия).

п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 N 26 (ред. от 01 декабря 2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» устанавливает пределы прав суда апелляционной инстанции при устранении ошибки суда первой инстанции: «Проверяя по апелляционным жалобам и (или) представлению законность, обоснованность и справедливость приговора или иных судебных решений, суд апелляционной инстанции должен устранить допущенные нарушения и рассмотреть уголовное дело по существу с вынесением итогового судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных в части 1 статьи 389.22 УПК РФ. Если суд апелляционной инстанции, отменяя приговор или иное решение суда первой инстанции, передает дело на новое судебное разбирательство либо возвращает уголовное дело прокурору, он указывает причины, по которым судом апелляционной инстанции не может быть устранено допущенное нарушение.

Представляется, что ч.1 ст. 389.22 УПК РФ нуждается в уточнении, в частности необходимо конкретизировать, что неправильное

применение норм уголовного закона (нарушения уголовного закона, как об этом говорит УПК РФ) влечет за собой не отмену, а изменение приговора, поскольку неправильное применение уголовного закона сводится к неправильной квалификации деяния или назначению наказания, что всегда можно исправить в суде апелляционной инстанции путем внесения изменений в приговор.

В этом смысле предполагается, что в статье 389.23 УПК РФ при регламентации устранимости (восполнимости) нарушений имеются в виду нарушения уголовно-процессуального закона.

В п. 18.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 N 26 (ред. от 01 декабря 2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» рекомендуется: «По смыслу пункта 6 части 1 статьи 389.20 и части 1 статьи 389.22 УПК РФ, суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения жалобы, представления на судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства в соответствии с частями 2 и 3 статьи 29 УПК РФ, а также на решения суда по вопросам, связанным с исполнением приговора, при наличии к тому оснований вправе изменить или отменить постановление и принять новое решение без передачи материала на рассмотрение суда первой инстанции, если допущенные нарушения уголовно-процессуального закона могут быть устранены в суде апелляционной инстанции».

При рассмотрении материалов судопроизводства (промежуточных судебных решений), в отличие от рассмотрения уголовных дел (итоговых судебных решений) практически отсутствует ситуация, когда для устранения нарушений, уголовно-процессуального характера суд апелляционной инстанции должен направлять материалы на новое рассмотрение. Направление возможно только в случаях, когда суд апелляционной инстанции признает отказ в принятии жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, не соответствующим закону, и направляет материалы для рассмотрения со стадии подготовки к судебному заседанию, а также в случаях нарушения правил о подсудности или рассмотренное незаконным составом суда.

Еще один вопрос, связан с возможностью восполнения судом апелляционной инстанции ошибок, допущенных судом первой инстанции в процессе доказывания.

Совершенно очевидно, что статья 389.13 УПК РФ в недостаточной степени регламентирует вопрос о возможностях суда апелляционной инстанции в восполнении нарушений, связанных с вопросами доказывания. Наиболее распространенным нарушением является неис-

следование доказательств, на которых суд первой инстанции основал приговор или решение (чаще всего это относится к письменным доказательствам: протоколам процессуальных действий и иным документам), т.е. нарушение требований ст. 240 УПК РФ.

Практика выработала следующие решения данного вопроса: если совокупность доказательств, положенных в основу приговора в достаточной степени свидетельствует о виновности лиц, то неисследованное доказательство исключается из приговора и делается вывод о достаточности доказательств и без этого доказательства. Если доказательство устанавливает существенные для дела обстоятельства, влияет на решение вопросов о квалификации деяния, назначения наказания, то данное доказательство исследуется в суде апелляционной инстанции по инициативе суда и тем самым восполняется пробел, допущенный судом первой инстанции.

Исследование доказательств может осуществляться как по инициативе сторон, так и по инициативе суда.

Сложнее решаются ситуации при необходимости оглашения в апелляции показаний, данных в суде первой инстанции или на стадии предварительного расследования.

В качестве примера приведу ситуацию, когда в суде первой инстанции были допрошены родители подсудимого, обвинявшегося в незаконном сбыте наркотических средств, которые показали, что весы, пакеты, изолента, магниты, обнаруженные при обыске приобретались ими и их сыном для профессиональных нужд (мать занималась маникюром, отец, ремонтом компьютеров). Однако данные показания в приговоре не были приведены и оценены. Возник вопрос, может ли суд апелляционной инстанции, не допрашивая, не вызывая данных лиц, огласить их показания, данные ими в ходе судебного разбирательства. Может ли он это сделать без согласия сторон, может ли суд апелляционной инстанции, не отменяя приговор и не оглашая данные показания оценить их в апелляционном определении (постановлении).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит разъяснения только для оглашения показаний, данных на стадии предварительного расследования, которое возможно в суде апелляционной инстанции также с согласия сторон. В случае, если установленные частью 2 статьи 281 УПК РФ причины неявки потерпевшего или свидетеля не отпали либо возникли в период рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний.

Однако об оглашении показаний, данных в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции Постановление Пленума рекомендаций не содержит. Мы полагаем, что такое оглашение возможно, как по инициативе сторон, так и по инициативе суда без согласия сторон, при условии, что в суде первой инстанции у стороны защиты и обвинения была возможность задать вопросы допрашиваемым лицам.

Во всяком случае, для суда апелляционной инстанции должно действовать правило, что если суд апелляционной инстанции оценивает впервые, или по-иному чем суд первой инстанции оценивает доказательства, не оцененные или неверно оцененные судом первой инстанции, то в этом случае суд апелляционной инстанции должен исследовать данное доказательство с участием сторон и только после этого приводить его в своем апелляционном решении и давать ему оценку.

Такое правило вытекает из правила непосредственности и положений, которые содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», в соответствии с которыми под предусмотренной частью 4 статьи 389.13 УПК РФ проверкой доказательств судом апелляционной инстанции следует понимать исследование по правилам, установленным статьями 87 - 89 и главой 37 УПК РФ (с особенностями, предусмотренными частями 3 - 8 статьи 389.13 УПК РФ), доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, а также исследование имеющихся в деле доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, а равно исследование по тем же правилам новых доказательств, представленных сторонами.

На практике возникает еще один вопрос о возможности суда апелляционной инстанции «домотивировать» решения суда первой инстанции. Например, суд первой инстанции при назначении дополнительного наказания, которое санкцией статьи предусмотрено на альтернативной основе должен в приговоре указать, почему он решил назначить данное наказание, может ли суд апелляционной инстанции указать мотивы данного назначения, если мотивировка суда первой инстанции отсутствует, или недостаточна. Или, например, признание в качествеотягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного ч.1.1 ст. 63 УК РФ - совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ либо других одурманивающих веществ судом первой инстанции немотивировано, как это рекомендует п. 31. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018)

«О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: «В соответствии с частью 1.1 статьи 63 УК РФ само по себе совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, не является основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. В описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о необходимости признания указанного состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством».

Может ли это сделать суд апелляционной инстанции, восполнив отсутствие такой мотивировки в приговоре суда.

Здесь на практике выявляются следующие тенденции: если необходимо мотивировать обстоятельство, которое, свидетельствует о смягчении ответственности осужденного, то суд апелляционной инстанции это может сделать, указав мотивы принятия такого решения судом первой инстанции. Если же речь идет о восполнении мотивировки применения обстоятельств или наказания, которое отягчает ответственность, то апелляционный суд может это сделать только в случаях, когда имеется доводы о необходимости такой мотивировки в представлении прокурора или жалобы потерпевшего.

Это вытекает из общего условия апелляционного производства «недопустимости поворота к худшему» и положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»: «Суд вправе изменить приговор либо отменить приговор и вынести новое судебное решение, если этим не ухудшается положение осужденного по отношению к обвинению, предъявленному органами предварительного расследования, и не нарушается его право на защиту. С учетом требований части 1 статьи 389.24 УПК РФ суд апелляционной инстанции может принять решение, ухудшающее положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции, не иначе как по представлению прокурора и (или) жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. При этом суд не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления».

Поскольку апелляционный суд последняя инстанции, которая выясняет вопросы факта, то вопрос о пределах прав суда апелляцион-

ной инстанции в проверке доказательств по уголовному делу подчас стоит особенно остро.

Следует отметить, что именно суд апелляционной инстанции должен решать вопрос о необходимости повторного исследования доказательств при праве сторон заявить такие ходатайства. Не случайно закон содержит требование об обязательной обоснованности ходатайств сторон при представлении новых доказательств, или исследовании имеющихся в материалах уголовного дела. Предполагается, что доказывание обстоятельств уголовного дела должно осуществляться в суде первой инстанции, в апелляции лишь в ограниченных, исключительных случаях. На это нацеливает и статья 389.13 УПК РФ, требующая от сторон при заявлении ходатайств о приобщении к делу доказательств указать уважительность причин, по которым такое ходатайство не было заявлено в суде первой инстанции.

Не совсем ясен статус, так называемых дополнительных материалов и их отличие от доказательств в суде апелляционной инстанции. Дополнительные материалы предоставляются сторонами для подтверждения доводов сторон, как традиционно считается, не могут быть получены следственным путем. Причем в уголовно-процессуальном законодательстве и в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ отсутствует определение сущности, правового статуса и природы дополнительных материалов. Представляется, что данный термин в большей степени характерен для кассационного суда, где процесс доказывания фактически отсутствует в процессуальном смысле. Полагаем, что в апелляционной инстанции более приемлемыми являются доказательства или сведения, которые представляются в суд апелляционной инстанции сторонами, а суд признает их доказательствами, исследует и оценивает или отказывает в их приобщении к материалам дела, мотивируя свой отказ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» содержится рекомендация: «Представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами по делу». Таким образом дополнительные материалы представляют собой не что иное как сведения, информацию, предлагаемую сторонами суду в качестве доказательств. Представляется, что термин «дополнительные материалы» и все положения, связанные с ним, подлежат исключению как из норм закона, так и из положений

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященных суду апелляционной инстанции.

Таким образом судебная практика нуждается в разработке теоретических положений относительно критериев, помогающих суду апелляционной инстанции принимать правильные решения при решении вопроса о возможности апелляции самостоятельно, без направления в суд первой инстанции устранять ошибки суда первой инстанции и восполнять пробелы в доказывании обстоятельств уголовного дела.

Список использованных источников

1. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2020 N 77-25/2020. URL.: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2020-01
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 N 26 (ред. от 01 декабря 2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». URL.: <https://apkrfkod.ru/zakonodatelstvo/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27112012-n-26/>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL.: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8470/>

Н. Е. Муллахметова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский филиал Саратовской государственной
юридической академии

О СООТНОШЕНИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ НАЧАЛ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена вопросам оптимального сочетания частных и публичных начал в российском уголовном судопроизводстве. Автор сопоставляет понятия «принцип» и «начало» применительно к уголовному процессу, рассматривает сущность, содержание, а также соотношение принципов публичности и диспозитивности, дискреционности (целесообразности) и справедливости. В частности, делается вывод о том, что наличие в уголовном процессе дискреционных процедур, при применении которых реализуется усмотрение правоприменителя, является признаком диспозитивности в уголовном процессе, но не всегда связано с защитой частного интереса. Государственный (публичный) интерес должен быть обусловлен необходимостью обеспечить правопорядок и безопасность в стране. Но следует также создать реальные гарантии прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: частные и публичные начала, принцип, уголовный процесс, диспозитивность, публичность, дискреционность

Natalia Mullakhmetova

Associate professor of the Department of Criminal Legal Disciplines of the
Smolensk branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk), Ph.D.,
Associate Professor

ON THE RELATIONSHIP OF PRIVATE AND PUBLIC BEGINNINGS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Summary: The article is devoted to the optimal combination of private and public principles in Russian criminal proceedings. The author compares the concepts of "principle" and "beginning" in relation to the criminal process, examines the essence, content, and also the ratio of the principles of publicity and dispositiveness, discretion (expediency) and fairness. In particular, it is concluded that the presence of discretionary procedures in the criminal process, in the application of which the discretion of the law enforcement officer is realized, is a sign of dispositiveness in the criminal process, but is not always associated with the protection of private interests. The state (public) interest should be conditioned by the need to ensure law and order and security in the country. But it is also necessary to create real guarantees of the rights and legitimate interests of persons involved in the sphere of criminal proceedings.

Keywords: private and public principles, principle, criminal procedure, discretion, publicity, discretion

Соотношением частного и публичного во все времена определялись принципиальные черты и вектор развития уголовного судопроизводства. И.Я. Фойницкий выделял три этапа развития уголовно-процессуального права с позиции соотношения интересов личности и государства: 1) подчинение государственного начала частному; 2) поглощение государственным началом не только частного начала, но и личности вообще; 3) обеспечение в процессе права и участия личности при признании государственного начала уголовного процесса [24, с. 33]. Также в своих трудах он писал: «Общественное или публичное начало уголовного судопроизводства противопоставляется началу частному или исковому процесса гражданского и состоит в том, что уголовно-судебное разбирательство происходит в общегосударственных интересах, требующих не осуждения обвиняемого во что бы то ни стало, а правильного приложения уголовного закона путем полного раскрытия истины; наказание невиновного вредит государству еще более, чем оправдание невиновных. Отсюда необходимость: а) ограничения государством в уголовном процессе произвола сторон, естественно направленного на удовлетворение частного интереса обвинения или оправдания, и б) государственной помощи сторонам» [25, с. 8-9]. Эти идеи не потеряли актуальности и сегодня.

Прежде чем перейти к анализу таких категорий как частные и публичные начала, остановимся на соотношении понятий «начало» и «принцип» применительно к судопроизводству. Очевидно, что они близки по значению, но не тождественны. Термин «принцип» происходит от латинского *principium* - основа, начало. В учебной литературе принципы уголовного процесса определяются как обусловленные общественным развитием исходные правовые положения общего характера, которые в своей совокупности раскрывают природу, сущность и содержание уголовного судопроизводства и лежат в основе организации и функционирования стадий, особых производств и всех уголовно-процессуальных институтов [7].

А.И. Макаркин пишет, что в юридическом смысле термины «принцип» и «начало» существенно отличаются. В юриспруденции семантически «принцип» все же ближе к понятию правила, а «начало» - это, скорее, более общее понятие, указывающее на принадлежность к какому-либо социально-правовому явлению. Иными словами, начало утрачивает значение только принципа и понимается шире [14, с. 23]. Например, если мы будем рассматривать справедливость как концептуальное начало уголовного процесса, то с ним находятся в тесной взаимосвязи принципы законности, публичности, диспозитивности, ра-

венства всех перед законом и судом и др. Начала определяют тип процесса в целом. Так, И.Я. Фойницкий отмечал, что усиление частных начал в уголовном процессе способствует развитию процесса состязательного типа [26, с. 128].

Остановимся на понятии и содержании принципа публичности, который вызывает научный интерес процессуалистов не первый год. Так, А.С. Александров отмечает: «Ведущее значение принципа публичности является имманентно присущим русскому уголовному процессу. И хотя законодатель не включил «публичность» в перечень принципов, приведенных в главе 2 УПК, идея официальности есть принцип и коренное свойство нашего процесса» [21, с. 84]. Л.М. Володина анализирует истоки публичности в отечественном уголовном процессе и пишет следующее: «Исходя из своеобразия развития российской государственности, основным началом российского (как и в целом континентального) процесса является публичность, целью доказывания в уголовном судопроизводстве стран, где существует континентальная правовая система, является установление истины, а не обеспечение формального равенства сторон. У нас не частный исковой процесс. Думается, что обусловленность публичного начала в российском уголовном процессе следует искать в истоках древности. Развитие публичного начала предопределено ментальностью российской жизни. Община (общность, общество) изначально считается основой общественной жизни на Руси... Несмотря на существование частного начала в сфере разрешения социальных конфликтов (правосудием это еще не назовешь), на самых ранних этапах развития славянских общин преступивший закон должен был отвечать за свои проступки перед обществом. Требование воздаяния за содеянное шло от самой общины. Социальный механизм возмездия требовал наглядности процедуры, гласности ее. Обществу не было безразлично, как разрешается тяжба, ибо «суд на миру» был залогом справедливости, правды» [8, с. 25-29]. Ученые также предлагают теоретическую конструкцию принципа публичности, включающую ряд элементов, определяющих содержание принципа: 1) требование процессуально-должностной активности в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс; 2) инструктивность как атрибут официальности действий субъектов, ведущих уголовный процесс; 3) обязательность актов правоприменения (процессуальных решений) в силу содержащегося в них властного веления государственных органов и их должностных лиц; 4) признание юридической ответственности государства и деликтоспособности должностных лиц его органов как субъектов уголовно-процессуальных отношений за

допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе лиц [2, с. 16]. Следует отметить, что после принятия действующего УПК РФ принцип публичности не раз подвергался научному исследованию, при этом разрабатывались его определение, сущность, содержание, законодательная дефиниция, проблемы реализации на отдельных стадиях уголовного процесса [6, 12, 23].

Если обратиться к нормативному закреплению принципа публичности, то исходя из положений УПК РФ его следует понимать как обязанность прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). С учетом положений ст. 52 Конституции РФ целесообразно дополнить приведенный текст статьи закона словами «а также по возмещению вреда, причиненного преступлением». В научной литературе мы встретили предложение внести в УПК РФ статью с названием «Публичность при осуществлении уголовного судопроизводства» в следующей редакции: «Производство по уголовному делу осуществляется специально уполномоченными данным Кодексом и иными федеральными законами органами и должностными лицами в целях охраны гражданского общества, прав и свобод человека и гражданина, интересов государства» [9, с. 483]. Хотя предлагаемая формулировка является дискуссионной, можно согласиться с необходимостью определения принципа публичности в соответствующей статье УПК РФ. Хотя не все ученые считают это целесообразным, поскольку принцип публичности находит отражение в большинстве уголовно-процессуальных норм [12, с. 10].

Наряду с публичными, уголовному процессу свойственны и частные начала, что не должно рассматриваться как противоречие. Снова обратимся к классикам российского уголовного процесса. И.Я. Фойницкий указывал на то, что «публичное преследование некоторых преступлений может отзываться невыгодными последствиями не только для преступника, но и для потерпевшего, например, при изнасиловании, любудеянии; преступный характер некоторых действий, с другой стороны, можно распознать только в таком случае, если лицо, которому принадлежит поруганное благо, чувствует себя потерпевшим, например, при оскорблении чести. В этих случаях применение карательных мер государством ставится в более или менее явную зависимость от потерпевшего» [27, с. 128]. В работах В. Случевского мы тоже

встречаем идеи, касающиеся ограничения принципа публичности: «Рядом с публичным интересом уголовным процессом затрагиваются также интересы личные участвующих в деле лиц, и для ограждения этих интересов пришлось установить ограничивающее принцип публичности процесса начало, а именно, начало произвольности действий частных лиц в процессе, в силу которого судьи, в установленных законом пределах, осуществляют процессуальную деятельность лишь настолько, насколько сторона признает необходимым возбуждать эту деятельность в видах охранения своих прав» [19, с. 51].

Возникает закономерный вопрос: можно ли отождествлять частные начала и диспозитивность в уголовном процессе? Ф.Н. Багаутдинов допускает такое отождествление, определяя частное начало (диспозитивность) как право выбора поведения частным лицом – участником уголовного судопроизводства, право выбора действий (бездействия), разрешенное законом [3, с. 16-17]. По его мнению, в основе частного начала лежит частный интерес, к удовлетворению которого стремятся заинтересованные участники уголовного процесса, используя при этом предусмотренные законом публичные средства защиты [4]. По мнению А.А. Шамардина, принцип диспозитивности в уголовном судопроизводстве – это зависимость движения дела (его возбуждение, формулирование предъявляемых требований, возможность примирения, отказа от поддержания обвинения и др.) от волеизъявления сторон. Это, в первую очередь, возможность сторон распорядиться процессуальными правами, предопределяющими возникновение, движение и окончание процесса, т.е. их право совершать распорядительные действия, от которых зависит юридическая судьба дела [29, с. 16]. В УПК РФ понятие и содержание принципа диспозитивности не закреплено. Хотя в зарубежном законодательстве можно встретить примеры регламентации данного принципа. Так, в УПК Украины ст. 26 «Диспозитивность» включает следующие компоненты: 1) свобода сторон в использовании своих прав; 2) закрытие уголовного производства в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения; 3) решение следственным судьей только тех вопросов, которые вынесены на его рассмотрение сторонами и отнесены к их полномочиям; 4) начало уголовного производства частного обвинения только на основании заявления потерпевшего и безусловное закрытие уголовного производства при отказе частного обвинителя от обвинения [22].

Представляется, что сфера действия частных начал шире, чем диспозитивности, т.к. частные начала в уголовном процессе связаны с обеспечением прав личности вообще, включая право выбора линии

поведения. Мы также согласны с позицией А.И. Макаркина о том, что понятия «принцип» и «начало» нельзя считать равнозначными, и система принципов процесса является частью системы основных начал типа судопроизводства. Начало частного интереса имеет самостоятельное содержание, хотя и состоит с диспозитивностью в неразрывной связи. При этом частный интерес в публично-состязательном процессе охватывается по содержанию интересом публичным, но не поглощается им, а занимает в нем особое, почетное место [14, с. 23-24, 44].

Публичные и частные начала в уголовном процессе не должны противопоставляться, быть взаимоисключающими, они должны разумно сочетаться. Данные понятия традиционно исследуются в доктрине через категорию «интереса». Проблема преступности затрагивает не только государство в целом, но и каждого гражданина, а законные интересы участников уголовного процесса должны совпадать с интересами государственными. Но не так бывает не всегда. Например, если свидетель или потерпевший, обвиняемый или подозреваемый, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ, отказывается от дачи показаний, то это не противоречит закону, является проявлением диспозитивности, но не согласуется с публичными интересами, которые предполагают своевременное раскрытие и расследование преступления, завершение производства в разумные сроки. Поэтому возникает ситуация конфликта частных и публичных интересов. На это обращают внимание многие ученые-процессуалисты [13]. Л.Н. Масленникова, научные труды которой вносят существенный вклад в исследование проблем соотношения частных и публичных начал, отмечает, что интерес - главная пружина, приводящая в действие механизм функционирования уголовного судопроизводства. Именно поэтому уголовное судопроизводство как объект познания и построения наиболее оптимального варианта представляет собой деятельность субъектов с множеством внутренних и внешних взаимосвязей, обладающих признаками как публичной (публичное начало), так и частной природы (диспозитивное начало) [15, с. 78-83]. При этом, по мнению Л.Н. Масленниковой, публичное начало выступает и как целое (по отношению ко всему уголовному процессу), и как часть - по отношению к диспозитивному началу. Диспозитивное начало как часть входит составляющей в публичное начало и само его существование возможно лишь под эгидой (обеспечением) публичного начала, но при этом оно не утрачивает своей автономии [16, с. 10]. Но не все согласны с такой научной концепцией. Так, Хатуаева В.В. пишет, что диспозитивность существует не в рамках

публичности, а как самостоятельное начало, тесно с ним взаимосвязанное. Эти взаимосвязи, по мнению автора, проявляются в том, что нередко законодатель ограничивает диспозитивные начала, возможность субъективного усмотрения лица с целью гарантировать ему право на государственную защиту. Законодатель достаточно часто прибегает к ограничению свободы усмотрения сторон при реализации предоставленных им диспозитивных прав публичными методами, т.е., предоставляя право, допускает отступления в его реализации по усмотрению соответствующего должностного лица. Это видно, в том числе, на примере нормы ч. 4 ст. 20 УПК РФ, в соответствии с которой уголовный дела, отнесенные к категории частного обвинения, все же могут быть возбуждены и без заявления потерпевшего. Таким образом, существуют взаимоограничения публичности и диспозитивности в уголовном процессе [28].

Об этих взаимосвязях и взаимоограничениях выразил свою позицию и Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о возбуждении уголовных дел частного обвинения. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П содержится важная мысль, отражающая современное представление о соотношении частных и публичных начал в уголовном процессе: «Определяя в рамках своих дискреционных полномочий, применительно к каким предусмотренным уголовным законом деяниям и в какой степени при решении вопроса о возбуждении и последующем осуществлении уголовного преследования подлежит учету позиция лица, в отношении которого такое деяние совершено, федеральный законодатель не должен, однако, придавать этой позиции решающее значение применительно к деяниям, которые хотя и совершаются в отношении конкретных лиц, но по своему характеру не могут не причинять вред обществу в целом, а также правам и интересам других граждан и юридических лиц. Иное означало бы безусловный отказ государства от выполнения возложенных на него функций по обеспечению законности и правопорядка, общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина и переложение этих функций на граждан».

Реформа российского законодательства после распада СССР сопровождалась поиском оптимального соотношения публичного и частного начала. Концепция судебной реформы в РСФСР, принятая Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 года, к числу задач отнесла отказ от предпочтительной защиты публичного интереса и провозгласила направленность на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. При этом предполагалось,

например, расширить круг дел частного обвинения, разработать порядок возмещения гражданину ущерба, причиненного преступлением, за счет государства, признать право заявителя знакомиться с материалами дела при отказе в его возбуждении, а также делать необходимые выписки и снимать копии. Вместе с тем, планировалось усилить действие публичных начал на стадии возбуждения уголовного дела. Так, авторы Концепции выступали за то, чтобы в каждом случае, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, возбуждалось уголовное дело, т.е. за упразднение доследственной проверки. Но принятый в 2001 году УПК РФ не воспринял всех положений Концепции судебной реформы. Стадия возбуждения уголовного дела сохранилась, хотя и претерпела изменения, перечень дел частного обвинения не изменился (если не считать переход оскорбления в разряд административных правонарушений и изменения УК РФ в части побоев), права потерпевших были расширены (но уже после принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»), хотя пока так и не найдено эффективных правовых механизмов решения проблемы возмещения причиненного преступлением вреда.

Следует отметить, что скоро в отечественном уголовном процессе произойдут преобразования, связанные с усилением публичных начал: в связи с инициативой Верховного Суда РФ, предложившего законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в УПК РФ (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», институт частного обвинения уйдет в прошлое.

Научное сообщество учитывает тенденции времени, ищет способы повышения эффективности судопроизводства, о чем свидетельствует появление работ, посвященных дискреционным началам в уголовном процессе (к их числу можно отнести диссертации Н. Н. Апостоловой, Н. И. Гулиевой, Ж. К. Коняровой, К.В. Пронина, Е. В. Терехова, труды зарубежных авторов – А. Барака, Х. Зера и др.). Рассмотрим вопрос о соотношении понятия дискреционности или дискреционных начал с принципом диспозитивности, а также с частными началами уголовного процесса.

Если обратиться к словарям, то под дискрецией (от лат. *discretio*) понимается воля, *усмотрение, распоряжение*; решение должностным

лицом или государственным органом относящегося к его ведению вопроса по собственному усмотрению в порядке реализации дискреционной власти [11].

Н. Н. Апостолова пишет, что сегодня назрела необходимость руководствоваться наряду с принципом законности еще и принципом дискреционности (целесообразности), под которым в демократическом уголовном процессе принято понимать предоставленную законом возможность выбора наиболее оптимальной из предусмотренных законом для данного конкретного случая формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности и предусмотренного законом способа разрешения уголовно-правового конфликта с целью эффективного решения задач и достижения стоящих перед уголовным судопроизводством целей. Игнорирование принципа целесообразности, отсутствие его четкого понимания и закрепления в законе привели к излишней формализации порядка производства по уголовным делам, к осуществлению нерациональной и неэффективной уголовно-процессуальной деятельности [1].

Таким образом, понятие дискреции тесно связано с усмотрением, под которым в словарях понимается: решение, заключение, мнение (по С. И. Ожегову, Д. Н. Ушакову); действие, решение или склонность действовать, решать по собственному желанию, а не по закону, произвол (по Д.Н. Ушакову). Очевидно, что значение слова «усмотрение» применительно к процессуальной деятельности не полностью совпадает с лексическим. Следует согласиться с О.Я. Баевым в том, что допустимое усмотрение (в следственной, судейской или иной другой профессиональной деятельности в любой отрасли судопроизводства) по определению может относиться к выбору из альтернатив, либо прямо предусмотренных законом, либо ему не противоречащих [5, с. 24].

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что к дискреционным процедурам в уголовном процессе, в частности, можно отнести прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, а также в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия, использование особого порядка судебного разбирательства, сокращенной формы дознания и некоторые другие, где обеспечивается компромисс между частными и публичными интересами в уголовном судопроизводстве и процессуальная экономия [1, 10].

Полагаем, что наличие дискреционных процедур, при применении которых реализуется усмотрение правоприменителя, является признаком диспозитивности в уголовном процессе, но не всегда связано с защитой частного интереса.

Если следовать назначению уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 УПК РФ, то и дискреционные полномочия, и усмотрение правоприменителя должны быть направлены на реализацию прав и защиту законных интересов участников уголовного процесса со стороны как защиты, так и обвинения. В итоге все сводится к достижению торжества справедливости - начала всех видов судопроизводства. Справедливость, ее понятие, сущность, элементы на протяжении столетий изучались с позиции разных гуманитарных наук: философии, психологии, этики, социологии. Идея справедливости нашла отражение и в юриспруденции, став основой законотворчества и правоприменительной практики. Много научных трудов посвящены проблеме справедливости судопроизводства, ряд ученых категорично заявляют, что справедливости тут вовсе нет. Так, профессор В.Т. Томин писал: «Основная проблемная ситуация сегодняшнего, вчерашнего и, боюсь, что и завтрашнего и послезавтрашнего дней в современном отечественном уголовном процессе, основная проблемная ситуация современной отечественной уголовной юстиции в нашей стране – вопиющая несправедливость» [20, с. 33].

Представляет интерес позиция А. В. Победкина, который, определяя заинтересованного субъекта уголовного судопроизводства, пишет, что его следует видеть не в обвиняемом и не в потерпевшем (последний может быть удовлетворен и возмещением вреда вне зависимости от установления действительно виновного в совершении преступления), не в государстве, интересы которого могут быть обусловлены политическими, финансовыми, организационными соображениями, а в обществе. Иначе говоря, уголовный процесс предназначен для того, чтобы обеспечивать общественную потребность (потребность большинства законопослушных жителей страны) в правильном установлении значимых для уголовного дела обстоятельств, принятии на их основе законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений. Он обосновывает тезис о том, что реформы уголовно-процессуального законодательства в последние годы были ориентированы на превращение отечественного уголовного судопроизводства из средства защиты интересов каждого жителя страны в инструмент умиротворения участников уголовного процесса, представляющих стороны или обеспечения интересов отдельных социальных групп [17]. По мнению А.В. Победкина, «технологическая теория» уголовного процесса не направлена на защиту общества и каждого его члена от преступности, а публичность уголовного процесса предполагает удовлетворение, в первую очередь, именно этого общественного интереса [18].

Безусловно, уголовно-процессуальный закон не должен быть направлен на потакание всем запросам отдельных участников процесса, ведь задачей государства не может стать только лишь разрешение правового конфликта между потерпевшим и обвиняемым. Государственный интерес должен быть обусловлен необходимостью обеспечить правопорядок и безопасность в стране. Но следует также создать реальные гарантии обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Л. Н. Масленникова, рассуждая о сочетании частных и публичных начал в уголовном процессе, делает такое глубокое философское заключение: «Мировоззренческую основу развития уголовного судопроизводства как социального института должна составлять золотая середина между индивидуализмом либерализма и коллективизмом тоталитаризма. В своих взглядах на место личности в публичном уголовном судопроизводстве необходимо исходить из трех основополагающих принципов: уникальной ценности каждого человека вследствие его духовности, солидарности и субсидиарности» [15, с. 78-83].

Представляется, что дискуссия о разумном соотношении частного и публичного в уголовном процессе не закончится никогда, ведь эффективность, справедливость судопроизводства в те или иные исторические периоды оценивается по-разному, стратегические направления совершенствования процессуального законодательства определяются политической, экономической обстановкой в стране.

Список использованных источников

1. Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. URL: <https://www.iuaj.net/node/728> (дата обращения: 13.06.2021).
2. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
3. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004.
4. Багаутдинов Ф. Н. Расширение частных начал в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 2. (Справочная правовая система «Гарант»)
5. Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании: учебное пособие. М., 2012.
6. Бандурин С. Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

7. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/vandishev_valeriy/ugolovniy_protseess_obshchaya_i_osebennaya_chasti.html (дата обращения 13.06.2021).
8. Володина Л.М. Проблемы организации и функционирования судебной власти // Администратор суда. 2006. № 1. С. 25-29.
9. Горлова С. В. Конституционный принцип публичности уголовного судопроизводства // Реализация положений Конституции РФ в законодательстве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Конституции РФ (28-29 ноября 2009 г.). Ч. 2. Челябинск, 2003.
10. Гулиева Н. И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на Дону, 2004.
11. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Москва, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/13935-дискреция>; Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/1105-Дискреция> (дата обращения: 13.06.2021).
12. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
13. Ляхов Ю. А. Расширение частных начал в уголовном судопроизводстве России как фактор его гуманизации. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenie-chastnyh-nachal-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-kak-faktor-ego-gumanizatsii/viewer> (дата обращения: 13.06.2021).
14. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор В.В. Вандышев. СПб., 2004.
15. Масленникова Л. Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6-8 октября 2010 года. - М., 2012.
16. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.
17. Победкин А. В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnost-kotoruyu-my-poteryali-razmyshleniya-v-svyazi-so-150-letiem-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva/viewer> (дата обращения: 13.06.2021).
18. Победкин А. В. О влиянии научной принципиальности в период кризиса науки уголовного судопроизводства на рубеже XX–XXI веков на понимание публичности уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyani-i>

- nauchnoy-printsipialnosti-v-period-krizisa-nauki-ugolovnogogo-sudoproizvodstva-na-rubezhe-xx-xxi-vekov-na-ponimanie-publichnosti/viewer (дата обращения: 13.06.2021).
19. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство (издание 4-е, дополненное и исправленное). СПб., 1913.
 20. Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции // Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов и И. А. Зинченко. Пятигорск, 2014.
 21. Уголовный процесс России: Учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; Науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003.
 22. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2021г.). [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=349;-60 (дата обращения: 13.06.2021).
 23. Федулов А.В. Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
 24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996.
 25. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I (издание 4-е). СПб., 1912.
 26. Фойницкий И.Я. Предварительное следствие и его реформа // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. СПб., 1882.
 27. Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. СПб., 1889.
 28. Хатуаева В. В. Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-publichnogo-i-chastnogo-dispozitivnogo-nachal-v-sovremennom-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 13.06.2021)
 29. Шамардин А. А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001.

А. Д. Назаров,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ и СФУ

Д. С. Костенко,

ассистент кафедры
уголовного процесса и криминалистики СФУ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Авторами рассматривается актуальный вопрос о поиске альтернатив заключению под стражу в контексте реализации прав участников уголовного процесса в досудебном производстве. Выделены различные подходы к пониманию альтернатив заключению под стражу, сделаны выводы о степени их эффективности.

Ключевые слова: меры пресечения, меры принуждения, заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий.

Aleksandr D. Nazarov

Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics St. Petersburg State University and Siberian Federal University

Dmitrii S. Kostenko

Postgraduate student and Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Siberian Federal University

ALTERNATIVE MEASURES OF RESTRAINT TO DETENTION

The article addresses relevant issue of finding alternatives to detention in the context of exercising the rights of participants in criminal proceedings at the pretrial stage. The authors of the article have highlighted different approaches to understanding alternatives to detention and have drawn conclusions about their effectiveness.

Key words: preventive measures, coercive measures, remand in custody, house arrest, bail, prohibition of certain actions.

Вопрос о необходимости избрания в отношении подозреваемых и обвиняемых мер пресечения альтернативных заключению под стражу является актуальным и всегда вызывал дискуссии. Однако действительно ли данная проблема обоснована не только с фактологической и статистической сторон, но и со стороны объективных закономерностей применения механизма мер процессуального принуждения по отношению к личности?

Прежде чем приступить к аргументированному анализу обозначенной проблемы, выделим ту основу, которая создает условия для её существования. Таковой является тенденция к гуманизации российского правоприменения. Данная тенденция совершенно определенно признана на высшем уровне руководства государством и опирается на статью 2 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью в государстве, а признание и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Помимо ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу в общее направление по обеспечению и защите прав личности включается гуманизация уголовного законодательства и правоприменительной практики, дифференциация преступлений, индивидуализация наказаний и декриминализация деяний, не представляющих общественной опасности [10]. На наш взгляд, именно системный подход и внимание при изучении остальных элементов этой слаженной тенденции позволит найти новые и эффективные средства для реализации конкретного вопроса об избрании альтернативных заключению под стражу мер.

Для обоснования данной концепции можно привести позицию Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева: «Государственный подход должен заключаться не в том, чтобы в местах лишения свободы отбывало наказание как можно меньше осужденных, а в том, чтобы исключить случаи направления в соответствующие учреждения таких лиц, чье исправление возможно достичь иными, альтернативными видами наказания» [16]. Таким образом, исходя из общего контекста понимания конституционных прав личности, логику данных слов можно отнести не только к мерам наказания, но и к мерам пресечения.

Обратим внимание на то, что правоприменительная ситуация также корректируется с учетом обозначенных положений. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении о практике применения мер пресечения, избираемых судом, и ранее (с 2013 года) указывал на обязанность суда обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой меры пресечения вне зависимости от ходатайств сторон. Однако из дополнительных изменений, внесенных в это Постановление в июне 2020 года, следует, что даже наличие достаточных данных полагать, что подсудимый скроется от следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам процесса или иным путем воспрепятствовать производству по делу еще не свидетельствует о необходимости избирать именно заключение под стражу [11].

Данное Постановление Пленума Верховного Суда РФ является «самым неисполняемым судебным актом высшей инстанции». Имеют место случаи, когда ходатайства следователя не обосновываются какими-либо доказательствами, а суду предоставляются только процессуальные документы о возбуждении дела, продлении сроков следствия и др. Представители адвокатского сообщества отмечают, что это Постановление затрагивает актуальную и важную проблему, однако разрешение вопроса будет иметь место только после непосредственной оценки доводов стороны защиты на основе начал состязательности уголовного процесса [2]. При этом первостепенным основанием избрания меры пресечения должны являться доказательства причастности к инкриминируемому деянию, а вопрос избрания конкретной меры будет последующим, и его разрешение должно осуществляться в контексте возможности применения альтернативных заключению под стражу мер принуждения.

Для проверки указанных доводов обратимся к официальной статистике избрания мер пресечения, а также научной литературе, касающейся её изучения. В своей работе о проблемах и тенденциях мер пресечения О. И. Цоколова, анализируя данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015–2019 гг., отмечает очевидное снижение числа заявленных ходатайств о заключении под стражу, а также соразмерное снижение числа удовлетворенных ходатайств о выборе этой меры пресечения. В качестве прогноза на 2020–2021 гг. ею делался вывод о продолжении снижения этого показателя ориентировочно до значения в 70 тыс. заключенных под стражу. При этом отмечается, что данный показатель может сохраниться с учетом увеличения численности населения страны, присутствию мигрантов [15, с. 47].

Исходя из данных статистики Судебного департамента при ВС РФ за 2020 г., можно констатировать закономерной обозначенную тенденцию к снижению числа ходатайств об избрании заключения под стражу, хотя и не настолько активную как предполагала О. И. Цоколова. В 2020 году было заявлено 96 728 ходатайств, удовлетворено из них 84 919 (в 2019 году было заявлено 106 046, а удовлетворено 94 633 [5]).

Обратим внимание и на изменение показателей числа ходатайств и применения судами иных мер пресечения по статистике за 2019–2020 гг. В 2019 г. было заявлено 6 965 ходатайств о домашнем аресте, из них удовлетворено 6 037, а за 2020 г. значения составляют 8 065 и 6 949 соответственно. Число ходатайств о применении залога в 2019 г. составляло 87, из них удовлетворено 77, а в 2020 г. 264 и 244 соответственно. Число ходатайств о запрете определенных действий в 2019 г.

составляло 1 419, из которых удовлетворено 1 246, а в 2020 г. 2 117 и 1 850 соответственно [5]. Таким образом, на основе данных судебной статистики можно увидеть подтверждение актуальности избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Особенно показателен рост числа применения залога, а также новеллы – запрета определенных действий.

Поставив вопрос о «реальных альтернативах» заключению под стражу, необходимо выделить те доступные варианты применения иных мер пресечения и оценить их эффективность. Подобные вопросы становились предметом научных исследований и в прошлом. Ученые еще на самых ранних этапах действия Уголовно-процессуального кодекса РФ и практики применения мер пресечения отмечали постоянное сокращение применения содержания под стражей. Так, в 1998 г. доля этой меры составляла 32 % от числа лиц, дела которых были направлены в суд, в 2002 г. она составила 28 % [13, с. 165]. В своем диссертационном исследовании Н. В. Ткачева со ссылками на другие научные работы обобщает такие критерии эффективности правовых норм, как оптимальность, целесообразность и результативность, фактическую осуществимость целей правовых норм, определенный количественный показатель, отражающий степень соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретном акте и другие [13, с. 168].

Попробуем обобщить некоторые мнения относительно альтернатив заключению под стражу.

Можно согласиться с позицией В. И. Руднева о том, что не все более мягкие по отношению к заключению под стражу меры пресечения могут претендовать на звание альтернативных [12, с. 62]. При этом дается закономерная отсылка на ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, в которой указывается полномочие суда самостоятельно избрать к подследственному меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста. Помимо этого, характеристика «альтернативности» основывается на объеме и характере тех правовых ограничений, которые при применении других мер не возникают [12, с. 64]. Это же положение актуально и для тех мер пресечения, нормативное содержание которых может быть дополнено иными более серьезными ограничениями, включая их в статус альтернатив заключению под стражу. Немаловажным аргументом в поддержку альтернативных мер является высокий риск подвергнуться инфекционным и иным заболеваниям [12, с. 65]. Это мнение является особенно актуальным ввиду современной эпидемиологической ситуации. В особо активный период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в апреле 2020 года Вер-

ховный Суд РФ отдельно рекомендовал учитывать факт проведения карантинных мероприятий в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах [3].

Выделяя в качестве альтернатив заключению под стражу домашний арест и запрет определенных действий, И. С. Федотов обращает внимание на следующие проблемы. Первой он называет недостаточную обоснованность ходатайств следователей. Следующей проблемой выделяет недостаточное обеспечение техническими средствами уголовно-исполнительных инспекций. Также в его работе делается акцент на иной актуальной проблеме – зачете сроков запрета определенных действий [14, с. 28]. В настоящий момент по-прежнему в соответствии с п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается только один запрет определенных действий – запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях из расчета два дня применения запрета за один день содержания под стражей.

Данный вопрос требует отдельного рассмотрения. Отсутствие возможности зачета ограничений в срок содержания под стражей позволяет отметить законодательную логику, в соответствии с которой в зачет признаются только те ограничения, которые непосредственно ограничивают права на свободу и личную неприкосновенность. Характерно, что запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, а также посещать определенные мероприятия и участвовать в них, предусмотренный п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, также затрагивает основополагающие конституционные права, а именно право на свободу передвижения.

Можно посчитать, что запрет покидать жилое помещение в определенное время действительно является более строгим среди всех представленных, и именно из-за этого возможно ставить вопрос об уменьшении срока уголовного наказания. Тем не менее, можно предположить, что идея компенсации ограничения конституционных прав личности должна распространяться и на другие запреты. В этом отношении трудно представить себе компенсацию в виде сокращения срока лишения свободы из-за ограничений использования сети «Интернет» или телефонной связи во время предварительного расследования. Однако возможно рассмотреть вопрос о компенсации иного вида наказания, например, судебного штрафа. Как в свою очередь суд, назначая наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью в отношении содержавшегося под стражей, может их смягчить (ч. 5 ст. 72 УК РФ).

Рассматривая домашний арест в качестве альтернативы заключению под стражу, необходимо подчеркнуть его смысловое содержание в полной изоляции подследственного от общества. Для того чтобы запрет определенных действий не слился с домашним арестом, включающим в себя возможность прогулок, как отмечают некоторые автор [9, с. 55], правоприменителям необходимо четко разграничивать эти меры по степени строгости и механизму действия.

Помимо этого, следует учитывать всех субъектов, на которых оказывает влияние избрание меры пресечения. Очевидно, что данное решение затрагивает не только интересы подследственного, но и иных участников уголовного процесса. В связи с этим в литературе предлагается законодательно оформить обязательный учет мнения потерпевшего при выборе меры пресечения для обеспечения баланса прав потерпевшего и обвиняемого [7, с. 23]. Представляется, что при избрании домашнего ареста, а также отдельных ограничений в рамках запрета определенных действий, например, соблюдения определенной дистанции, данное положение будет особенно актуальным и объективно дополнять юридические положения о мерах пресечения.

Этой же позиции придерживается И. В. Головинская, делая акцент на важности соблюдения морально-нравственных устоев в случаях, когда сам потерпевший считает, что лицо заслуживает более мягкой меры пресечения [4, с. 93].

Определенного внимания заслуживает подход некоторых исследователей к описанию отдельных положений ст. 105.1 УПК РФ о запрете определенных действий. И. С. Дикарев делает акцент на закрытом перечне тех запретов, которые предусмотрены данной нормой уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, по его мнению, под реальной альтернативой заключению под стражу может подразумеваться только один запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Остальные запреты по этой логике «не решают ключевой задачи – воспрепятствовать подозреваемому, обвиняемому скрыться от органов расследования и суда..., а потому они должны занять свое место среди иных мер процессуального принуждения» [6, с. 52].

Пристальное внимание к законодательным новеллам не должно исключать рассмотрение роли залога в предварительном расследовании, статистика применения которого, позволяет говорить о возрастающем внимании и к этой мере пресечения. Обратим внимание, что ограничения залога в виде обязанности уплаты денежной суммы уже

корректировались законодателем с целью сделать данную меру доступной для применения. Так, минимальная сумма залога была снижена со 100 тыс. рублей до 50 тыс. рублей, однако на частоте применения это не отразилось.

В качестве преимуществ залога выделяют его «возможности более гибкого воздействия», ограничивая лишь имущественные права, а также права иных лиц, что снижает репрессивность уголовного процесса. М. В. Зяблина обращает внимание на возможность обращения залога в счет причиненного преступлением ущерба. При этом отмечается, что наиболее яркое выражение подобное обращение может иметь место при расследовании дел обманутых дольщиков [8, с. 40]. Данным автором приводится и позиция Верховного Суда РФ, выделяющего особый характер имущества, отданного в качестве залога как неприкосновенного до тех пор, пока мера пресечения не была нарушена.

В Соединенных Штатах Америки залог является одной из самых применяемых мер пресечения, которая известна с момента существования этого государства. Соответственно залог претерпевал различные изменения в контексте различных реформ. Однако существует ряд проблемных вопросов, разрешение которых до сих пор является актуальным в США. Данные проблемы могут быть оценены и российским обществом для получения обратного сигнала о возможностях внедрения подобных альтернатив.

В противовес залогоу в России залоговая система некоторых штатов США имеет определенную часть суммы, которая не возвращается залогодателю ни при каких обстоятельствах. Например, в штате Нью-Йорк в случае вынесения обвинительного приговора даже при соблюдении всех условий освобождения по залог 3 % от суммы залога удерживаются государством [18]. Помимо этого, действуют так называемые залоговые агенты, которые являются представителями частных компаний и позволяют заключить договор с подследственным и выплатить сумму залога за него в случае, если у подследственного нет средств даже на выплату минимальной части от общей суммы залога. С одной стороны, комбинация различных запретов с залогом позволяет говорить о более гибком подходе и гуманизации. С другой стороны, подобная система достаточно явно разделяет людей на тех, кто имеет возможность заплатить залог, и на тех, кто такой возможности лишен. Проблема социального расслоения является одной из самых острых для данной альтернативы заключению под стражу, она также понимается и подвержена подробному разбору среди ученых и практиков в США [17].

Завершая рассмотрение вопроса о способах найти иные подходы к реализации механизмов заключения под стражу, необходимо отметить, что все упомянутые альтернативы предусматривают возможность применения вместе с основным запретом также средств цифрового контроля. В перечень подобных средств в настоящее время входят электронные браслеты со стационарным контрольным устройством, ретранслятор и устройства аудиовизуального контроля. Вопрос систематизации и внедрения новых информационных технологий является актуальным и уже нашел свое отражение в научных исследованиях [1]. Данная тема, несомненно, может и должна получить свое развитие в контексте реализации института мер пресечения и обеспечения прав участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования.

Список использованных источников

1. Бастрыкин А.И. Лекция: Цифровые технологии современной криминалистики // Юридическая мысль. 2020. №3 (119). С.161-186.
2. ВС указал, что тяжесть обвинения и опасения следствия – недостаточные основания для помещения под стражу судом [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – 6 мая – 2020 // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ukazal-cto-tyazhest-obvineniya-i-opaseniya-sledstviya-nedostatochnye-osnovaniya-dlya-pomeshcheniya-pod-strazhu/>.
3. ВС просит учитывать пандемию коронавируса при решении вопросов об аресте [Электронный ресурс] // РАПСИ. – 30 АПРЕЛЯ – 2020 // URL http://rapsinews.ru/judicial_news/20200430/305773172.html.
4. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90-96.
5. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cddep.ru/index.php?id=79&item=5671>.
6. Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. №8. С. 50-52.
7. Есина А.С., Жамкова О.Е. и др. Вопросы совершенствования мер пресечения в современном уголовном процессе России // Российский следователь. 2019. №1. С.23-25.
8. Зяблина М.В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе // Судья. 2017. №4 (36). С. 39-41.
9. Орлов А.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник Самарского юридического института. 2018. N 5 (31). С. 53-57.
10. Осуждению не подлежит [Электронный ресурс] // Российская газета. – 13 октября – 2020 // URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj->

prostupok.html?fbclid=IwAR2XB6vYXJhSmaH7flsFXOjekqDG4hLZQhh
oYpgDT_zb4V6XtpqEPweCFSl.

11. Постановление от 19 декабря 2013 г. № 41. о практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий // СПС «Консультант Плюс».
12. Руднев В.И. О необходимости разработки новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Журнал российского права. 2009. №6. С.60-65.
13. Ткачёва Н. В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дисс. ... к.ю.н. Челябинск, 2003. 192 с.
14. Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. №3. С.26-29.
15. Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019 - 2022 годы) // Российский следователь. 2020. №6. С.26-31.
16. Чиновник перед высшим судом [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2 декабря – 2008 // URL: <https://rg.ru/2008/12/02/lebedef.html>
17. Baughman S. The Bail Book: A Comprehensive Look at Bail in America's Criminal Justice System – Introduction [Электронный ресурс] // URL: <https://dc.law.utah.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=scholarship>.
18. How Do I Get My Money Back? [Электронный ресурс] // The Legal Aid Society // URL <https://legalaidnyc.org/get-help/bail-incarceration/bail-refunds/>.

К. В. Питулько,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой уголовного права и процесса,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

А. А. Сергеева,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права и процесса,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПК РФ В ЗЕРКАЛЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Статья посвящена некоторым итогам модернизации уголовно-процессуального законодательства и перспективам дальнейшего развития отечественного уголовного процесса. Исходя из того, что основные демократические стандарты осуществления правосудия нашли свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, авторы приводят некоторые недостатки системы действующего правового регулирования, наличие которых не позволяет признать состоявшиеся преобразования полностью завершенными. Анализируя современные научные взгляды, авторы дают критическую оценку идеям реставрации ранее существовавшей конфигурации уголовно-процессуальных отношений в досудебном производстве по уголовному делу. Особое внимание уделяется правовой определенности регулирования уголовно-процессуальных отношений и пропорциональности правоограничений.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная реформа, досудебное производство, расследование преступлений, правовой статус личности

Kseniia V. Pitulko

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Saint Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice

Anzhelika A. Sergeeva

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Saint Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice

ACTUAL PROBLEMS IN REFORMING RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL PROCEDURE CODE IN LIEU OF POST-SOVIET CRIMINAL PROCEDURE DOCTRINE

The article is devoted to some of the results of the modernization of criminal procedure legislation and the prospects for the further development of the domestic criminal process. Proceeding from the fact that the basic democratic standards for the administration of justice are reflected in the criminal procedural legislation, the authors cite some shortcomings of the system of the current legal regulation, the presence of which does not allow recognizing the changes that have taken place fully completed. Analyzing modern scientific views, the authors provide a critical assessment of the ideas of restoration of the previously existing configuration of criminal procedural relations in pre-trial criminal proceedings. Special attention is paid to the legal certainty of the regulation of criminal procedural relations and the proportionality of legal restrictions.

Keywords: criminal procedure, judicial reform, pre-trial proceedings, crime investigation, legal status of a person

В начале 90-х гг. XX в. в России началась масштабная правовая модернизация, необходимость которой была очевидной на фоне демократических преобразований, сопутствовавших становлению Российской Федерации как независимого государства – правопреемника Союза ССР. Естественно, что значительным сегментом реформаторской деятельности стало уголовное судопроизводство, механизм осуществления которого не соответствовал демократическим стандартам правосудия. Разработчики Концепции судебной реформы констатировали ряд системных проблем уголовного судопроизводства, среди которых называли недостаточную самостоятельность и независимость суда, ограничение права на защиту, отсутствие гарантий справедливого судебного разбирательства [6, с. 51-55]. Концепция судебной реформы стала «основой всей законотворческой деятельности постсоветской России» [3, с. 107], ее идеи были отражены в ряде реализованных демократических законодательных инициатив и многочисленных проектах преобразований уголовно-процессуальной деятельности.

В год тридцатилетия принятия Концепции судебной реформы и двадцатилетия принятия УПК РФ представляется уместным остановиться на оценке завершенности судопроизводственных преобразований, отметить наиболее интересные научные позиции относительно итогов модернизации законодательства и уделить внимание ряду нововведений, привнесенных в уголовно-процессуальный закон в современный период. Объем статьи не позволяет рассмотреть все проблемные аспекты судопроизводства, поэтому объектом авторского интереса стали отдельные положения законодательства, относящиеся к досудебным стадиям процесса. Узловыми точками дальнейших авторских рассуждений в этой связи будут правовая определенность, сбалансированность и завершенность состоявшихся уголовно-процессуальных преобразований. С учетом проблемного поля исследования полагаем необходимым уделить внимание актуальным научным дискуссиям относительно современного состояния уголовно-процессуального законодательства и генерального вектора его совершенствования.

Как известно, Концепция судебной реформы приобрела нормативный характер, поскольку была утверждена постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1. Десять лет спустя промежуточным итогом ее реализации стало принятие Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепившего основные демократические стандарты осуществления правосудия и определившего современное назначение уголовного судопроизводства и актуальное целеполагание уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, несмотря на многочисленные изменения, вносимые ежегодно в УПК РФ, до настоящего времени в отечественном уголовном процессе сохранились некоторые рудименты социалистического правосудия, а кроме того, не произошло утверждения состязательности и преодоления обвинительного уклона, т.е. сохранились те явления, искоренить которые следовало бы в ходе судебной реформы. Более того, в период действия УПК РФ в него вносились множественные изменения, ставшие, по сути, контрреформой и породившие ряд дополнительных правоограничений, не пропорциональных и не вызванных действительной необходимостью (либо в их основе лежала демократическая идея, но при ее нормативном оформлении законодатель действовал сверхмедленными темпами или компенсировал предоставление дополнительных прав ограничением фактической возможности их реализации).

Например, право лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, совершить телефонный звонок в целях уведомления о своем задержании и местонахождении приобрело современную

структуру в конце декабря 2015 г. Для сравнения, в уголовном судопроизводстве США эта возможность интегрирована из хрестоматийного прецедента 1966 г. («правила Миранды») и в большинстве штатов не регулируется законом, применяется по заявлению задержанного. Впрочем, справедливо отметить, что даже в тех штатах, где данное право закреплено нормативно, есть множество предусмотренных законом способов уклонения от его реализации.

В ст. 96 УПК РФ изначально было введено ограничение реализации этого права, не имеющее транспарентных оснований: в соответствии с ч. 4 ст. 96 УПК РФ при необходимости сохранения в интересах расследования в тайне факта задержания уведомление о нем может и не производиться. Законодатель не привел параметры такой необходимости, полагая достаточным для ее констатации вынесения мотивированного постановления следователем (дознавателем), поддержанного прокурором. При этом признание наличия необходимости сохранения в тайне факта задержания подозреваемого предоставляет возможность не уведомлять указанных в ч. 1 лиц в течение всего срока задержания, даже в случае, если такая необходимость уже отпала. В такой редакции, во-первых, данное законоположение обладает признаками коррупциогенности (как любая норма, лишенная правовой определенности), а во-вторых, создает условия для рандомного применения при отсутствии действительной необходимости (такое ограничение запрещено применять в отношении несовершеннолетних, однако в отношении любого взрослого подозреваемого допустимо, независимо от того, совершение преступления какой категории будет ему инкриминировано в будущем). Возможно, ограничения подобного рода были бы допустимыми и достаточными в целях сохранения тайны предварительного расследования по делам об особо тяжких преступлениях, посягающих на общественную безопасность, однако создать условия для их применения как в ходе предварительного следствия, так и в ходе дознания, было чрезмерно. Не был определен и процессуальный порядок предоставления задержанному права на телефонный разговор, на что уже обращали внимание ученые [5, с. 113-117]. Можно отметить и то обстоятельство, что в УПК РФ предусмотрен механизм избрания меры пресечения (в том числе, заключения под стражу) в отношении подозреваемого, и этот период приобретает существенную продолжительность. Так, в соответствии со ст. 100 УПК РФ он может составлять 10 суток, а в ряде случаев – и 45, и в данном случае возникает вопрос, даже не насколько необходимой является столь длительная изоляция от внешнего мира без предъявления обвинения, а насколько приемлемо

поставить родственников и близких задержанного в ситуацию его безвестного исчезновения. Кроме того, в течение этого периода подозреваемый может оказаться без квалифицированной юридической помощи и в условиях, когда право на телефонный разговор может стать своеобразной ценой признания (или, что гораздо хуже, самоговора)..

Другим ограничением, лишенным оснований, является осуществление телефонного разговора только на русском языке. Дискриминационный характер этого установления противоречит ч. 2 ст. 26 Конституции РФ, закрепляющей право на пользование родным языком, а также ч. 2 ст. 18 УПК РФ, которая учитывает потребности участников уголовного судопроизводства в услугах переводчика. Подчеркивая межотраслевой характер права на телефонный разговор, ученые справедливо констатируют, что его реализация на сегодняшний день далеко не идеальна [7, с. 131-139]. Между тем, современный уровень развития цивилизации, становление информационного общества с многогранным коммуникативным взаимодействием, расширение технических возможностей, которые могут быть приспособлены для нужд уголовно-процессуальной деятельности, свидетельствуют о том, что лица, подозреваемые в совершении преступления, не утрачивают конституционно-правового статуса личности и в полном объеме сохраняют право контактировать с родственниками и иными лицами. Непропорциональное ограничение права на телефонный звонок не соответствует демократическим стандартам правовой охраны.

УПК РФ 2001 г. интенсивно реформировался в части организации досудебного производства по уголовному делу. Особую остроту приобрели проблемы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела, решение которых в отечественной науке имеют совершенно полярные параметры. Так, некоторые авторы полагают эту стадию «реликтом социалистической законности», подлежащим скорейшему устранению с преобразованием в краткосрочное полицейское дознание [2, с. 71-76]. Другие исследователи считают американскую «матрицу» неприемлемой, высказываясь о недопустимости «американизации» российского правосудия [1, с. 75-80]. Тем не менее, в действующей редакции положений УПК РФ, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела, заложена перспектива осуществления уголовного преследования, сроки, определяющие продолжительность принятия процессуального решения, установлены достаточно длительные, а статус лиц, принимающих участие в процессуальных действиях, недостаточно проработан (например, в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ процессуальные права разъясняются им в том объеме, в котором про-

изводимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы). Из этого можно заключить, что первоначальный этап судопроизводства не имеет сегодня эффективного правового регулирования (при том, что практически все законодательные инициативы в части его преобразования подспудной идеей имеют недопущение укрытия заявлений о совершении преступления от учета и изменение отношения к раскрываемости преступлений, т.е. направлены не на решение процессуальных задач, а на создание условий невозможности злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками правоохранительных органов).

Естественно, серьезная научная дискуссия развернулась вокруг завершившейся в данный момент трансформации процессуальных взаимоотношений между прокурором и руководителем следственного органа. Прокурор не возглавляет производство расследования, но обладает функцией уголовного преследования и поддерживает государственное обвинение в суде, вследствие чего имеет процессуальный интерес в отношении качества доказательственной базы, собранной по уголовному делу. В свою очередь, руководитель следственного органа обладает рядом организационных и распорядительных полномочий, используя которые, становится во многом независимым от инструментов прокурорского надзора. Ряд исследователей полагают такую ситуацию неприемлемой, настаивая на возврате к той конфигурации взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя, в которой прокурору отводилась доминирующая роль, в том числе, на предоставлении ему права возбуждать уголовные дела [10, с. 9-16]. Сторонники другой позиции, напротив, приводят доводы в пользу фактического устранения прокурора из сферы уголовно-процессуальных отношений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, оперируя категорией «следственная власть» [11, с. 59-64]. Не разделяя ни одной из вышеуказанных точек зрения, укажем, что действующая система разделения властей ограничена тремя разновидностями, а передача прокурору функции руководства расследованием нецелесообразна, поскольку самостоятельным следственным аппаратом органы прокуратуры в настоящее время не располагают. Фактически обе идеи предполагают сохранение многочисленных проверочных мероприятий, затрудняющих реализацию права на доступ к правосудию, и поэтому их невозможно признать конструктивными.

Негативной стороной современной уголовно-процессуальной политики оказалось то обстоятельство, что вступивший в силу (в большей части) с 1 июля 2002 г. УПК РФ достаточно часто и при этом

бессистемно изменялся. В современный период многие его положения оказались рассогласованными между собой и стало очевидным, что механизм уголовного судопроизводства нуждается в масштабной корректировке.

В этой связи достаточно интенсивно на страницах юридической печати обсуждаются перспективы учреждения должности следственного судьи, наделенного полномочиями в сфере осуществления контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования, но без принятия функции уголовного преследования. Сторонники этой идеи полагают, что ее реализация привнесет все элементы состязательности в досудебное производство по уголовному делу, создаст особый «предварительный фильтр», с помощью которого в суд для рассмотрения по существу будут направляться только дела с безупречной доказательственной базой [9]. Противники, в свою очередь, полагают, что это не улучшит качества правосудия, а соответствующая зарубежная практика не может быть адаптирована к российским реалиям [4, с. 41-44]. Высказываются и общие компромиссные суждения относительно необходимости взвешенного принятия такого решения [8, с. 200-213]. Высокий градус развернувшейся несколько лет назад дискуссии позволяет констатировать востребованность дальнейшей корректировки уголовно-процессуальных отношений в досудебных стадиях процесса и наличие запроса научного сообщества на повышение качества уголовно-процессуальной деятельности.

Насыщенность научного дискурса позволяет выявить многие нерешенные проблемы уголовного судопроизводства. В перспективе, очевидно, будут предприняты законодательные шаги по его преобразованию. Аргументируя это, укажем, что в современный период многие положения закона в определенной степени устарели, в ряде случаев они не обладают надлежащей степенью правовой определенности, а кроме того, не гарантируют достижения назначения уголовного судопроизводства. Сохранение смешанной «советско-постсоветской» модели уголовного процесса было возможно в течение длительного времени, однако в данный момент этот резерв практически иссяк. Усиление состязательности в досудебном судопроизводстве, расширение сферы судебного контроля или же, напротив, формирование мифической «следственной власти» с отказом от «американизации» правосудия – это своеобразная квинтэссенция доктринальных представлений о будущем уголовно-процессуальной деятельности. Как представляется, законодатель может почерпнуть немало полезного из состоявшихся дискуссий, и если при этом он будет придерживаться принципа право-

вой определенности, откажется от установления излишних непропорциональных правоограничений и создаст основу для достижения назначения уголовного судопроизводства, то независимо от масштаба потенциальных преобразований возможно создание условий для дальнейшего утверждения демократического правосудия.

Список использованных источников

1. Головкин Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник Юридического факультета Южного Федерального университета. 2014. № 1. С. 75-80.
2. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6. С. 71-76.
3. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года – базовая основа законотворческой и правоприменительной деятельности постсоветской России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 107-109.
4. Зинченко И. А., Фетищева Л. М. Следственный судья как участник уголовного досудебного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С. 41-44.
5. Маркелов А. Г., Купцов В. А. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве России: гарантии и проблемы реализации // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 2. С. 113-117.
6. Пашин С. А. Проблемы и перспективы судебной реформы в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1. С. 51-55.
7. Россинский С. Б., Ващенко Б. М. О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 131-139.
8. Рябина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12. С.200-213.
9. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Российское агентство правовой и судебной информации [электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html
10. Спирин А. В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 9-16.
11. Цветков Ю. А. Следственная власть в эпоху постправды // Вестник Московского университета МВД России. 2020. С. 59-64.

В. Д. Пристансков,

кандидат юридических наук, и.о. зав. кафедрой,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Е. В. Новикова,

адвокат, адвокатская палата
Санкт-Петербурга

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ В СФЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Финансовое мошенничество с сфере денежного обращения с использованием ИТ-технологий стало наиболее распространенным видом преступной деятельности в настоящее время. Способы посягательства совершенствуются преступниками постоянно по мере развития финансовой сферы. В тоже время правоохранительные органы не имеют в необходимом объеме реальных технических возможностей и достаточного кадрового ресурса профессионалов для оперативного выявления и расследования преступлений этой категории. Криминалистическая наука также оказалась неподготовленной для своевременного обеспечения следственной практики соответствующим криминалистическим инструментарием, как относительно методических рекомендаций, так и экспертных исследований. Решение существующих проблем по противодействию преступным действиям в сфере денежного обращения с учетом особенностей способа их совершения требует, прежде всего, проведения междисциплинарных исследований событий финансового мошенничества и на их основе разработки криминалистических методик расследования и создания соответствующего понятийного аппарата.

Ключевые слова: финансовое мошенничество, модель события, технологии мошенничества, оборот денежных средств, речевое манипулирование жертвой, доказательства.

Vladimir D. Pristanskov

*PhD in Law, Professor of the chamber of
criminal procedure and criminalistics,
St. Petersburg State University*

Elena V. Novikova

St. Petersburg Chamber of Lawyers

PROBLEMS OF COUNTERING FINANCIAL FRAUD IN THE SPHERE OF MONEY CIRCULATION

Financial fraud in the sphere of money circulation using IT technologies has become the most common type of criminal activity at the present time. The methods of encroachment are constantly being improved by criminals as the financial sphere develops. At the same time, law enforcement agencies do not have the required amount of real technical capabilities and sufficient human resources of professionals to promptly identify and investigate crimes in this category. Forensic science also turned out to be unprepared for the timely provision of investigative practice with appropriate forensic tools, both in terms of methodological recommendations and expert research. Solving the existing problems of countering criminal acts in the sphere of monetary circulation, taking into account the peculiarities of the method of their commission, requires, first of all, the conduct of interdisciplinary studies of financial fraud events and, on their basis, the development of forensic investigation techniques and the creation of an appropriate conceptual apparatus.

Keywords: financial fraud, event model, fraud technologies, money circulation, speech manipulation of the victim, evidence.

Финансовое мошенничество совершается в сфере денежного обращения путем обмана, злоупотребления доверием и других манипуляций с целью незаконного завладения денежными средствами как физических, так и юридических лиц. Мошеннические действия наиболее часто совершаются в таких сферах как банковская, кредитно-финансовая, страховая, налоговая, на рынке недвижимости и др. С активным развитием новых технологий финансовые мошенники оперативно приспосабливаются к современным условиям, изобретая все новые и новые способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (п. 1 ст. 159 УК РФ). Следует особо отметить, что финансовое мошенничество имеет интеллектуальный характер. Наиболее распространены мошеннические действия в сфере обращения различных платежных карт, сети Интернет, мобильной связи и т.п.

Специфика финансового мошенничества обусловлена, во-первых, особенностями обращения денежных средств, во-вторых, поведением их владельцев, в-третьих, владением преступниками, особыми психологическими приемами воздействия на потенциальных жертв. Мошенники используют не только новые технологии, но и самые современные психологические способы, такие, например, как речевое манипулирование, а также и другие методы нейролингвистического программирования. Методики разные, но во всех схемах их применения есть типичные признаки: манипуляция чувствами людей, нагнетание тревоги и «зомбирование» на немедленное действие по предлагаемому преступниками варианту поведения и др. В результате мошенники, введя в заблуждение, обманув владельцев, с их добровольного согласия завладевают их денежными средствами. Например, более 80% мошенников при звонке, используя технологию подмены банковских телефонных номеров и, выдавая себя за сотрудников банков, применяют методы речевого манипулирования и обманным образом получают у людей информацию, необходимую для хищения денег.

Схемы финансового мошенничества разнообразны, можно выделить такие, как звонки от «родственников», попавших в беду; «ложные» звонки и смс-сообщения от банка о том, что у пользователя заблокирована карта и просят сообщить данные карточки для разблокировки; обманное «пополнение» счета или баланса телефона, ложное предложение покупки товара «за копейки», создание финансовых «пирамид» и др. Список финансовых махинаций можно продолжать, но главное он постоянно расширяется, причем на фоне недостаточно активного противодействия ему со стороны правоохранительных органов. Такая возрастающая криминальная перспектива финансового мошенничества, безусловно, требует принятия кардинальных мер по его пресечению и предупреждению.

Для решения задач по оптимизации противодействия необходимо обозначить круг проблем, с которыми сталкиваются следователи и оперативные сотрудники на стадиях выявления фактов финансового мошенничества и последующего его расследования. Во-первых, мошенники постоянно совершенствуют методы и средства отъема денежных средств у населения, что значительно осложняет оперативное противодействие им со стороны правоохранительных органов. Во-вторых, отсутствие в правоохранительных органах достаточных кадровых ресурсов из числа подготовленных профессионалов по своевременному реагированию на сообщения о фактах мошенничества, выявлению событийных обстоятельств и закреплению криминалистически значимой

информации с последующим ее переводом в судебные доказательства по делу. Своевременная доказательственная оценка сведений, получаемых еще на стадии проверки сообщения о преступлении и проведения оперативно-розыскных мероприятий, требует изначально максимального взаимодействия оперативных сотрудников со следователем. В-третьих, на стадии предварительного расследования указанное взаимодействие не должно прекращаться. Успех раскрытия мошенничества зависит от действенного оперативного сопровождения следствия на всем протяжении его проведения. Особенно это важно для установления и изобличения лиц, причастных к совершению события преступления. Должны создаваться постоянно действующие следственно-оперативные группы с закреплением за их участниками выполнения конкретных плановых мероприятий. В-четвертых, должна быть специализация следователей, расследующих мошенничество, совершаемое в сфере оборота денежных средств. Принимая во внимание многообразие мошеннических схем и применяемых преступниками средств и технологий, следователи должны постоянно пополнять свои знания из области коммуникативной сферы и информационных технологий, т.е. они должны регулярно повышать свой профессиональный уровень. Следует также учитывать, что мошенники, действующие в финансовой сфере, как правило, люди, имеющие не только достаточно высокий уровень образования и интеллекта, но и обладающие хорошими коммуникативными способностями, а некоторые и владеющие соответствующими приемами речевого манипулирования и другими техниками нейролингвистического программирования. С учетом этого следователь должен быть хорошо подготовлен для использования криминалистических тактических приемов при проведении следственных действий, в том числе своевременно пресекать попытки со стороны преступника манипулировать участниками уголовного процесса, включая членов следственно-оперативной группы. В качестве еще одной важной проблемы отметим виктимное поведение самих потерпевших. Несмотря на широкое освещение указанной преступной деятельности в СМИ люди продолжают «попадаться» на уловки мошенников в силу неконтролируемого доверительного отношения к обращениям по телефону и в интернете. Безусловно, этому есть объяснения. Во-первых, жертвами чаще всего становятся люди с ослабленным аналитическим мышлением в силу образования, возраста, болезненного состояния и т.п. Во-вторых, мошенники хорошо подготовлены в плане речевого манипулирования как разновидности психологического воздействия, владеют манипулятивной тактикой и соответствующим набором кон-

кретных манипулятивных приемов воздействия с учетом психотипа потенциальной жертвы. В психологии эта форма манипулирования получила определение «эксплуатации личности адресата». Психологи отмечают, что «эксплуатация личностных структур является апофеозом манипулятивного воздействия – управлять тем, что само управляется» [2, с. 21].

Сущность подобной манипулятивной формы воздействия – переложить ответственность за совершаемые действия на адресата, т.е. никакого явного насилия, несмотря на то, что актуализируемый мошенником мотив действий собственника денежных средств противоречил его интересам. Человек побуждает самого себя совершить поступок, способствующий цели преступника-манипулятора – получить доступ к финансам собственника.

На современном этапе активизации мошенников в финансовой среде отсутствуют, как нами уже отмечалось, методики по расследованию финансового мошенничества, не создан необходимый криминалистический инструментарий для оперативного выявления и пресечения преступной деятельности финансовых мошенников, т.е. нет должного криминалистического обеспечения следственной деятельности. Эта проблема имеет два аспекта: научный и практический. Научный аспект предполагает познание события финансового мошенничества и разработку научно-практических рекомендаций для следственной практики. Практический аспект – это внедрение методических рекомендаций в следственную практику и обучение лиц, уполномоченных на выявление преступлений указанного вида во всем многообразии их проявления и осуществление предварительного расследования. Реализация деятельности по обоим этим направлениям, безусловно, требует времени и определенных затрат. Однако, по нашему мнению, можно было бы ускорить этот процесс, если активизировать создание научных коллективов и разработку ими соответствующих частных методик, применив финансирование научных коллективов путем использования грантов, например, системы грант-экспресс [3].

Ведь речь идет о гарантированном со стороны государства и банков обеспечении защиты имущества граждан страны, в том числе и мерами уголовного-правового воздействия. Ситуация в современных условиях отсутствия должного противодействия финансовым мошенникам сложилась крайне критическая. Так в период пандемии только за первое полугодие 2020 года мошенники украли с расчетных счетов граждан более 4 млрд. рублей и провели более 360 тысяч операций без согласия клиентов [5].

Изучение наработанного судебно-следственной практикой эмпирического материала, безусловно, должно осуществляться постоянно. Только объем его пока незначителен. Для создания научно обоснованных методических рекомендаций практическим работникам требуется прогностическое осуществление междисциплинарных научных исследований, так как познание механизмов финансового мошенничества во всем многообразии схем посягательств нуждается в использовании специальных знаний, и в первую очередь, в разработке понятийного аппарата по каждому подвиду указанного мошенничества. Кроме этого специальные знания необходимы и для применения их при производстве процессуальных действий, направленных на формирование судебных доказательств, в том числе и для оценки доказательственного значения экспертных заключений.

Для оптимизации выявления и раскрытия финансового мошенничества, как уже было отмечено, необходимо создание криминалистического инструментария на основе научного познания преступного события, а именно: разработка стратегических (общих) программ расследования в целом и организационно-тактических алгоритмов производства отдельных процессуальных действий, которые должны составить основу соответствующих частных криминалистических методик. Непосредственно предметной областью криминалистического исследования является событие мошенничества, совершаемое в сфере оборота денежных средств. Для его всестороннего криминалистического познания требуется применение системного подхода как проявления диалектического метода познания социальных явлений, включая и факты криминальной направленности, каковыми являются события преступлений. Любое из криминальных событий объективно представляет собой динамическую систему в виде самоорганизованного множества элементов, образующих его целостность, отличающуюся особыми системными свойствами. Познание криминального события как системного объекта требует его изучения в его целостном существовании, функционировании, развитии и в следовом отражении.

Системный анализ события преступления как предметной области криминалистического познания предполагает ответ на вопрос, из каких элементов оно состоит и каким образом эти элементы связаны между собой. При этом событие преступления, будучи реальным явлением бытия, должно рассматриваться как часть метасистемы – окружающей среды [4], то есть внешней обстановки, с которой криминальное событие может иметь внешние связи, часто оказывающие влияющие на особенности его функционирования. Выявление и изучение

следовой картины мошеннических действий позволяет информационно воссоздать факт криминального события. Поэтому наиболее универсальным методом криминалистического познания криминального события является метод криминалистического моделирования. Однако это не исключает параллельного применения и других специальных методов, адаптированных для решения криминалистических задач. Использование криминалистического моделирования в целях полного и всестороннего познания преступного явления (факта) предполагает четырехуровневую разработку модели события финансового мошенничества: концептуальную, информационную, логическую и на завершающем этапе предметно-программную.

Концептуальный уровень модели отражает предметную область в самом общем виде. В криминалистическом познании на этом уровне определяется содержание и структура криминального события как ретроспективной модели общего значения безотносительно к отдельным видам финансового мошенничества. В качестве такой *концептуальной модели* события преступления как системы элементов, обеспечивающих своими свойствами и отношениями его цельность и динамику развития, считаем, наиболее подходит структурированный перечень событийных компонентов криминального явления, предложенный Г. А. Густовым: субъект, предмет посягательства, физическая деятельность, психическая деятельность, факты-последствия, место, время и обстановка. Определяя указанный перечень, Г. А. Густов исходил из следующих принципов: «необходимости (т. е. без данного элемента система преступления как целое реальное явление существовать не может); общности для всех преступлений или для определенного вида; значимости для решения криминалистических и правовых задач... Каждый из перечисленных элементов необходим, но только все они в совокупности образуют целостность» криминального явления [1, с. 51]. Анализ выделенных событийных компонентов по уровням иерархической структуры осуществляется путем применения структурно-аналитической формулы как инструмента познания системных элементов события преступления (по Г. А. Густову). Указанная формула включает в себя: субъекта и предмет преступного посягательства; трехэтапную деятельность преступника: действия до совершения посягательства, систему действий как способ преступного деяния, действия после совершения преступления; психическую деятельность (мотив, целеполагание, цель); факты-последствия (события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события, на которые повлиял факт преступления); место и время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника; обстановку (причины,

способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось).

В продолжение развития выше указанных положений, относящихся к системным элементам структуры событийного криминального явления представляется важным также отметить, что перечисленные элементы криминальной (реальной) системы также требуют, как выше уже отмечалось, самого четкого и выверенного понятийного определения, что диктуется спецификой, как предмета посягательства, так и тех процессов и явлений, которые выступают в качестве детерминант внутреннего механизма совершения посягательства. В структуре преступного посягательства кроме способа совершения преступления, как формы внешнего проявления конкретных действий субъекта, присутствует еще и процесс, возникающий вследствие этих действий. В указанных процессах также участвуют отдельные явления, требующие своего понятийного объяснения их признаков (свойств, отношений) и причин возникновения. Без уяснения смысла понятия любого фактора - детерминанта в структуре мошеннического посягательства невозможно обоснованно установить причинно-следственную связь, как важный элемент объективной стороны состава преступления.

Осуществить на основе системного анализа описание понятий структурных элементов события финансового мошенничества и возникающих между ними причинно-следственных отношений (внутренних связей) и их взаимодействие с объектами окружающей среды (внешние связи) призваны информационная и логическая модели события мошенничества.

Создание *информационной модели события финансового мошенничества* позволяет «раскрыть» внутреннее содержание каждого из системных его элементов с учетом специфики предмета, характера и механизма посягательства.

Информационная модель события преступления как совокупность информации, характеризующей существенные его свойства и состояния в процессе развития, требует разработки понятийного аппарата, используемого для описания каждого событийного элемента и тех операционных актов и процессов, которые выступают детерминантами непосредственно механизма посягательства.

Строится информационная модель события преступления на основе ретроспективного анализа следовой картины всей криминальной деятельности преступника и результатов криминалистических исследований, проведенных с применением системного анализа каждого из них как самостоятельной структурированной микросистемы в системе

события преступления (макросистемы). Методика (концепция) как способ понимания и трактовки информации о признаках системных элементов структуры события мошенничества, позволяет определить комплекс оптимальных научных методов их полного и всестороннего изучения. При создании информационной модели востребован помимо криминалистического моделирования системно-структурный метод.

Следует особо подчеркнуть, что описание понятий системных элементов события финансового мошенничества как специфичного по своему способу преступления, требует не только применения специальных знаний, но и понимания используемых терминов. Поэтому создание понятийного аппарата является важной частью криминалистического обеспечения процессов выявления и расследования таких криминальных явлений. Каждый из системных элементов многоуровневой (иерархичной) структуры события мошенничества имеет определенные свойства, благодаря которым он вступает с другими элементами в причинно-следственные отношения линейного характера. Таким образом, возникает многоуровневая система отношений, требующая своего анализа, описания и комплексной оценки на предмет их влияния на объективную сторону состава преступления в целом и в частности на механизм посягательства.

Логический уровень исследования требует помимо моделирования применения поэлементно-факторного анализа, который позволяет выявить логические внутренние (между элементами события) и внешние (между событием или его элементами и объектами окружающей среды) связи, обуславливающие закономерности динамического развития события преступления в целом и процесса развития непосредственно посягательства в частности. Выявление и познание этих закономерностей позволяет создать *логическую модель* многоаспектной системы развития события финансового мошенничества, а также выявить и системно описать не только факторы, непосредственно детерминирующие причинно-следственную связь между деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями, но и четко описать различные варианты характера и механизма ее развития, и таким образом создать криминалистическую классификацию типичных причинно-следственных связей, характерных для событий мошенничества, имеющего разные схемы посягательства.

Предметно-программная модель ориентирована на разработку кратких и развернутых прогностических программ расследования и алгоритмов проведения процессуальных и непроцессуальных действий, ориентированных на установление обстоятельств события финансового мошенничества и определения направлений дальнейшего

хода расследования. Информационная, логическая и предметно-программная модели должны создаваться с учетом специфики процессуального механизма способа посягательства каждого из видов финансового мошенничества. Именно система действий, образующих динамическую информационно-логическую конструкцию способа посягательства, образует криминальное многообразие финансового мошенничества. Предлагаемый системный подход обеспечит создание эффективной практически значимой криминалистической методики по всестороннему и полному установлению и исследованию событийных обстоятельств мошенничества, совершенного в финансовой сфере, и тем самым, позволит оптимизировать предварительное расследование: в разумные сроки формировать базу объективных доказательств по факту мошенничества и устанавливать лиц, его совершивших.

Познание события финансового мошенничества путем применения четырехуровневого моделирования с использованием, адаптированных для криминалистических исследований специальных методов, безусловно, расширит стратегию научного изучения событийных элементов структуры указанного криминального явления, характера и механизма причинно-следственных внутренних и внешних связей и порождаемых ими закономерностей преступной деятельности в сфере оборота денежных средств. Также, надеемся, что постановка научных проблем в совершенствовании криминалистических исследований обстоятельств события финансового мошенничества даст соответствующий импульс для активизации междисциплинарного сотрудничества по созданию адекватного понятийного аппарата, необходимого для создания новых инновационных исследовательских технологий по установлению факта финансового мошенничества и изобличению лиц, причастных к его совершению.

Список использованных источников

1. Курс криминалистики: в 3 т. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. СПб., 2016.
2. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 8-е изд., стер. Москва, 2021.
3. URL: http://innovbusiness.ru/content/document_r_31E2189B-02A0-4E58-A711-2C6BA139C0A6.html. (Дата обращения - 26. 09. 2021)
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-s-kagan-sistemnyy-podhod-kak-osnova-v-issledovanii-chelovecheskoy-deyatelnost> (Дата обращения – 20. 07. 2021)
5. URL: https://www.omskinform.ru/news/147687?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата обращения – 02.11.2020).

С. В. Рудакова

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ

Существенное воздействие на практику применения законодательных положений оказывают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В его компетенции находится истолкование закона на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации. Учитывая обширность применения обжалования в уголовном судопроизводстве, специфичность складывающихся правоотношений, строгость применяемых правоограничений, значимость правовых позиций многократно повышается, поскольку уяснение конституционно-правового смысла законодательных положений, регламентирующих обжалование, позволяет не только обеспечивать законность процессуальных действий и решений, но и неукоснительно выполнять назначение уголовного судопроизводства. В то же время ряд проблемных обстоятельств, сопровождающих формирование правовых позиций и процесс их практического использования обуславливает потребность в проведении научных исследований в указанной сфере и выработку объективных рекомендаций по их разрешению.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обжалование, правовые позиции Конституционного Суда РФ, обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ, предмет обжалования.

CONSTITUTIONAL COURT'S LEGAL POSITION RUSSIAN FEDERATION ON THE QUESTION OF DETERMINING THE SUBJECT OF APPEAL IN THE ORDER OF ARTICLE 125 OF THE CPC OF THE RUSSIAN FEDERATION

The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation has a significant impact on the practice of applying legislation. It is his responsibility to interpret the law to ensure that it is in compliance with the Constitution of the Russian Federation. Given the extensive application of appeals in criminal proceedings, the specificity of the existing legal relations, the strictness of the legal restrictions applied, the importance of legal positions is greatly increased, as the clarification of the constitutional and legal meaning of the provisions governing the appeal, allows not only to ensure the legality of procedural actions and decisions, but also to strictly carry out the appointment of criminal proceedings. At the same time, a number of problematic circumstances accompanying the formation of legal positions and the process of their practical use necessitate research in this area and the development of objective recommendations for their resolution.

Keywords: criminal proceedings, appeals, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, appeal in the order of Article 125 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of appeal.

Обжалование – понятие, имеющее весьма широкое распространение в теории уголовного процесса. Его также использует законодатель, определяя правила поведения субъектов правоотношений при подаче жалоб. Одним из основных его законодательных элементов является право на обжалование.

Право обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве как гарантия судебной защиты прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве установлено ст. 46 Конституции Российской Федерации. Также оно находит свое закрепление в ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в качестве принципа уголовного судопроизводства.

Обжалование в отечественном уголовном судопроизводстве имеет различные виды, формы, и может быть реализовано практически на всех этапах уголовного судопроизводства. Причем право обжалования в той или иной мере распространяется на всех его участников. Роль

и значение обжалование учеными оценивается весьма высоко. О. В. Гладышева считает, что обжалование и следующее за ним контрольное производство выступает средством защиты и охраны прав участником уголовного судопроизводства [1, с. 74].

Одним из наиболее актуальных направлений выступает обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ. Актуальность ему придает множество факторов: осуществление в досудебном производстве, которое характеризуется отсутствием гласности, существенными правоограничениями личности, масштабностью допускаемых судами ошибок при рассмотрении жалоб и др. В.А. Семенов по этому поводу пишет: «возможность применения принуждения позволяет повысить эффективность следственных действий, обеспечивает благоприятные условия для наиболее полной, всесторонней и объективной уголовно-процессуальной деятельности, хотя одновременно влечет негативные правовые последствия для личности в виде лишения ее конституционных прав и свобод либо стеснения в них» [5, с. 56].

Н.Г. Стойко указывает, что, как и любые иные процессуальные решения, постановления о возбуждении уголовного дела, приостановлении и возобновлении предварительного следствия должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ) [6, с. 180]. Учеными отмечается, что каждое третье решение суда первой инстанции, постановленное по правилам ст. 125 УПК РФ, и которое было предметом проверки суда апелляционной инстанции, не соответствует требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ: законности, обоснованности и мотивированности. Кроме того, учитывая количество решений, отмененных и направленных на новое судебное разбирательство или возвращенных заявителю, в 79,5% случаев СКМ (судебно-контрольные материалы – С.Р.) проходят повторное рассмотрение судами первой инстанции [7].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. в порядке ст. 125 УПК РФ в суды поступило 119 775 жалоб, из них удовлетворено 5 301 (4,4%), отказано в удовлетворении 22 275 (18,6%). Однако подавляющее большинство жалоб разрешения вообще не получили: по 92 199 (%) производство прекращено, жалобы отозваны, возвращены, переданы по подсудности; в 2020 г. в порядке ст. 125 УПК РФ поступило 107 472 жалобы, из них удовлетворено 4 469 (4,2%), отказано в удовлетворении 19572 (18,3%), не получили разрешения 82 695 (77%) производство прекращено, жалобы отозваны, возвращены, переданы по подсудности. (Судебная статистика / Официальный сайт Судебного департа-

мента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 28.05.2021). Данные сведения демонстрируют как масштабность проблем, так и потребность в оптимизации законодательных положений, регулирующих порядок обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Учитывая, что процедура обжалования по ст. 125 УПК РФ и сопутствующие ей моменты весьма обширны, в данной работе акцентируем внимание на нескольких, с нашей точки зрения, особенно значимых моментах. Прежде всего, сузим границы исследования обжалования до вопросов, касающихся применения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в рамках указанной сферы. Но и этот аспект для детального раскрытия в рамках одной статьи представляется слишком объемным. Поэтому отметим наш интерес в части правовых позиций по определению предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Наше внимание именно к данному вопросу обусловлено не только научным интересом, но и объективными причинами: наличием существенных проблем именно в части определения предмета обжалования, имеющихся в законодательном поле, а, соответственно, проникающих и в правоприменение. Существенное влияние на формирование авторского подхода к определению предмета обжалования оказала имеющаяся научная дискуссия. Так, еще 2011 г. в одной из монографических работ отмечалось отсутствие чёткого определения предмета обжалования [3, с. 37]. С.Б. Россинский и С.А. Роговая пишут: «По смыслу закона, прямо вытекающему из содержания ст. 125 УПК РФ, предметом судебного обжалования могут являться различные действия (бездействие) или решения органов предварительного расследования и прокуратуры, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию [4, с. 49].»

Проведенным обобщением судебной практики выявлены многочисленные решения судов, которыми заявителям отказано в принятии жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ к рассмотрению ввиду отсутствия предмета обжалования (Например: Кировский районный суд г. Астрахани (Астраханская область). Постановление от 20 августа 2020 г. Дело № 3/10-81/2020; Саратовский областной суд. Апелляционное постановление от 11 ноября 2020 г. Дело № 22К-2725/2020; Правобережный районный суд г. Липецка (Липецкая область). Постановление от 10 декабря 2020 г. Дело № 3/12-57/2020).

Такого рода решения сложно назвать законными, поскольку в самом УПК РФ нет определения предмета обжалования, как нет и четкого указания на какие бы то ни было его характерные признаки. Законодатель ограничился лишь общим положением о том, что обжалованию подлежат действия, бездействие и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (Отдельные разъяснения содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4).

. Данная формулировка вводит многих граждан, а также правоприменителей в заблуждение относительно своего смысла и процессуального содержания. В силу чего потребовалось вмешательство Конституционного Суда РФ в определение этого понятия и как следствие, создание необходимых гарантий для надлежащего обжалования.

Как пишет К.Б. Калиновский: «Государство, выполняя свою обязанность соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, призвано обеспечить эффективную систему восстановления этих прав, когда они оказались нарушенными. Значительную роль в этой системе играет Конституционный Суд Российской Федерации, который осуществляет конституционное судопроизводство в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина (статьи 1 и 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [2].

Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях обращался к вопросу о предмете обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Например, в определении от 29 октября 2020 г. Конституционный Суд РФ обращает внимание на обязанность судей в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, в частности, имеется ли предмет обжалования в соответствии с ст. 125 УПК РФ, а это означает, что при отсутствии предмета производства по жалобе суд обязан в соответствии со ст. 125 УПК РФ прекратить дальнейшее ее рассмотрение как бессмысленное (Определение Конституционного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 2539-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Солодкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации и пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс»).

В определении от 29 декабря 2019 г. Конституционный Суд РФ сформулировал следующую позицию: «Рассматривая жалобу по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации, суд не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки наличия или отсутствия законного повода и основания для возбуждения уголовного дела, фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений. Такая оценка закономерно включает в себя и полномочия суда исследовать материалы, служащие основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, подтверждающие или опровергающие наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, обратить внимание соответствующего должностного лица на конкретные нарушения, которые им допущены и которые оно обязано устранить» (Определение Конституционного Суда РФ от 29 декабря 2019 г. № 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Васильевой Нины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision382123.pdf>).

Данная позиция представляет интерес тем, что идет вразрез с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» от 10 февраля 2009 г. № 1, где суды ориентированы на проверку в основном именно формальной стороны процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Истолкование же уголовно-процессуального закона Конституционным Судом РФ позволяет расширить предмет обжалования за счет обстоятельств, которые связаны с установлением фактических сведений, влекущих отказ или возбуждение уголовного дела.

Наличие такой ситуации оценивается неоднозначно. Расширение предмета обжалования мы можем только приветствовать, руководствуясь интересами участников уголовного судопроизводства, поскольку такого рода расширение дает им больше возможностей быть услышанными в досудебном производстве, а судам принять меры к своевременному исправлению возможных нарушений прав участников.

В то же время, появляется озабоченность относительно вновь складывающейся неопределенной ситуации. Возникают вопросы: какие именно факты могут теперь рассматриваться в качестве предмета обжалования? Как должен действовать суд, получив жалобу на отсутствие достаточных фактических оснований к отказу или возбуждению уголовного дела? Не повлекут ли за собой такого рода жалобы излишнее вторжение судов в процессуальную деятельность органов предварительного расследования и прокурора?

Практика не демонстрирует однозначных трендов, поэтому ответы на указанные вопросы пока нет.

Есть еще одна правовая позиция Конституционного Суда РФ, которая опять же представляется важной для нашего исследования, изложенная в определении по жалобе гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, где указывается на неприемлемость этой жалобы для ее рассмотрения Конституционным Судом РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2021 г. № 39-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»).

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы, а в большей степени именно поэтому, обратимся к содержанию указанного решения: Ф. П. Чогин, ссылаясь на акт арбитражного суда, признавшего в 2011 г. недействительным решение налогового органа о привлечении юридического лица к ответственности за налоговое правонарушение, обратился с заявлением о совершении сотрудниками этого налогового органа преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ. Ответом заместителя руководителя следственного органа отказано в принятии заявления, в его регистрации и проведении по нему проверки с учетом п. 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации (утв. приказом Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72), поскольку в обращении отсутствовали конкретные сведения о совершении преступления.

Полагая данный ответ незаконным, заявитель оспорил его в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Постановлением районного суда от 27 мар-

та 2020 г., а затем и решениями вышестоящих судов, заявителю отказано в принятии жалобы к рассмотрению ввиду *отсутствия предмета проверки*.

Как видим, Конституционный Суд РФ не усмотрел повода для проведения конституционного контроля и отказал заявителю в принятии его жалобы.

Сопоставление двух приведенных примеров приводит нас к некоторым выводам.

1. Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют весьма существенное значение для регулирования уголовно-процессуальных отношений в целом и в сфере обжалования – в частности. Их роль заключается в уяснении и разъяснении правоприменителям конституционно-правового смысла имеющихся законодательных положений, что позволяет вырабатывать судебную и иную практику в соответствии с основными идеями, принципами, включая наиболее полную реализацию права на обжалование.

2. Вместе с тем, правовые позиции Конституционного Суда РФ не могут заменить законодательные положения, они не служат и дополнением к закону. В силу чего непосредственное применение правовых позиций возможно только в контексте выполнения именно законодательных правил. Если закон не предусматривает какого-то элемента механизма обжалования, то правовые позиции не способны восполнить данный пробел.

3. Потенциал правовых позиций в вопросе определения предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ мы видим в том, чтобы используя общие подходы к истолкованию уголовно-процессуального закона Конституционным Судом РФ выделить основные его признаки, характеристики, изложенные в правовых позициях и закрепить их в качестве правовой нормы.

4. По той причине, что заявителю может быть отказано в принятии жалобы и проверке по существу, если суд не усматривает предмет обжалования и в ней нет необходимых сведений для ее рассмотрения, на наш взгляд, в законе необходимо сформулировать требования к содержанию жалобы, дополнить ст. 125 УПК РФ частью 2¹. следующего содержания:

«2¹. Жалоба заявителя должна содержать:

- 1) наименование суда, в который подается жалоба;
- 2) данные о лице, подавшем жалобу с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения;
- 3) указание на обжалуемое действие (бездействие), решение;

- 4) доводы заявителя;
- 5) указание на нарушенные права и законные интересы;
- 6) перечень прилагаемых к жалобе материалов;
- 7) подпись лица, подавшего жалобу».

Список использованных источников

1. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013.
2. Калиновский К. Б. Восстановление конституционных прав граждан, нарушение которых установлено решениями Конституционного Суда Российской Федерации / Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
4. Россинский С. Б., Роговая С. А. Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 48-52.
5. Семенцов В. А. Ограниченный характер принуждения при производстве следственных действий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр.: по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции». М., 2020. С. 55-59.
6. Стойко Н. Г. Правовые последствия незаконности постановлений о возбуждении уголовного дела, приостановлении и возобновлении предварительного следствия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. С. 180-185.
7. Ярцев Р. В., Безруков О. А. Жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ: ошибки судов и злоупотребление правом // Уголовный процесс. 2017. № 6 (150). С. 66-74.

Т. К. Рябина

кандидат юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет

ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРЕДАНИИ ОБВИНЯЕМОГО СУДУ: СОВЕТСКАЯ НАУКА О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАСТОЯЩЕГО ВОПРОСА¹

В статье рассматриваются вопросы: в чем состоит историческая закономерность в правовом регулировании судебной деятельности на примере стадии предания суду (назначения и подготовки судебного заседания), как повлияли научные исследования советских ученых вопроса об обоснованности принятия решения о предании обвиняемого суду по УПК РСФСР на современное реформирование аналогичного института по УПК РФ и теоретические изыскания российских авторов в этом направлении.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предание суду, назначение судебного разбирательства.

Tatyana K. Ryabinina

PhD/ in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and
Criminalistics
South-West State University

THE VALIDITY OF THE DECISION TO BRING THE ACCUSED TO TRIAL: THE SOVIET SCIENCE OF LEGAL EDUCATION REGULATION OF THIS ISSUE

Summary: The article considers the questions: what is historical overconsumernet in the legal regulation of judicial activity in the sample stage of the trial (appointment and training of the hearing), as influenced by the research of Soviet scientists on the question of validity of the decision on the appearance of the accused at the court of the criminal procedure code of the RSFSR to the modern reformation of the same Institute at the code of criminal procedure and theoretical studies of Russian authors in this direction.

Keywords: criminal procedure, prosecution of, the purpose of the trial.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, реформировав коренным образом многие стадии уголовного судопроизводства, особенно затронул стадию, ставшую преемницей стадии предания суду, введенную еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, - стадию назна-

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2021 год по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

чения и подготовки судебного заседания. Однако неоднократные преобразования в правовом регулировании производства по уголовному делу в настоящей стадии продолжились и после принятия УПК РФ, что обусловило порождение жарких дискуссий об эффективности многих законодательных изменений, касающихся первой судебной стадии уголовного процесса.

В связи с этим требуют теоретического переосмысления, в том числе и в историческом аспекте, вопросы о месте стадии назначения и подготовки судебного заседания в системе уголовного судопроизводства, о задачах, стоящих перед судом в настоящей стадии процесса, об основаниях принятия решения по поступившему в суд делу, прежде всего о назначении судебного заседания.

Поскольку современное уголовное судопроизводство, несмотря на существенные преобразования в его правовом регулировании, основано на положениях советского законодательства, научный интерес представляет именно советский период развития уголовного процесса, который, на наш взгляд, подвергся в большей степени жесткой критике, чем серьезному анализу.

Примером неослабевающего интереса со стороны ученых на протяжении многих десятилетий служит первая судебная стадия, занимающее особое, специфическое положение в уголовном судопроизводстве – промежуточное между досудебным производством и стадией судебного разбирательства, что определяет и особое значение этой стадии, и специфические ее задачи, и только ей присущую процедуру, и особые полномочия, и особенности принимаемых решений. Примечательно, что ее двоякий, контрольно-подготовительный, характер не изменился со времени принятия Устава уголовного судопроизводства, в том числе и в советский период, как не изменились и задачи стадии – это проверка материалов поступившего в суд уголовного дела с целью установления достаточных оснований для назначения судебного заседания и предания обвиняемого суду, а также подготовка к предстоящему судебному разбирательству уголовного дела [1, с. 189; 4, с. 11-15; 12, с. 6-7].

Практически все процессуалисты советского времени, занимавшиеся исследованием данной стадии, отмечали ее промежуточный характер. Так, И.Д. Перлов, называя эту стадию «переходным процессуальным этапом» от предварительного расследования к судебному следствию, писал: «Являясь связующим звеном между предварительным следствием, проводимым без применения принципов гласности и состязательности, и судебным следствием, которому присущи широкая

гласность, устность и непосредственность, где господствует принцип состязательности, стадия предания суду, не будучи уже процессуальным актом предварительного производства, еще не является актом судебного рассмотрения дела в полном смысле этого слова» [15, с. 5].

М.С. Строгович отмечал: «Предание суду занимает промежуточное место в системе уголовного процесса – между предварительным следствием и судебным производством... С одной стороны, в этой стадии проверяются итоги проведенного предварительного следствия, с другой – подготавливаются условия предстоящего судебного разбирательства» [21, с. 340].

Настоящей стадии всегда придавалось большое практическое значение, поскольку она превращалась в преграду для тех дел, которые расследованы поверхностно, с нарушением закона или по которым лицу необоснованно предъявлено обвинение. Поэтому традиционно советские ученые рассматривали данный этап судебного производства как действенную форму судебного контроля за законностью проведенного предварительного расследования, в том числе за законностью и обоснованностью предъявленного обвинения, за реальным обеспечением основных прав участников уголовного судопроизводства, особенно прав обвиняемого [4, с. 12; 9, с. 24; 18, с. 227]. Так, М. Строгович, отмечая еще в 1925 г. важность настоящей стадии, писал, что правильность разрешения связанных с преданием суду вопросов, «...основательное и детальное обсуждение всего дела... является серьезной гарантией правильности позднейшего вынесения приговора и избежания возможных последствий, вроде отложения дела слушанием в стадии судебного разбирательства или отмены или изменения уже вынесенного приговора судом кассационной инстанции» [20, с. 1184]. При этом М. Строгович считал, что деятельность суда на данном этапе сводится к контролю, обязательно лишенному формализма, за законностью проведенного предварительного расследования [20, с. 1185].

В положительном аспекте следует отметить, что долгие годы такое краткое, но емкое название, как «Предание суду», от которого не отказался советский законодатель, отражало все стороны и особенности судебной деятельности на данном этапе уголовного процесса. Предание суду означало, с одной стороны, поступательное движение уголовного дела из одной стадии процесса (предварительного расследования) в другую (судебного разбирательства уголовного дела по существу), из досудебного производства в судебное, причем не механическое, а путем соблюдения предусмотренной законом процедуры, выполнения определенных действий со стороны суда по разрешению во-

проса о предании обвиняемого суду и назначении судебного заседания, то есть выражало сущность данной стадии как самостоятельной стадии уголовного процесса. С другой стороны, в результате определенной процессуальной деятельности обвиняемый, предаваясь, то есть, передаваясь суду, приобретал новый статус – подсудимого, наделяясь при этом дополнительными правами для отстаивания своих интересов на новом этапе судопроизводства.

Российский же законодатель, посчитав, что такое историческое название свидетельствует об обвинительной сути судебной деятельности, от него отказался, фактически лишив стадию наименования, тем самым обезличив ее. Так, глава 33 УПК РФ названа «Общий порядок подготовки к судебному заседанию», глава 34 – «Предварительное слушание», хотя основной вопрос, который решается на этом этапе, заключается в том, имеются ли основания для назначения судебного заседания и, соответственно, предания обвиняемого суду (ст. 231 УПК РФ). Поэтому и на практике, и в литературе возникла путаница – многие авторы стали по-разному именовать ее: стадия подготовки судебного заседания, назначения судебного заседания, назначения и подготовки судебного заседания, принятия уголовного дела к производству суда и пр. [16, с. 272-279]. Однако отрадно, что отдельные авторы по-прежнему употребляют термин «предание суду» [11, с. 8; 22, с. 306].

Вместе с тем следует отметить, что законодатель, ученые и правоприменители на разных исторических этапах вкладывали различный смысл в понимание достаточности оснований для назначения судебного разбирательства.

Так, УПК РСФСР в редакции до 1992 г. содержал положения о достаточных основаниях внесения дела в судебное заседание (ст. 221, 227, 228 УПК), не разъясняя их содержания. Причем установление достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном разбирательстве напрямую связывалось с установлением достаточности доказательств (п. 4 ст. 222, ст. 230 УПК), что многими авторами расценивалось как необходимость проверки обоснованности предъявленного обвинения. Такой подход означал, что обоснованным можно признать обвинение лишь в том случае, если есть основания считать или если у судьи сложилось убеждение, что имеющаяся в деле совокупность доказательств, при проверке и подтверждении их достоверности в судебном заседании, позволит суду прийти к выводу о виновности обвиняемого по тому обвинению, по которому он предан суду [2, с. 15; 4, 28-30; 6, с. 8-9; 10, с. 31; 23, с. 306; 24, с. 10; 25, с. 15].

К тому же Пленум Верховного Суда СССР неоднократно требовал от судей более тщательной проверки полноты предварительного

расследования, обоснованности предъявленного обвинения, достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве¹. В соответствии с УПК РСФСР судья не только был вправе, но и обязан при назначении судебного заседания уяснить следующие обстоятельства: всесторонне, полно и объективно ли исследованы обстоятельства дела; предъявлено ли обвинение в соответствии с обстоятельствами, указанными в обвинительном заключении, привлечены ли к уголовной ответственности по данному делу лица, в отношении которых были основания для привлечения к ответственности; позволяют ли суду собранные органами предварительного расследования доказательства правильно разрешить в судебном разбирательстве дело по существу.

Правда, некоторые авторы, как например И.Д. Перлов, утверждали, что проверка обоснованности обвинения «...может иметь место только в судебном заседании, где имеются для этого все необходимые условия. В стадии предания суду решается лишь вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании» [14, с. 65].

По мнению Л.Д. Кокорева, обоснованность обвинения тождественна доказанности обвинения, он пишет: «Быть уверенным в обоснованности обвинения – это значит и быть убежденным в виновности обвиняемого, но такое убеждение не может возникнуть у судей в стадии предания суду, так как они на этой стадии не проверяют и не оценивают достоверность доказательств» [8, с. 18]. Другие авторы делали категоричный вывод, что в стадии предания суду нельзя проверить обоснованность обвинения, поскольку в этой стадии вообще недопустима оценка доказательств [7, с. 8; 10, с. 30; 15, с. 125; 19, 278]. Однако с таким подходом нельзя согласиться, поскольку трудно оспорить право судьи оценивать доказательства при установлении оснований для назначения судебного разбирательства. Совершенно очевидно, что оценка доказательств в этой стадии имеет свои особенности, пределы, связанные с задачами данной стадии и средствами, с помощью которых они решаются.

Изменения, внесенные в УПК РСФСР Законом от 29 мая 1992 года, устранили требования об установлении достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании; сократили круг вопро-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 (с изм. и доп. от 18.04.1986) «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» (*утр. силу*) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1986 гг. М., 1987. С. 411-420; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28.11.1980 № 8 (с изм. и доп. от 18.04.1986) «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» (*утр. силу*) // там же. С. 821-829.

сов, подлежащих выяснению на данной стадии, исключив из него такие вопросы: содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон, и др., тем самым значительно сократив контрольные полномочия суда на данной стадии процесса, тем не менее, оставив такой вопрос - собраны ли доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании. Такие нововведения были обусловлены происходящими коренными изменениями в уголовном судопроизводстве, характеризующимися в первую очередь лишением суда обвинительных начал.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. вообще не содержит требования об установлении достаточных оснований для назначения дела к судебному разбирательству, тем более связанных с обоснованностью обвинения или достаточностью доказательств для рассмотрения дела в суде. Но такое правомочие судьи предопределено его обязанностью устанавливать достаточные основания для назначения дела к судебному заседанию, и вся деятельность судьи по проверке материалов предварительного расследования сосредоточена на решении настоящей задачи. Без установления таких оснований теряется само предназначение данной стадии процесса.

Спорным остается вопрос о том, относится ли к основаниям назначения судебного заседания правильная правовая квалификация вмененного в вину обвиняемого деяния. УПК РСФСР предусматривал право судьи исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, но при условии, чтобы новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам не отличалось существенно от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении (ст. 223-1 УПК РСФСР), и даже, когда в 1992 г. законодатель исключил из перечня вопросов, подлежащих выяснению при назначении судебного заседания, вопрос о правильной правовой квалификации, судья был вправе его рассматривать и менять по собственному усмотрению квалификацию деяния.

УПК РФ еще больше сузил круг вопросов, разрешаемых судьей в настоящей стадии процесса, в том числе исключив вопрос о проверке правильности правовой квалификации действий обвиняемого по причине, которую трудно оспорить – это лишение суда полномочий, свидетельствующих о выполнении им не свойственной ему функции обвинения. Однако сложно представить, каким образом, судья, изучая материалы уголовного дела, то есть, знакомясь с постановлениями следователя о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в каче-

стве обвиняемого, о возбуждении перед судом ходатайства о заключении обвиняемого под стражу, об отказе в удовлетворении ходатайства защитника о переквалификации деяния, инкриминируемого обвиняемому, на менее тяжкое, с обвинительным заключением, может обойти вниманием вопросы, связанные с квалификацией вмененного в вину обвиняемого деяния.

Необходимость проверки фактической и юридической стороны обвинения в соответствии с УПК РФ может возникнуть при проверке правильности определения подсудности поступившего в суд уголовного дела; при обсуждении оснований для прекращения уголовного дела (в отношении отдельных категорий лиц; при принятии нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, и т.п.); при решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору, если есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера; или предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления; или имеются основания для выделения или соединения дел.

Отрицание некоторыми авторами необходимости установления достаточности доказательств для принятия решения о предании обвиняемого суду еще в советские годы было связано с тем, то оно расценивалось как предрешение вопроса о виновности обвиняемого [5, с. 67-68; 13, с. 76]. И в настоящее время высказывается мнение, что суд согласно отведенной ему законодателем роли в уголовном процессе не должен вмешиваться в вопросы уголовного преследования [3, с. 263], в связи с чем учеными и практиками обсуждается вопрос о введении фигуры следственного судьи, на которого следует возложить задачу по судебному контролю [17, с. 315-322].

На наш взгляд, проверяя законность и обоснованность предъявленного обвинения, судья не предрешает вопрос о виновности обвиняемого, а устанавливает, что вменяемое в вину обвиняемого деяние общественно опасно, расценивается уголовным законом как преступное и наказуемое; обвинение предъявлено в порядке, установленном законом, и подтверждается наличием достаточных доказательств, которые предстоит проверить в судебном разбирательстве. Тем самым, установление достаточности доказательств нельзя отрывать от обоснованности обвинения. Их взаимообусловленность следует понимать в том смысле, что судья должен убедиться в том, что имеющаяся в деле совокупность доказательств обосновывает вывод органов расследования.

Как верно отмечалось в советской литературе, возможность обсуждения такого вопроса рассматривается «как гарантия от необоснованного предания суду» [1, с. 197].

Список использованных источников

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
2. Бажанов М.И. Предание суду в советском уголовном процессе. Харьков, 1965.
3. Бурмагин С.В. Уголовный суд России: монография. М, 2010.
4. Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965.
5. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979.
6. Евсютина А.П. Обвинение в стадии предания суду: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984.
7. Зыков В. Предание суду // Советская юстиция, 1976, № 24. С. 7-9.
8. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973.
9. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л., 1966.
10. Майсурадзе В., Мосесян Г. Стадия предания суду. Спорные вопросы, ошибки // Социалистическая законность. 1968. № 9. С. 30-32.
11. Миронова Г.И. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
12. Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1981.
13. Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974.
14. Перлов И.Д. Об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Труды научной сессии / ВИЮН. М., 1960. С. 53-60.
15. Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948.
16. Рябинина Т.К. Есть ли название у первой судебной стадии? // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: Материалы V международной научно-практической конференции 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). М., 2017. С. 272-279.
17. Рябинина Т.К. Спорные вопросы введения института следственного судьи в российский уголовный процесс // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5. С. 315-322.
18. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
19. Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева. М., 1968.
20. Строгович М. Предание суду // Еженедельник Советской юстиции. 1925. № 36. С. 1183-1185.

21. Строгович М.С. Уголовный процесс. Учебник для юридических институтов и факультетов. М., 1946.
22. Уголовный процесс России: Особенная часть: Учебник для студентов юридических вузов / под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2005.
23. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951.
24. Шумилин С.Ф. Законность и обоснованность судебных решений, принимаемых в стадии предания суду: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1981.
25. Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Л., 1989.

доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института государства и права, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Института государства и права, Почетный работник высшего профессионального образования, Байкальский государственный университет

ИДЕИ М. М. СПЕРАНСКОГО И СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Статья посвящена анализу некоторых положений действующего УПК РФ через призму ряда положений Уложения государственных законов, подготовленного в 1809 году М.М. Сперанским. Авторы дают оценку нравственным началам действующего закона, отмечая, что нравственные регуляторы на данном этапе развития законодательства являются весьма слабыми, что влечет необходимость детализации уголовно-процессуального регулирования. В статье проводятся параллели с идеями М.М. Сперанского о разделении властей и современной независимостью судебной власти. Раскрываются особенности правоприменительной практики в части применения нормы ст.61 УПК РФ и положений закона о конфликте интересов и его интерпретации в сложившейся судебной практике. С опорой на Введение к Уложению государственных законов в части необходимости учета «важности преступлений» и «качества лиц преступивших» раскрываются современные тенденции развития дифференцированных начал уголовного судопроизводства. Авторы доказывают, что по сути в настоящее время формируется самостоятельное особое производство по делам предпринимателей, чему дают критическую оценку как тенденции, не соответствующей Указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, история, Сперанский, права личности, особые производства.

DSci. in Law, Professor, Deputy Director for Research, Institute of State and Law,
Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure,
Institute of State and Law,
Honorary Worker of Higher Professional Education,
Baikal State University

M. M. SPERANSKY'S IDEAS AND MODERN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: ASSESSMENT OF HISTORICAL CONTINUITY

Summary: The article is devoted to the analysis of some provisions of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation through the prism of a number of provisions of the Code of State Laws prepared in 1809 by M. M. Speransky. The authors assess the moral principles of the current law, noting that the moral regulators at this stage of the development of legislation are very weak, which entails the need to detail the criminal procedure regulation. The article draws parallels with the ideas of M. M. Speransky about the separation of powers and the modern independence of the judiciary. The article reveals the peculiarities of law enforcement practice in terms of the application of the norm of Article 61 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the provisions of the law on conflict of interests and its interpretation in the established judicial practice. Based on the Introduction to the Code of State Laws in terms of the need to take into account the "importance of crimes" and "quality of persons who have committed crimes", modern trends in the development of differentiated principles of criminal proceedings are revealed. The authors prove that, in fact, an independent special procedure for entrepreneurs is currently being formed, which is critically assessed as a trend that does not correspond to the Presidential Decree "On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation for the period up to 2024".

Keywords: criminal proceedings, history, Speransky, personal rights, special proceedings.

«Знакомство с мыслями светлых умов составляет превосходное умственное упражнение: оно оплодотворяет ум и изоощряет мысль»

И. Гердер [1, с.34]

История Иркутской области неразрывно связана с именем великого политика и реформатора М.М. Сперанского, ставшего в 1819 году генерал-губернатором Сибири, а также успешного побывать в разное время заместителем министра юстиции, обер-прокурором Сената, государственным секретарем Государственного Совета – вторым человеком в стране после императора.

Всем известно, что именно перу М.М. Сперанского принадлежит Уложение государственных законов (далее – Уложение), подготовленное им в 1809 году и оказавшее существенное влияние на дальнейшие реформы политического, правового и социального характера в Российской империи. Несмотря на то, что идеи, предложенные в Уложении, не были реализованы в полной мере, они не остались без внимания и во время реформ 1861-1864 г.г. Более того, отклики предложенных М.М. Сперанским идей мы находим и в настоящее время в действующих кодифицированных актах РФ, включая УПК РФ, а также иных нормативных актах. В этой связи крайне интересно проанализировать, каким образом эти идеи были имплементированы, восприняты в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Итак, рассмотрим некоторые идеи, предложенные М.М. Сперанским.

Историки отмечают достаточно большое количество ключевых положений, изложенных М.М. Сперанским в Уложении. Однако как своеобразный план реформ Российской империи, указанный исторический документ включал в себя ряд идей, востребованных и значимых для уголовного судопроизводства:

Разделение ветвей на законодательную, исполнительную и судебную.

1. Разделение общества России на три класса: дворянство, «среднее сословие», «народ рабочий».

2. Реализация идеи «природного права». Гражданские права (право на жизнь, арест только по решению суда и т.д.) для всех трех сословий, а политические права должны были принадлежать только «свободному люду», то есть первым двум сословиям (Реформы Сперанского // История России. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/reformy-speranskogo-kratko.html> (дата обращения 03.01.2021 г.)).

Как мы знаем, Конституция РФ (ст.10) традиционно закрепляет принцип разделения властей, известный всем цивилизованным государствам, что в полной мере соответствует идее М.М. Сперанского, изложенной в Уложении. Развивая свою мысль, М.М. Сперанский в отделении четвертом «Законы органические» в разделе II, описывая устройство порядка судного, подчеркивал, что «сюда принадлежит устройство верховного суда и постепенностей, от него зависящих».

Действительно, следуя идее единства процесса, раскрытого в свое время В.А. Рязановским [5], законодатель выстраивает вертикаль судебной власти. Упразднен ВАС РФ, и с 6 августа 2014г. начал работу единый ВС РФ в новом статусе; обсуждается идея разработки единого

процессуального кодекса для рассмотрения гражданско-правовых споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции (Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 декабря 2014 г. № 124(1)); претерпел существенные изменения инстанционный характер деятельности судов общей юрисдикции (О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции : Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ // СПС «Консультант Плюс»). Нельзя не согласиться, что именно такой подход в совокупности с системой сдержек и противовесов в состоянии гарантировать действие принципа законности, соблюдение прав и свобод личности (ст.2 Конституции РФ, ст.6 УПК РФ), единообразии судебной практики.

Более интересна иная идея М.М. Сперанского, нашедшая неожиданное продолжение в современном УПК РФ и касающаяся независимости судей и судебной власти.

Данный вопрос в настоящее время является крайне актуальным. В соответствии с Постановлением IX Всероссийского съезда судей «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» (Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 // СПС «Консультант Плюс») современный этап социально-экономического развития страны ставит перед российской судебной системой новые задачи, к числу которых относится и *укрепление кадрового состава судебной системы и гарантий статуса судей.*

В свою очередь, Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» (О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 // СПС «Консультант Плюс») закрепляет одной из задач, решение которой будет способствовать повышению качества осуществления правосудия и совершенствованию судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечение независимости судебной власти.

В свое время, рассуждая о месте судебной власти в государстве, автор Уложения предлагал «власти судной дать все преимущества ви-

димой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной». Именно это мы сейчас, увы, и наблюдаем. Как справедливо отмечают ученые, судья не обладает полной независимостью хотя бы потому, что непосредственно подчиняется председателю, который руководит его работой [6, с.125]. Справедливо мнение А. А. Иванова, утверждающего, что суды – «это организации, которые накладывают множество ограничений на судей, в том числе на их независимость в принятии судебных решений» [2, с. 54].

В частности, в ст.10 Федерального закона «О противодействии коррупции» (О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «Консультант Плюс») появился термин «Конфликт интересов», под которым понимается ситуация, когда личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). В развитие данного положения Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 319 (Об образовании комиссии Совета судей Российской Федерации по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликтов интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий: Постановление Совета Судей Российской Федерации от 20 мая 2014 года № 319 // <http://www.ssrf.ru/dokumenty/postanovleniia/sovieta-sudiei/13990>) создана комиссия Совета судей Российской Федерации по реализации мероприятий по противодействию коррупции, урегулированию конфликтов интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий. В федеральных судах общей юрисдикции и в федеральных арбитражных судах созданы и постоянно действуют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Более того, Судебный департамент при Верховном Суде РФ в соответствии с установленными полномочиями, в целях предупреждения коррупционных правонарушений осуществлял плановые и внеплановые контрольные мероприятия, что было отмечено в Докладе Генерального директора Судебного департамента на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 8 декабря 2020 года (Доклад Генерального директора Судебного департамента на пленарном заседа-

нии Совета судей Российской Федерации 8 декабря 2020 года // <http://www.cdep.ru/>).

В отраслевых кодифицированных актах эти положения также нашли свое проявление. В УПК РФ вопросы независимости судей регулируются ст.8.1 УПК РФ, ст.61 УПК РФ и другими нормами. В частности, согласно ч.1 ст.61 УПК РФ предусмотрены конкретные обстоятельства, исключающие возможность участия судьи в производстве по уголовному делу. Этот перечень не носит исчерпывающего характера, поскольку ч.2 ст.61 УПК РФ содержит норму, согласно которой судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, в случаях, если имеются *иные* обстоятельства, дающие основание полагать, что судья лично прямо или косвенно заинтересован в исходе дела. Благая по своему назначению норма в свете вышеизложенных требований закона о необходимости исключить конфликт интересов на практике приводит к недопустимо расширительному толкованию понятия «иные обстоятельства».

Анализ судебной практики, сложившейся в части применения ст.61 УПК РФ применительно к судьям свидетельствует о недостаточности правового регулирования данного вопроса, поскольку 78% всех изученных исследователями материалов уголовных дел по вопросу отвода (самоотвода) судьи связано со ссылкой на ч.2 ст.61 УПК РФ (наличие иных обстоятельств) [3, с.236; 6]. К иным обстоятельствам согласно сформировавшейся судебной практике относят самые разнообразные обстоятельства, которые так или иначе призваны гарантировать отсутствие конфликта интересов:

- Обвиняемый, потерпевший, свидетель или их родственники являются сотрудниками (в том числе бывшими) суда;
- Участие судьи в рассмотрении дела в административном, гражданском производстве об обстоятельствах, являющихся предметом рассмотрения в уголовном;
- Оказание давления на судью, оскорбление судьи, оскорбление судьей стороны и оказание на нее психологического давления;
- Негативные отношения, сложившиеся ранее между судьей, сторонами или их родственниками;
- Рассмотрение другого уголовного дела по существу в отношении этого же обвиняемого, апелляционной жалобы по другому уголовному делу, не связанному с данным уголовным делом, в отношении этого же заявителя;
- Нарушение судьей процессуальных сроков рассмотрения дела;
- Подача стороной жалобы в отношении председателя суда и др. [3, с.236].

И если ряд оснований для принятия решения об отводе можно признать разумными, то с остальными можно и поспорить.

Как представляется, принятие решений об отводе судей по такому расширенному перечню оснований может свидетельствовать о двух причинах. Во-первых, причиной расширительного толкования случаев заинтересованности судьи в исходе дела является как основания для отвода или самоотвода выступает вышеупомянутый «конфликт интересов», пределы которого до сих пор не обозначены в действующих нормативно-правовых актах.

Во-вторых, такой подход с запасом гарантирует обеспечение законного состава суда и исключает возможность отмены итогового процессуального решения ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона. Это важно, в свою очередь, не столько для обеспечения состояния соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, сколько для сохранения у конкретного судьи высокого процента неотмененных приговоров, который не должен быть ниже среднерегиональных. В последующем этот показатель будет учитываться при переназначении, назначении судьи на административную должность, а также при переходе в вышестоящий суд. Таким образом, мы вновь возвращаемся к мысли Сперанского М.М. о наделении судебной власти видимой свободой при фактической связанности учреждениями, сохраняющей ее всегда во власти самодержавной....

Кстати, по мысли М.М. Сперанского, изложенной в разделе «Об общем разуме преобразования» Уложения такой подход характерен для первого способа существования действующей власти: облечь правление самодержавное всеми внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия (Второе устройство по мысли М.М. Сперанского состояло в том, чтобы «не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннюю и существенную силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом. В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из ... двух устройств»).

Еще одна идея, изложенная в Уложении М.М. Сперанским, заключается в признании необходимости выделения категорий дел по тяжести преступлений («по важности своей») и по специфике субъекта преступлений («по качеству лиц преступивших»): «таковы суть преступления государственного бунта, или измены, или важного какого-либо потрясения государственной безопасности. Таковы суть преступления членов совета, государственной думы, сената, министров и их

товарищей, главных директоров, управляющих частями, генерал-губернаторов и губернаторов. Суд над семи лицами, по особенному влиянию их примера, требует особенного образования» (<https://bookscafe.net/>).

Как известно, данная идея полностью заимствована в Главе 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Однако дифференциация уголовного судопроизводства не завершена. Можно говорить о совершенствовании уголовно-процессуальной формы или ее разбалансировке. Следует согласиться с К.В. Муравьевым, говорившим о разбалансированности уголовно-процессуальной формы. Автор также отмечает ее несогласованность и противоречивость с положениями уголовного закона (предположительная первоначальная квалификация уголовно наказуемого деяния в ходе процессуальной деятельности влечет за собой значимые последствия для принятия решения о порядке производства, для установления полномочий должностных лиц по осуществлению производства по делу, а также для последующего применения мер процессуального принуждения) [4, с. 3-4].

По сути, в настоящее время формируется самостоятельное особое производство по делам предпринимателей. Именно об этом свидетельствуют, например, нормы:

ч.1¹ ст. 108 УПК РФ – особый режим избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: при отсутствии обстоятельств, перечисленных в п.п. 1-4 ч.1 ст.108 УПК РФ, заключение под стражу не применяется по делам о преступлениях, прямо перечисленных в ч.1¹ ст.108 УПК РФ, а также по делам об иных преступлениях, также перечисленных в указанной норме, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

ч.3 ст.140 УПК РФ – исключение из поводов возбуждения уголовного дела. В частности, факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, не выступают поводом для возбуждения уголовного дела.

Ст.25¹ УПК РФ – прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Такое прекращение допустимо по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, если лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Следует отметить, что под указанные правила подпадают многие из составов, перечисленных в ч.1¹ ст.108 УПК РФ.

Глава 51¹ УПК РФ – Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности.

Таким образом, законодатель, с одной стороны, подчеркивает необходимость снижения крайне высокого уровня социального неравенства, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года было заявлено в качестве одной из институциональных проблем (О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №47. – Ст.5489), обозначает в качестве приоритетной национальной цели развития Российской Федерации на период до 2024 года обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан и кратного снижение уровня бедности в Российской Федерации (О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // СПС «Консультант Плюс»), а, с другой стороны, дифференцирует уголовно-процессуальную форму по сомнительным критериям.

И здесь вполне уместны слова М.М. Сперанского, изложенные во введении к Уложению в отделении «О разуме государственного уложения»: «Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. ... С горестию, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия. ... Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления».

Список использованных источников

1. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М. 2001.
2. Бочаров Т., Волков В., Дмитриева А. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию: доклад по результатам исследования. Ч. 1. СПб., 2016.
3. Казарина М. И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 235–241.
4. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. Автореф. дисс. ... док-ра юрид. наук. Омск, 2017.
5. Рязановский В. А. Единство процесса. М. 1996.
6. Смирнова И. Г., Казарина М. И. Уголовно-процессуальные гарантии реализации принципа независимости судей. М., 2021.

Николай Геннадьевич Стойко

профессор, доктор юридических наук,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
СПбГУ (Санкт-Петербург),

Мария Николаевна Стойко

адвокат, Санкт-Петербургский филиал адвокатского бюро
«Международная коллегия
адвокатов «Почуев, Зельгин и партнеры» в Москве (Санкт-Петербург)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО НА ЗАЩИТУ ОТ НЕОБОСНОВАННЫХ АРЕСТОВ, ОБЫСКОВ И ВЫЕМОК

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования производства арестов, обысков и выемок в уголовном процессе США. Авторы дают обзор позиций американских судов, посвященных этим вопросам, а также анализируют отдельные судебные решения и законодательные акты в контексте соотношения интересов общественной безопасности и конституционного права граждан на защиту.

Ключевые слова: арест, обыск, выемка, судебная практика, США.

Nikolay G. Stoyko,

Professor, DSci. in Law,
Department of the Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint-Petersburg State University,

Mariya N. Stoiko,

Attorney at Law, St. Petersburg Branch of the International Bar Association
"Pochuev, Zelgin and partners" (St. Petersburg)

SAFEGUARDING THE INTERESTS OF PUBLIC SECURITY AND THE RIGHT TO PROTECTION FROM UNJUSTIFIED ARRESTS, SEARCHES AND SEIZURES

The article deals with the issues of legal regulation of the arrests, searches and seizures in the criminal process of the United States. The authors give an overview of the positions of American courts devoted to these issues. In addition, they analyze some judicial decisions and legislative acts in the context of the correlation between the interests of public security and the constitutional right of citizens to protection.

Keywords: arrest, search, seizure, judicial practice, USA.

Арест

Арест (задержание) в американском уголовном процессе может быть определен как акт принудительного (насильственного) ограничения свободы подозреваемого, имеющий целью последующее заключение его под стражу. Вместе с тем, задержание, будучи одной из мер процессуального принуждения, также имеет важную дополнительную функцию – возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица (2, С. 28; 4, С. 71). По сути, речь идет о производстве по уголовному делу, достаточно хорошо описанном в разработанном Американским институтом права¹ Модельном кодексе процесса предварительного предъявления обвинения, его части IA «Процесс от первого контакта с полицией до ареста»², на которой во многом основано (не исключая других источников) дальнейшее изложение вопросов задержания в уголовном процессе США.

Как и при других формах принудительного ограничения свободы (например, для выяснения личности, для 2 проверки подозрения о наличии оружия, для выяснения информации и т.д.), права граждан при аресте гарантируются поправкой IV к Конституции США. Она гласит: «Граждане имеют право на личную свободу, свободу жилища, документов и собственности от необоснованных обысков и задержаний. Ордер на обыск или задержание может быть выдан только при наличии обоснованной причины, удостоверенной официально, и должен подробно описывать место обыска, лиц и предметы, подлежащие задержанию (выемке)»³.

Работник полиции, производящий арест, обязан представиться и объявить подозреваемому о его задержании, а также предъявить ему ордер (если он был выдан), на основании которого осуществляется это действие.

Арест, как правило, (по крайней мере, за преступления средней и небольшой тяжести) может быть произведён только тогда, когда у полиции есть основания полагать, что подозреваемый скроется или со-

¹ Американский институт права (The American Law Institute – ALI) – независимая организация судей, юристов, преподавателей, учреждённая в 1923 году для содействия разъяснению и упрощению общего права США и его адаптации к меняющимся потребностям общества. Американский институт права составляет, утверждает и публикует тексты Свода норм права (Restatements of the Law), Принципов права (Principles of the Law), модельных кодексов, а также готовит другие предложения по реформированию права. См. подробнее сайт ALI: <https://ali.org>

² Model Code of Pre-Arrest Procedure. Part IA. Procedure from First Police Contact through Arrest. URL: <https://ali.org/publications/show/model-code-pre-arrest-procedure>

³ О другой части этой поправки, касающейся обыска и выемки предметов речь пойдёт ниже.

вершит другое преступление. В противном случае, достаточно выдачи повестки, предписывающей явиться в полицейский участок.

Основания ареста, выдача ордера на арест

Решение об аресте обычно принимается офицером полиции единолично, например, если преступление было совершено на его глазах или у него есть основания полагать, что определённое преступление было совершено, хотя и никто этого не видел. В таком случае можно арестовать подозреваемого на месте преступления без ордера на арест. Однако, позднее, полицейский обязан обратиться к прокурору (обвиняющему атторнею) с запросом для получения ордера. Цель - подтверждение (постфактум) законности произведенного задержания. Тем самым, работник полиции формализует (придает официальность) подзрение.

Арест без ордера за тяжкое или особо тяжкое преступление (*felony*) следует отличать от ареста без ордера за преступление средней или небольшой тяжести (*misdemeanor*).

В случае *felony* закон более последователен и легче поддаётся толкованию. Во всех штатах полиция имеет право арестовать подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, если имеются *достаточные основания* полагать, что имело место именно преступное деяние и что оно было совершено именно задерживаемым лицом.

В случае же *misdemeanor* закон не столь однозначен и допускает три варианта принятия решения о задержании. В первом варианте (большинство штатов) арест возможен только в том случае, если офицер полиции стал непосредственным свидетелем преступления. Во втором варианте (некоторые штаты) – если преступление не только было совершено в присутствии офицера полиции, но и *было направлено на нарушение мира и спокойствия граждан*.¹ В третьем варианте (отдельные штаты) – если имеются достаточные основания для подозрения в совершении преступления вне зависимости от степени его тяжести (например, при задержании с поличным).

Однако арест с поличным – не особо распространённое явление. Большинство дел начинаются с запроса прокурору на выдачу ордера на арест конкретного гражданина (*Warrant request*). Прокурор знакомится с предоставленной ему полицией информацией и на ее основе определяет, о каком конкретно преступлении идет речь и достаточно ли данных для подозрения указанного в запросе гражданина в совершении

¹ McBride v. U.S., 284 Fed. 416 (5th Cir. 1922); Dilger v. Commonwealth, 88 Ky. 550, 11 S.W. 651 (1889).

этого преступления. Причем прокурор, прежде чем принять соответствующее решение, обязан подробно изучить все собранные полицией материалы и проверить уголовную историю подозреваемого. По результатам подобного изучения и проверки прокурор либо выдает ордер на арест, либо возвращает дело полиции для дополнительного расследования. В некоторых штатах, прокурор может выдать ордер на арест только тогда, когда у него есть достаточные основания предполагать, что имеющейся информации достаточно для поддержания и обоснования обвинения в суде. Естественно, в таких штатах ордер на арест выдётся гораздо реже.

В то же время, очевидно, что практика санкционирования задержаний прокурорами (атторнеями) чревата нарушениями прав подозреваемых. Ведь атторней обязан поддерживать обвинение в процессе и потому его интересы, в принципе, могут совпасть с интересами полиции добиться наказания обоснованно подозреваемого лица даже путем конституционно неоправданного и незаконного ограничения его прав. Чтобы избежать подобной ситуации, законодательство многих штатов предписывает санкционировать задержание независимым по своему положению (в том числе и от полиции) магистратам или судьям. С точки зрения Верховного Суда США, который давно уже в данном вопросе занимает принципиальную позицию, выдача ордера на арест является исключительно судебной прерогативой. Так, еще в 1958 году Верховный Суд постановил, что «...выводы из фактов должны быть сделаны информированным и независимым представителем судебной власти, а не офицером полиции, который часто бывает вовлечён в конкурентную борьбу за раскрытие преступления...»¹.

Однако судебный порядок выдачи ордера лишь теоретически является гарантией соблюдения личных конституционных прав задержанных, поскольку практически во многих штатах он давно уже превратился в чисто формальную процедуру учёта числа произведённых арестов. Кроме того, нужно иметь в виду, что без согласия обвиняющего атторнея обращение в суд практически бесполезно. Ведь фактически такое согласие означает решимость прокурора возбудить уголовное преследование. Поэтому «неофициальное» утверждение атторнеем заявления на получение ордера (предварительное согласование) – обычная практика. Это делает юридически возможным использование выданного ордера в дальнейшем производстве по делу, поскольку отказ

¹ См: Giordenello v. United States, 357 U.S. 48 (1958).

прокурора от поддержания обвинения лишает получение ордера какого-либо смысла.

В некоторых штатах ордер на арест (*warrant*) может быть выдан магистратом или судьёй по жалобе любого гражданина. Такой ордер обязывает полицию штата (в некоторых случаях указанного в ордере гражданина) найти обвиняемого и представить его перед судом. Офицер полиции должен иметь разрешение для производства задержания подозреваемого во всех ситуациях, за исключением установленных законом следующих случаев:

- если полицейский (работник правоохранительных органов) имеет достаточные основания полагать, что ордер на арест уже выдан в данном или другом штате (в другой юрисдикции);
- если работник правоохранительных органов присутствовал при совершении преступления (с ограничениями в некоторых штатах);
- если полицейский работник имеет *достаточные основания* полагать, что преступление было совершено, и что его совершил подозреваемый.¹

В большинстве штатов частное лицо имеет право произвести так называемый *гражданский арест*. Закон позволяет гражданину задержать человека, который совершил или пытался совершить уголовное преступление в его присутствии. Разумеется, речь идет о физическом захвате и удерживании подозреваемого на месте до тех пор, пока не прибудет полиция. Иначе говоря, в действительности, гражданский арест не заменяет (и не может заменить) полицейского ареста, который сохраняет свое решающее юрисдикционное значение.

Правила, регламентирующие поведение офицеров полиции при производстве арестов, полностью определяются нормами общего права, интерпретированными судами по отдельным делам. Исключение составляют лишь три штата, где принят специальный закон - Единый Акт Арестов (*Uniform Arrest Act*). Это значит, что суды, применяя относящиеся к задержанию общие конституционные и законодательные правила, могут при разрешении конкретных дел создавать новые нормы, обязательные для офицеров полиции (равно как и для всех нижестоящих судов) (5, С. 34-36; и др.).

¹ Как было указано выше, это исключение может быть использовано далеко не во всех юрисдикциях.

Запись об аресте

В любом современном обществе в силу его относительной криминализации (распространенности преступности) каждый гражданин принимает на себя определённый риск быть арестованным по ошибке. Естественно, в глазах общества репутация такого гражданина снижается, вне зависимости от того, был ли он задержан давно или недавно, освободили ли его немедленно или через определенное (продолжительное либо непродолжительное) время (10, Р. 268). Для того, чтобы минимизировать негативный эффект от подобных ошибок и восстановить доброе имя и честь ошибочно арестованного,¹ существует, по видимому лишь один способ – удалить запись об аресте и предотвратить, тем самым, саму возможность ее вольного или невольного распространения.

Однако пока еще в США нет закона, позволяющего ошибочно арестованному автоматически избавиться от записи об аресте. Более того, превалирующий подход к решению этой проблемы состоит в том, что, за исключением прямо установленных случаев, задержанный (даже незаконно) не имеет права требовать уничтожения записи о его аресте. Причину такого подхода обычно связывают с необходимостью обеспечения эффективного наблюдения за исполнением законов.² Тем не менее, еще в 1974 году Апелляционный Суд Округа Колумбия решил, что запись об аресте может быть снята по указанию суда, если после задержания против арестованного не было выдвинуто официальное обвинение в совершении уголовного преступления.³ К настоящему времени установилась стандартная практика: даже при отсутствии специального упоминания в законе суд имеет право, по заявлению арестованного или даже без такового, приказать полиции уничтожить запись об аресте.⁴

Некоторые суды, следуя этому правилу, выдавали предписания об уничтожении записей об аресте в ситуациях, когда:

- арест был незаконным;⁵
- арест был совершён с целью унижения задерживаемого лица или его оскорбления;⁶

¹ Ошибочно арестованные включают в себя так же тех, против кого обвинения были в последствие сняты судом.

² *Herschel v. Dyra* 365 F. 2d 17 (7th Cir. 1966), cert. Denied, 385 U.S. 973 (1966); *Sterling v. City of Oakland*, 208 Cal. App. 2d 1, 24 Cal. Rptr. 696 (1962).

³ *Menard v. Saxbe*, 498 F. 2d 1017 (D.C. Cir. 1974).

⁴ *Sullivan v. Murphy*, 478 F. 2d 938, 968, (D.C. Cir. 1973), cert. Denied, 414 U.S. 880 (1973).

⁵ *U.S. v. McLeod*, 385 F. 2d 734 (5th Cir. 1967).

⁶ *Hughes v. Rizzo*, 282 F. Supp. 881 (E.D. Pa. 1968).

- арестованный был невиновен, либо позже был отпущен по другим причинам;¹
- вред личным (индивидуальным) правам арестованного либо опасность нежелательных последствий превышала общественную пользу от сохранения записей об аресте в документации полиции.²

Задержание на улице, осмотр и предварительный обыск

Механизм задержания на улице близок механизму ареста на основании выданного ордера. Право задержать (остановить) подозреваемого, проверить его на наличие оружия и других запрещённых предметов или веществ, а также опросить на месте (*Stop and Frisk*) – одно из основных прав полиции, позволяющих ей выполнять свою главную функцию: поддержание общественного порядка. Одновременно это право является одним из самых эффективных инструментов расследования (раскрытия) преступлений.

Любой офицер полиции имеет полномочие остановить человека, который подозрительно (по мнению полицейского) себя ведёт. При этом полицейский может задавать задержанному общие вопросы, касающиеся, например, его имени, фамилии, адреса, или того, куда он идет и откуда направляется.³ Если этот человек отказывается отвечать на вопросы или у полицейского есть причины полагать, что задержанный вооружён, то может быть произведён личный досмотр на предмет обнаружения оружия и других запрещённых предметов или веществ.⁴

Одним из классических прецедентов в этой области является инцидент, случившийся на улицах Лос Анжелеса.⁵ Офицер полиции остановил человека и начал задавать ему различные вопросы. Ответив лишь на некоторые из них, тот отказался отвечать на другие вопросы. После чего он был арестован и препровождён в полицейский участок. По дороге в участок арестованный был обыскан. Суд не нашёл противоправности в действиях офицера полиции. Мотивируя свое решение, суд указал: «...основной вопрос – была ли свобода истца незаконно

¹ U.S. v. Kalish, 271 F. Supp. 968 (D.C.R.P. 1967).

² Eddy v. Moore, 487 P. 2d 211, 5 Wash. App. 334 (1971).

³ The Uniform Arrest Code (Section 3) разрешает работнику полиции остановить и опросить подозреваемого, не арестовывая его. При этом полицейский может проверить подозреваемого на наличие оружия, если есть основания полагать, что этот гражданин может представлять опасность. Как будет видно дальше, прецедентное право пошло немного дальше.

⁴ Terry v. Ohio, 392 U.S. 1 (1968); Sibron v. New York 392 u.s. 40 (1968).

⁵ Gisske v. Sanders, 9 Cal. App. 13, 98 P.43 (1908).

ограничена ответчиком?¹ ...Незадолго до инцидента в том районе была совершена кража со взломом и ограбление. В полицию позвонил неизвестный и сообщил о подозрительной личности, находящейся на улице. Ничего не подозревающий истец спокойно возвращался домой после вечернего отдыха... Судья считает, что это гражданская обязанность любого гражданина помогать полиции в расследовании... Если бы полицейский не имел права арестовывать по подозрению без ордера, то полиция в городах перестала бы быть необходимостью... Работник полиции имеет право задавать вопросы, соблюдая определённые формальности, и требовать ответов на свои вопросы, если окружающая обстановка позволяет рациональному гражданину предположить, что общественная безопасность требует этого...»

Последнее из процитированных выше предложений стало правилом для полиции в большинстве штатов.

При этом если у работника полиции есть основания полагать, что гражданин имеет при себе оружие, другие запрещённые предметы или вещества, то он вправе провести предварительный обыск (внешнее ощупывание) подозреваемого. Кроме того, по тем же основаниям возможен обыск окружающего подозреваемое лицо пространства (автомобиля, квартиры или общественного места, где оно находится). В большинстве штатов эти правовые возможности используются офицерами полиции достаточно широко.

Прецедент, поясняющий порядок производства предварительного обыска и ставший классическим, произошёл когда-то на улицах Лос Анжелеса. Два работника полиции, патрулировавшие поздно вечером район, в котором произошло несколько краж и ограблений, заметили человека, который нёс с собой открытую канистру. Из-под его рубашки выпирал какой-то предмет. Работники полиции остановили этого человека, установили его личность и обыскали. Выпирающий из-под рубашки предмет оказался резиновым шлангом, который задержанный, по его собственному признанию, собирался использовать для откачки бензина из запаркованных на улице машин. При обыске у него также была найдена сигарета с марихуаной. Гражданин был арестован по подозрению в совершении краж. Впоследствии суд постановил, что работники полиции действовали законно: множественные кражи, совершённые в том районе, и тёмное время суток, дали основание для подозрений. Поэтому, по мнению суда, задержание и последующий арест

¹ В данном случае истец – это подозреваемый, обратившийся в суд для восстановления нарушенного права, а ответчик – полиция, незаконные действия которой обжалуются.

гражданина, несущего подозрительный предмет около полуночи, нельзя считать незаконным.¹

Таким образом, право полиции останавливать и опрашивать граждан, а также право обыскивать их на месте признаны. Но воспользоваться этими правами можно лишь при наличии основания полагать, что те или иные граждане представляют общественную опасность.

Тем не менее, некоторые штаты ограничивают названные права полиции. Например, в штате Иллинойс предметы, обнаруженные при задержании, не могут стать поводом для последующего ареста.²

Кроме того, судебная практика не дает однозначного ответа на вопрос, считать ли отказ отвечать на вопросы работника полиции правомерным или нет. Дело заключается в том, что ответы на вопросы офицера полиции в принципе могут предоставить достаточно информации для обоснования ареста. Однако требование дать такие ответы (даже на простые вопросы) под угрозой вероятного усиления подозрений и последующего задержания опрашиваемого лица вступает в противоречие с конституционным правом граждан не свидетельствовать против себя самого. Поэтому суд всякий раз вынужден решать, имел ли работник полиции достаточные основания для ареста, сообразуясь как с интересами общественной безопасности, так и с защитой личности от произвола.

Следует также иметь в виду, что реализация полицией вышеуказанных прав зависит от тяжести предполагаемого преступления. Например, при похищении ребёнка или в случае совершения другого тяжкого преступления, полиция города может заблокировать все выезды из населённого пункта и проверять каждую выезжающую машину. При этом, естественно, у работников полиции не будет достаточных оснований, как в классическом прецеденте, для проверки каждого автомобиля в отдельности. Тем не менее, действия работников полиции в подобной ситуации, очевидно, являются общественно приемлемыми, оправданными целью раскрытия тяжкого преступления. Напротив, такие действия совершенно неприемлемы для раскрытия квартирной кражи или другого мелкого (незначительного) преступления (5, С. 37-40; и др.).

¹ People of the United States v. Jackson, 164 Cal. App.2d 759, 308 P.2d 38 (1958).

² В классическом прецеденте People of the United States v. Henneman, 367 Ill. 151, 10 N.E., 2d 649 (1937), работники полиции, осматривая стоящий на обочине автомобиль с двумя пассажирами, обнаружили два заряженных пистолета. Пассажиры были арестованы, но Верховный Суд штата постановил, что арест был незаконным, так как до обыска автомобиля у работников полиции не было оснований для подозрений.

Спротивление аресту и использование силовых методов при аресте

Спротивление незаконному аресту (в том числе с помощью силы) рассматривается в США в качестве правомерного способа самозащиты. Такова позиция судов большинства штатов¹ и Верховного суда США.² Она основана на поправке IV к Конституции, которая гласит, что граждане имеют право не подвергаться обыску или ограничению свободы как лично, так и относительно своей собственности и документов. Единственным исключением из этого правила должна являться ситуация, когда существует законный ордер, предписывающий обыск или задержание конкретного человека, обыск помещения, или конфискации вещи.

Все штаты обязывают лицо, подвергаемое аресту, подчиниться офицеру полиции, которого задерживаемый знает лично. Если же полицейский подозреваемому не знаком³, некоторые штаты разрешают сопротивление даже с применением силы.⁴

Возникает вопрос, что же можно считать незаконным арестом? Во-первых, невиновность задерживаемого лица сама по себе не свидетельствует о неправомерности ареста. Полицейские, как и все люди, могут совершать ошибки. Незаконным может быть признан только такой арест, для производства которого работник полиции явно не имеет оснований или в ходе которого нарушает установленную процедуру задержания.

Например, незаконным будет признан арест на месте происшествия, если у полицейского не было достаточных оснований полагать, что задерживаемое им лицо совершило или собирается совершить преступление. Естественно, что наличие или отсутствие таких оснований или степень их достаточности судья устанавливает применительно к каждому отдельному случаю.

Особого внимания заслуживает арест с недействительным ордером. Если дефект ордера не может быть замечен ни офицеру полиции, ни задерживаемому, то сопротивление аресту не может считаться

¹ Секция 6 Единого Кодекса Арестов (Uniform Arrest Act) Нью Гэмпшира, например, запрещает сопротивление даже незаконному аресту.

² John Bad Elk v. U.S., 177 U.S. 529 (1900); City of Monroe v. Ducas, 14 So. 2d 781, 784, 203 La. 974 (1943).

³ Гражданский арест приравнивается к аресту незнакомым полицейским. Никто не может быть осуждён за сопротивление гражданскому аресту, но при малейшем применении силы может быть осуждён за хулиганство или нападение с применением силы.

⁴ Например, в штатах Южная Каролина и Небраска допускается использование даже огнестрельного оружия для защиты своей свободы от незаконных действий полиции.

обоснованным. Если же недействительность ордера очевидна (например, отсутствует подпись магистрата или прокурора либо ордер выдан вне юрисдикции), то задерживаемое лицо имеет полное право на защиту своей свободы.

В любом случае дело выносится на рассмотрение независимым судьёй, который решает, имелись ли основания считать арест незаконным и оказывать сопротивление в порядке самозащиты. Иначе говоря, каждый подвергаемый задержанию гражданин, принимая решение сопротивляться неправомерному, с его точки зрения, аресту, должен осознавать риск своего собственного осуждения за противодействие работнику полиции, находящемуся при исполнении служебных обязанностей. В свою очередь каждый работник полиции должен понимать, что, осуществляя задержание на свой страх и риск (безосновательно), он может выйти из-под защиты закона.¹ Наказанием полицейскому за незаконный арест является фактически само сопротивление задерживаемого им лица (в случае его оказания), а юридически - последующее дисциплинарное взыскание или осуждение (в зависимости от характера и последствий произведенных действий для арестованного гражданина).

Следует отметить, что подобный метод правовой оценки сопротивления незаконному аресту не находит всеобщей поддержки. Многие судьи полагают, что использование такого метода необязательно в современном обществе, где существует множество других способов бороться с нарушением прав задерживаемых лиц. С точки зрения этих судей, легализация и поощрение использования сопротивления работнику полиции как средства защиты личных прав может быть потенциально опасно для общества и порядка.²

Другие юристы, напротив, считают, что существующих средств защиты прав арестованного (возможность внесения денежного выкупа, административное или дисциплинарное наказание нарушающего закон работника полиции, недопустимость использования судами улик, полученных незаконными методами, возможность подать гражданский иск на возмещение ущерба и т.д.) недостаточно. По их мнению, «...совершенно негуманно осуждать человека за сопротивление беззаконию...» (8, Р. 1138). С этим можно согласиться, учитывая крайне незначительное число судебных приговоров, осуждающих работников

¹ Например, в Техасе, производящий незаконный арест полицейский не имеет права пользоваться личным оружием для самозащиты от действий задерживаемого лица.

² Например, см. одно из ранних решений *State v. Koonce*, 89 N.J. Supp. 169, 214 A. 2d 428, 436 (1965).

правоохранительной системы за совершение противозаконных действий.

Разумеется, сказанное не означает, что работник полиции не вправе использовать силу при производстве ареста. Однако силовые приемы и методы, интенсивность их применения должны быть рациональными и соответствовать конкретной ситуации задержания.

Если подвергаемое аресту лицо пытается бежать или оказывает сопротивление, полицейский по своему усмотрению применяет силовые методы, необходимые для его физического захвата. Это основное правило, у которого есть несколько важных ограничений.

Первое из них гласит: «... лучше позволить одному подозреваемому в *misdemeanor* сбежать, чем лишать его жизни».¹ Это ограничение используют в большинстве судов. В некоторых случаях полицейский, игнорирующий указанное ограничение, может быть обвинён в умышленном убийстве (за причинение смерти водителю остановленного автомобиля)² или в причинении смерти по неосторожности (когда смерть наступила вследствие повреждения автомобиля пулей из пистолета полицейского)³.

Второе ограничение конкретизирует первое, определяя право офицера полиции на использование оружия при аресте за совершение *misdemeanor* и *felony*.

Если задерживаемое лицо подозревается в *misdemeanor* (или совершенно очевидно совершило это преступление), полицейский не вправе применять огнестрельное оружие (открывать огонь), даже при условии, что не существует других способов воспрепятствовать побегу предполагаемого (или очевидного) преступника.

При подозрении на совершение *felony* работникам полиции разрешается применять оружие только в тех случаях, когда они уверены, что задерживаемое лицо совершило преступление, и нет других способов произвести его физический захват.

Степень уверенности здесь очень важна: суд может обвинить полицейского в совершении неправомерных действий, если он применяет оружие при задержании по подозрению в совершении преступления невиновного гражданина. В качестве примера подобной ситуации приведем следующий прецедент.

Заместитель шерифа с напарником патрулировали автостраду в поисках преступника, совершившего ограбление в находящемся непо-

¹ Reneau v. State, 70 Tenn. 720, 721 (1879).

² Hill v. Commonwealth, 239 Ky. 646, 40 S.W.2d 261 (1931).

³ People of the United States v. Klein, 305 Ill. 141, 137 N.E. 145 (1922).

далёку парке. Один из автомобилей при их приближении развернулся и поехал в обратном направлении. Полицейские начали преследование и открыли огонь. Один из выстрелов убил жену водителя, сидевшую на переднем сиденье. Суд вынес вердикт о виновности (вердикт обвинения) в убийстве второй степени, обосновывая его тем, что работники полиции не имели права открывать огонь всего лишь по подозрению в совершении *felony* (без уверенности в этом).¹

Естественно, работник полиции, выполняющий свои обязанности, попадает в различные ситуации, когда ему приходится быстро (иногда мгновенно) принимать решения. Если у него есть достаточные подозрения, что его жизни или жизни окружающих может угрожать опасность, то он вправе применить оружие. Убийство полицейских при исполнении ими служебных обязанностей не столь редки,² что оправдывает право работников полиции применять силу в определённых обстоятельствах.³

Денежный выкуп (освобождение под залог)

Каждый арестованный имеет право подать заявление на, так называемый, денежный выкуп. Это способ освобождения из-под ареста под залог, сумма которого не должна быть непомерно высокой для арестованного⁴. Основанием для его применения служит известное правило, согласно которому подозреваемый считается невиновным пока не доказано обратное. Отсюда следует, что никто не должен быть ограничен в свободе до суда, если для этого не существует веских причин. Вот почему суд вправе устанавливать сумму денежного выкупа и выпускать арестованных даже за достаточно опасные преступления (например, убийства). Однако суд может запретить освобождение под залог, если существуют весомые доказательства или высокая вероятность, что арестованный виновен в преступлении. Кроме того, федеральное законодательство выделяет так называемые *non-bailable offenses* – преступления, возможным наказанием за которые является смертная казнь. В случае обвинения в одном из таких преступлений, выход обвиняемого под залог запрещён.⁵

Каждый подозреваемый, в принципе, может быть выпущен под залог. Это может произойти как на этапе досудебного производства,

¹ Wiley v. State, 19 Ariz. 346, 170 P. 869, L.R.A. 1918D 373.

² Так, за период с 1990 по 1999 год было убито 658 работников полиции, находящихся при исполнении своих обязанностей. См.: Отчёт ФБР на <http://www.fbi.gov/ucr/killed/99leoka.pdf>

³ О сопротивлении аресту и использовании силовых методов при аресте см.: (5, С. 40-43; и др.).

⁴ Поправка V к Конституции США.

⁵ Bail Reform Act, 1966; Rule 46 of the Federal Rules of Criminal Procedure.

так и на последующих этапах судебного производства, в том числе после вынесения обвинительного приговора. Однако в любом случае подозреваемый (обвиняемый) должен обратиться в вышестоящий суд.

Вместе с тем, даже когда все условия соблюдены, судья или магистрат имеет право отказать арестованному в праве выхода под залог, если имеются достаточные основания полагать, что он может не явиться в суд, несмотря на выплаченный залог (*bail*), либо представлять опасность для общества. Причем обязанность доказать отсутствие указанных оснований лежит на арестованном.

Право суда или магистрата отказать в выходе под залог не противоречит поправке VIII к Конституции, которая не гарантирует право выхода под залог *per se*, а просто говорит, что в тех случаях, когда такое право может быть предоставлено, «не должна быть запрошена слишком большая сумма залога». Следовательно, судья может поставить дополнительные условия для выхода под залог (например, ограничение свободы передвижения, поручительство другого гражданина или организации и т.д.).

Залог (*bail*) – деньги или ценные бумаги, которые арестованный передаёт суду в качестве гарантии, что он появится перед судом в день рассмотрения дела. В некоторых случаях, при соблюдении определённых условий, суд принимает недвижимость в качестве залога. Размер выкупа устанавливается в зависимости от тяжести преступления, в котором подозревается арестованный, и уровня его благосостояния. Естественно, можно предположить, что потеря единственного дома для достаточно бедного человека заставит его прийти в суд, в то время как даже потеря нескольких сотен тысяч долларов может быть недостаточным стимулом для очень богатого человека.

В некоторых штатах (например, в Иллинойсе), арестованный может быть отпущен уже при внесении 10% суммы залога. Если на арест был выписан ордер, то сумма залога должна быть указана непосредственно в ордере.

Во многих штатах суд устанавливает фиксированные суммы залога за некоторые мелкие преступления. Иногда арестованный может быть отпущен под честное слово, что он явится в суд в назначенное время и день.

Преднамеренная неявка обвиняемого в суд может привести не только к потере суммы залога, но и к уголовному штрафу и даже ограничению (лишению) свободы.

В одном из своих выступлений бывший судья Верховного суда США Артур Голдберг следующим образом охарактеризовал систему

выхода под залог: «... в лучшем случае, это система чековых книжек, а в худшем – высокоорганизованный коммерческий рэкет...»¹.

Даже, если это действительно так, освобождение по залог подозреваемых, как минимум, не хуже, чем содержание их в тюрьмах предварительного заключения. Во-первых, выполняется принцип презумпции невиновности, не позволяющий ограничивать свободу невиновных граждан путем заключения их под арест. Во-вторых, государство экономит немало денег, не тратя их на содержание тюрем.

Конечно, у этой системы есть свои недостатки. Защита прав и свобод человека здесь на высшем уровне, но контроль над подозреваемыми лицами, отпущенными под залог, явно ослаблен. В данном смысле все зависит от эффективности работы правоохранительных органов (системы надзора), а также менталитета, самосознания и веры граждан в верховенство законов.

Обыск и выемка

Обыск может быть законным только в следующих случаях: 1) если существует законно выданный ордер на обыск; 2) если он следует за законным арестом, или основан на достаточных основаниях, или совершается с согласия обыскиваемого.

Поправка IV к Конституции США гласит: «Граждане имеют право на личную свободу, свободу жилища, документов и собственности от необоснованных обысков и задержаний. Ордер на обыск или задержание может быть выдан только при наличии обоснованной причины, удостоверенной официально, и должен подробно описывать место обыска, лицо и предметы, подлежащие задержанию (выемке)».

Данная поправка, как никакая другая, стала причиной огромного числа судебных прецедентов, споров и исследований. Это было связано как с многозначностью терминов «обыск» и «выемка», так и с характером затрагиваемых соответствующими действиями интересов².

Действительно, если выемка вещи влияет только на интересы владения отдельного гражданина, то обыск нарушает еще и интересы неприкосновенности частной жизни. Обыск, по определению Верховного Суда, - тщательный поиск, проводимый работником правоохранительного органа. Иначе говоря, поиск, производимый частным лицом, не

¹ Foreward to Goldfarb, Ransom, p.ix (1965).

² Здесь и далее используется уже упоминавшийся Модельный кодекс процесса предварительного предъявления обвинения, его часть II «Обыск и выемка». См.: Model Code of Pre-Arraignment Procedure. Part II. Search and Seizure. URL: <https://ali.org/publications/show/model-code-pre-arraignment-procedure>. См. также: (7, P. 113-121).

подпадает под поправку IV к Конституции, которая направлена на защиту граждан от произвола государственной власти. Кроме того, чтобы полицейский осмотр или поиск чего бы то ни было считался обыском, необходимо ещё одно условие: вмешательство в сферу частной жизни (privacy¹).² Следовательно, поправка IV неприменима к обыскам с согласия, внешним осмотрам, обыску брошенной собственности и т.д. При этом для судов принципиально важны ответы на два вопроса: высказал ли гражданин субъективное ожидание неприкосновенности своей частной жизни (касательно предмета предполагаемого обыска) и принимает ли общество подобное ожидание как обоснованное.³

Выемкой собственности является любое вмешательство в индивидуальные права владения собственностью (См. об этом: 9). То есть задержание багажа в аэропорту для проверки является выемкой собственности (хотя и временной), а запись регистрационных номеров автомобиля – нет, так как регистрационные номера выставлены на всеобщее обозрение. Кроме того, речь идет о преднамеренной выемке, произведенной представителем правоохранительных органов. Разумеется, выемка собственности может производиться не только в целях сохранения вещественных доказательств и в таком случае подпадать под действие тех или иных поправок к Конституции.

Обыск с согласия и другие виды обыска, не подпадающие под защиту поправки IV к Конституции

Регулирование процедуры обыска, не подпадающего под действие поправки IV, оказалось практически полностью в сфере законодательства штатов. Штаты пошли дальше Билля о Правах и дополнили набор личных прав своих граждан.

Обыск с согласия, естественно, намного упрощает работу полиции: ни достаточность основания, ни ордер на обыск не являются необходимостью. Считается, что, давая согласие на обыск, задержанный отказывается от своих прав, гарантированных поправкой IV. Иначе говоря, обыск может быть проведён и без особых оснований, и без определённого предмета поиска.⁴

¹ В русском языке нет прямого эквивалента термину *privacy*. Он определяется очень широко, охватывая различные аспекты частной, личной жизни человека (См. об этом, например: 6, С. 110).

² Примеры использования этого правила: *Maryland v. Macon* (1985) 472 U.S. 463, 86 L Ed 2d 370, 105 S Ct 2778; *Skinner v. Railway Labor Executives' Asso.* (1989) 489 U.S. 602, 103 L Ed 2d 639, 109 S Ct 1402.

³ *Katz v. United States*, 389 U.S. 347, 360 (1967); *Smith v. Maryland*, 442 U.S. 735, 740 (1979).

⁴ *FBI, Legal Handbook for Special Agents #5-4.1* (1978).

Несомненно, какая-то часть обысков с согласия основана на признании арестованным лицом факта собственного задержания. Нередко полиция имеет достаточные основания для производства обыска и знает, что ищет. Однако в значительном числе случаев согласие основано на страхе задержанного перед полицией, незнании им собственных прав и на использовании его «невыгодного» социального положения. Иными словами, когда у работника полиции нет основания для обыска, но задержанный даёт своё согласие на обыск, полицейский злоупотребляет своей властью, вторгаясь в частную жизнь задержанного ради официального «любопытства». Очень часто само поведение офицера полиции заставляет невиновных граждан полагать, что они обязаны предоставить полицейскому возможность провести обыск.

Существующий Модельный кодекс процесса предварительного предъявления обвинения (часть II), на котором основываются уголовно-процессуальные кодексы большинства штатов, обязывает работников полиции предупреждать задержанных ими лиц об их праве не соглашаться на обыск. Причем Модельный кодекс разрешает частичное согласие на обыск (поиск только определённых вещей или поиск только в определённом месте) и предусматривает возможность отзыва любого согласия в любой момент.

Было ли согласие на обыск добровольным или вынужденным - основной вопрос, который суды задают при применении соответствующих правил. Определение добровольности – сложная задача. Ее недостаточно обоснованное решение даёт адвокату (юристу) защиты дополнительную возможность оспорить законность обыска. Поэтому добровольность согласия оценивается судом в свете всех обстоятельств дела и поведения сторон, а не только с точки зрения убедительности (ясности, недвусмысленности) официально произнесённых ими в суде слов. Необходимо учитывать, что полиция обычно старается использовать собственную власть для получения согласия на обыск и, тем самым, облегчения своей работы. Ведь работники полиции хорошо понимают, что в действительности невиновные граждане легко дадут согласие на обыск, полагая, что они ничего не теряют. Однако от такого полицейского «старания» страдает всё общество. Не случайно судебная система никогда не встречается с подобными случаями, потому что никто не жалуется на работников полиции: жалоба стоит денег и времени, а личной выгоды от нее нет никакой.

Для уменьшения числа подобных случаев, суды ввели множество правил, защищающих права лиц, подвергнутых обыску с их «согласия». Одно из наиболее важных правил заключается в следующем.

Обвинение должно доказать, что согласие было дано добровольно, то есть явилось результатом прямого и недвусмысленного волеизъявления лица, а не предположения работников полиции.¹

Что же случится, если невиновный гражданин откажется давать своё согласие на обыск? Возможность такого отказа гарантируется ему поправкой IV к Конституции, как право на защиту от необоснованных обысков, и поправкой V к Конституции, как право хранить молчание. Законопослушный работник полиции в этом случае ничего не сделает, поскольку отказ от обыска не может служить основанием для ареста.²

В отношении человека, соглашающегося на личный обыск или обыск управляемого им автомобиля, ситуация обычно достаточно ясная. Однако при обыске жилых помещений с согласия *независимой* стороны, могут возникать два вида ошибок: ошибка закона и ошибка факта.

Примером ошибки закона может служить дело *United States v. Whitfield*.³ Мать ответчика отказалась дать письменное согласие на обыск, но разрешила агентам ФБР обыскать комнату её сына. Агенты удостоверились, что она была владелицей дома, что её сын не платил арендную плату, и что дверь в его комнату не была заперта. Таким образом, агенты полагали, что получили законное разрешение на обыск. Суд, однако, с этим не согласился и постановил, что, несмотря на то, что агенты полагали, что им дано законное разрешение на обыск, они неправильно интерпретировали закон в данной ситуации, так как мать не имеет права разрешать обыск в жилище совершеннолетнего сына.

Ошибка факта описывается в деле *Illinois v. Rodriguez*.⁴ Родригес избивал свою девушку Фишер, которая рассказала об этом работникам полиции. Она сообщила, что Родригес находится в их квартире, и отвела полицейских туда. Достав из сумочки ключ, Фишер отворила дверь и впустила работников полиции в квартиру. В процессе ареста Родригеса полицейские увидели свободно лежащие в квартире кокаин и другие наркотические вещества. В ходе судебного разбирательства было выяснено, что Фишер не жила в квартире Родригеса уже, по крайней мере, месяц, не платила арендную плату и никогда не говорила Родригесу, что имела ключ от его квартиры. Верховный Суд постановил, что в данном деле имели место ошибки факта, поскольку у работников полиции были все основания считать согласие Фишер на обыск законным.

¹ United States v. Blake, CA11 Fla, 888 F2d 795, 798 (1989).

² State v. Wise 72 Or App 58, 695 P2d 68, 71 (1985).

³ United States v. Whitfield, 939 F.2d 1071 (D.C. Cir. 1991).

⁴ Illinois v. Rodriguez, 497 U.S. 177 (1990).

Похожим образом развивалась ситуация в деле *People v. Kramer*.¹ Крамер проживал в арендованной квартире и последние три месяца не платил за проживание. Собственник квартиры вошёл в жилище к Крамеру для выяснения причин отсутствия арендных платежей и обнаружил там марихуану. Он немедленно вызвал полицейских и впустил их в дом, где работники полиции изъяли соответствующие доказательства и арестовали Крамера. Хотя собственник квартиры не имел законного права входить в жилище квартиросъёмщика, суд установил, что существовала ошибка факта со стороны полиции. В своём решении суд отметил, что «... работники полиции не всегда должны принимать приглашение войти в жилище, даже если приглашающий утверждает, что является жильцом. Работники полиции обязаны предпринять дополнительные действия, чтобы в этом удостовериться». В данном случае полицейские должны были выяснить, что собственник квартиры не имел права давать согласие на обыск, и получить ордер на его производство.

Таким образом, как в первом, так и во втором из вышеописанных случаев Верховный Суд США исходил из того, что IV поправка здесь не действует, поскольку совместное проживание с кем-то в одном помещении равносильно отказу от своей частной жизни.²

Другой вид обыска, который прямо не подпадает под действие IV поправки, - это обыск, производимый частными лицами. Штаты Калифорния и Западная Вирджиния предоставили гражданам такие же права и обязанности, как и работникам полиции. Частные лица могут производить так называемый гражданский арест, а при обоснованной необходимости – обыск, и даже обязаны зачитывать права арестованному. Основанием для такого регулирования стала появившаяся у частных охранников магазинов необходимость задерживать мелких воров.

В то же время признание этой необходимости не означало одобрения произвола со стороны производящих арест или обыск лиц. Свидетельством тому является принятое высшим судом Западной Вирджинии в 1978 году решение, что согласие на обыск, данное похитителем золотого кольца, не может считаться добровольными, так как охрана магазина использовала чрезмерную силу для проведения обыска и получения кольца обратно.³

¹ *People v. Kramer*, 562 N.E. 2d. 654 (Ill App. 4 Dist. 1990).

² Вместе с тем, в 2006 году по делу *Georgia v. Randolph* Верховный Суд изменил свою позицию в данном вопросе, решив, что обыск в частном помещении является незаконным при наличии возражений со стороны одного из жильцов и при отсутствии санкции суда. См. об этом: (3, С 114).

³ *State v. Nelson*, 354 So.2d 540 (La. 1978).

Штаты Небраска, Юта, Монтана и Луизиана приняли федеральный подход: обыск частными гражданами не попадает под действие поправки IV. В одном из уголовных дел, рассмотренных в Монтане, собственник дома, озадаченный повышенным счётом за электричество, вошёл на чердак, который был арендован обвиняемым, и обнаружил там растения марихуаны, выращиваемые под светом неоновой лампы. Собственник тут же сообщил об этом шерифу, который получил ордер на арест и обыск. Первоначально действия собственника дома и шерифа были признаны незаконными. Однако апелляционный суд постановил, что поправка IV здесь неприменима, поскольку собственник дома не является государственным служащим.¹

Таким образом, штаты по-разному применяют поправку IV к обыскам, производимым частными гражданами. Тем не менее, господствующим и все более распространенным является федеральный подход, согласно которому Конституция создана для ограничения власти государства и не должна ограничивать частные обыски. Иначе это может привести к гораздо меньшей раскрываемости преступлений и более высокой преступности. Одновременно в большинстве штатов считается, что улики не должны приниматься к рассмотрению, если частным лицом при их собирании было совершено тяжкое преступление (felony) (1, С. 472-485, 487-492; 5, С. 45-46, 51-54; и др.).

Список использованной литературы

1. Бернам У. Правовая система США. Вып. 3-й. М., 2006.
2. Махов В. Н., Пешков М. А. Уголовный процесс США: Досудебные стадии. М., 1998.
3. Саломатин А. Ю. Верховный Суд США: Судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса. М., 2013.
4. Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000.
5. Стойко Н. Г., Никитин Г. А. Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод. СПб., 2006.
6. США: конституция и права граждан / под ред. И.А. Геевского (отв. ред.), В.А. Власихина, С.А. Червонной. М., 1987.
7. Broyles D. Scott. United States. Criminal Law, in International encyclopaedia for criminal law. National monographs. Kluwer Law International BV, 2014.
8. Chevigny B. The Right to Resist an Unlawful Arrest, 78 Yale L.J. (1969).
9. Hall J. W. Search and Seazure. Charlottesville, Virginia, 2000.
10. Human Rights in Criminal Procedure: a comparative study / Edited by J. A. Andrews. The Hague; Boston: Kluwer, 1982.

¹ State v. Long, 216 Mont. 65, 700 P.2d 153 (1985).

Е.Л. Сутормина,

Адвокат, Адвокатская палата
г. Санкт-Петербурга, магистр права.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПРИВИЛЕГИЯ: ТЕОРИЯ МОЗАИКИ И ПРОЦЕСС СБОРА «ЭЛЕКТРОННЫХ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В настоящей статье автор исследует проблему отсутствия в отечественном уголовном судопроизводстве доктрины, регламентирующей процесс сбора и закрепления «электронных» доказательств. Работа направлена на ознакомление с американской прецедентной практикой, связанной с Теорией мозаики, чтобы обозначить вектор развития такой доктрины уже в российской правовой системе.

Ключевые слова: электронные доказательства, доказывание, теория мозаики, сравнительное правоведение.

Ekaterina L. Sutormina

St. Petersburg Chamber of Lawyers, Master of Law

PRIVACY AS PRIVILEGE: THE MOSAIC THEORY AND INTERNET EVIDENCE

Summary: In this article, the author examines the problem of the doctrine's lack in the national criminal process that regulates the process of collecting and securing Internet evidence. The work is aimed at familiarizing with the American case practice related to the Mosaic Theory in order to identify the vector of development of such a doctrine in the Russian legal system.

Key words: Internet evidence, evidence, Mosaic Theory, comparative law.

21 век – эпоха бескрайних технологических возможностей. Человечество охвачено идеей оптимизации всех сфер деятельности при помощи информационных технологий. Особенно показательным стал 2020 год, когда, вследствие самоизоляции из-за новой коронавирусной инфекции COVID-19, цифровизация общества только усилилась. Широкое внедрение и использование цифровых активов, создание базы данных МВД РФ «Сторожевой контроль» и «Система распознавания лиц», мониторинг социальных сетей политических активистов сотрудниками правоохранительных органов, развитие цифровой среды и инноваций, например, «Городская система видеонаблюдения» в г. Москве или «Безопасный город» в г. Санкт-Петербурге. Важно отметить, что подобные городские системы видеонаблюдения только совершенствуются: реестр камер видеонаблюдения в местах массового скопления людей увеличивается.

Уголовно-процессуальное законодательство в Российской Федерации прямо не регулирует действия следователя (дознателя) по сбору «электронных доказательств». Ведомственные инструкции и рекомендации, разъясняющие порядок действий следователя (дознателя) в сети Интернет или сбору цифровых объектов при сборе криминалистически значимой информации, также отсутствуют. Однако, в материалах уголовных дел все чаще встречаются доказательства, полученные, например, с городских камер наблюдения. Необходимо на законодательном уровне разработать ряд норм, регулирующих процесс сбора и закрепления «электронных» доказательств. Так как современный цифровой мир со всем своим потенциалом и технологиями в контексте права на неприкосновенность частной жизни ежедневно ставит серьезные и острые задачи.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 31 марта 2011 года № 3-П, право на свободу информации, если этим правом затрагиваются права личности, гарантированные статьями 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, осуществляется как ограничивающее указанные права личности, которые находятся под особой, повышенной защитой Конституции РФ и ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований и (или) допускается только по судебному решению, вынесенному в соответствии с таким федеральным законом. Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну. Вместе с тем объективно-правовой аспект права на неприкосновенность частной жизни исключает ничем не ограниченную свободу индивида (субъективного права). При реализации права на неприкосновенность частной жизни и осуществлении его гарантий следует обеспечить согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ защиту иных конституционных ценностей – основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборону страны, безопасность государства [2].

Таким образом, несмотря на основополагающий характер, право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным правом. При этом данное право весьма уязвимо, особенно в эпоху цифровых технологий.

В соответствии с этими принципами государство может ограничить право на неприкосновенность частной жизни лишь в той степени, в которой это предусмотрено законом. Более того, закон должен опре-

делять конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Следовательно, важно установить и обозначить критерии правомерного вмешательства в право лица на неприкосновенность частной жизни.

В этой связи интересной представляется теория мозаики – правовая доктрина, разработанная англо-саксонской системой права и рассматривающая вопросы поиска и сбора информации сотрудниками правоохранительных органов. Теория мозаики впервые возникла как основание для отказа органам государственной власти США в запросах на предоставление информации в соответствии с Законом о свободе информации (FOIA), поскольку «очевидно безобидные фрагменты информации, собранные вместе, могут иметь изобличающую картину».

В дальнейшем теория мозаики получила свое развитие в ответ на резкое увеличение полицейского надзора в общественных местах благодаря современным технологиям, например, как «Городская система видеонаблюдения» или «Безопасный город». Так, в 2012 году Верховный Суд США в знаменитом деле «Джонс против Соединенных Штатов» (*Jones v. United States*) пришел к выводу, что установка устройства слежения за системой Глобального позиционирования (GPS) на транспортном средстве и использование устройства для мониторинга движения транспортного средства с целью сбора информации – это производство обыска по смыслу Четвертой поправки к Конституции США. Иными словами, на производство такого процессуального действия необходимо получение ордера. Физическая установка GPS-устройства на автомобиль подсудимого – незаконное проникновение в «личные вещи Джонса». Это «вторжение» с целью получения криминалистически значимой информации и есть обыск по своей правовой природе [8].

Для данной работы наиболее важным представляется мнение судьи Сони Сотомайор, которая выразила обеспокоенность тем, что закон о Четвертой поправке к Конституции США не отражает реалий современных технологий. Она отметила, что люди предоставляют операторам сотовой связи номера телефонов, с которыми они связываются; интернет-провайдером URL-адреса сайтов, которые они посещают, а также список покупок в онлайн-магазинах. Весь этот комплекс информации должен подпадать под защиту по смыслу Четвертой поправки к Конституции США.

Однако самое важное решение за последнее поколение в свете Четвертой поправки к Конституции США и теории мозаики было принято Верховным Судом США в 2018 года по делу «Карпентер против Соединенных Штатов» (*Carpenter v. United States*) [6].

Представляется, что необходимо подробнее остановиться на фактических обстоятельствах по делу, так как оценка Верховным Судом США действий полицейских весьма интересна.

Так, в период с декабря 2010 года по март 2011 года несколько человек в районе Детройта вступили в сговор и приняли участие в вооруженных ограблениях магазинов. В апреле 2011 года четверо грабителей были схвачены и арестованы. Заявитель по делу – Тимоти Карпентер – не входил в группу задержанных. Далее один из фигурантов сознался и передал свой телефон агентам ФБР, чтобы те могли посмотреть звонки с телефона, сделанные им во время ограблений. Позже мировой суд удовлетворил запрос ФБР на получения записей полной транзакции от различных операторов сотовой связи по 16 телефонным номерам.

Однако, примечательно, что соответствующий запрос ФБР был удовлетворен в соответствии с Законом о хранящихся сообщениях (SCA), а не получения разрешения на обыск в свете Четвертой поправки к Конституции США. Так как в по Закону о хранящихся сообщениях (SCA) прокурору нужно было только продемонстрировать суду, что они ищут доказательства, имеющие отношение к уголовному расследованию. Тогда как получение ордера на обыск требует от следствия уже доказывания вероятной причины, что ордер необходим с целью получения именно доказательства по делу, а не просто криминалистически значимой информации [10].

Таким образом, согласно прецедентной практике США наличие 16 неустановленных телефонных номеров, по которым звонил обвиняемый по делу во время ограблений, - не достаточное доказательство для констатации вероятной причины. Однако данного факта достаточно по Закону о хранящихся сообщениях (SCA), который требует только «наличия разумных оснований полагать, что запрашиваемая информация имеет отношение для расследования по уголовному делу» [10].

На основании представленной информации сотовой связи, следствие отслеживало местоположение и перемещение Карпентера в течение 127 дней и установило, что Карпентер находился в радиусе двух миль от четырех ограблений. На основании этого Карпентеру было предъявлено обвинение, а далее он был приговорен окружным судом США по Восточному округу Мичиган к 1395 месяцам тюрьмы.

В июне 2017 года Верховный Суд США пересмотрел дело Карпентера и вынес решение в его пользу. Верховный Суд США установил, что данное уголовное дело пересекает «две ветви уголовного права». С одной стороны, в деле «Джонс против Соединенных Штатов»

суд пришел к выводу, что отслеживание с использованием системы Глобального позиционирования - обыск по смыслу Четвертой поправки к Конституции США. Следовательно, такое отслеживание нарушает право человека на разумное ожидание конфиденциальности. С другой, в деле «Миллер против Соединенных Штатов» (*Miller v. United States*) Верховный Суд США пришел к выводу, что для получения определенных банковских сведений ордер не нужен, так как эти сведения были добровольно раскрыты третьим лицам.

В конечном счете, в деле Карпентера суд большинством голосов постановил, что предоставление информации оператором сотовой связи о местоположении абонента следствию это огромный риск для конфиденциальности. Подобные данные предоставляют правоохранительным органам идеальное наблюдение о передвижениях индивида. Следовательно, в данном деле следствие было обязано получить ордер на получение информации оператора сотовой связи о местоположении абонента, так как «сейсмические сдвиги в развитии цифровых технологий позволили отслеживать местоположение любого гражданина США в течение длительного периода времени». Действительно, невозможно не согласиться, что многомиллионные корпорации, обладающие исчерпывающей хроникой нашей жизни, не типичные свидетели.

Обычно «доктрина третьей стороны» позволяет органам государственной власти получать информацию, которую лицо добровольно передает организации, например, банку. Такую информацию можно получить простым запросом у третьей стороны без получения ордера. Однако, в деле «Карпентер против Соединенных Штатов» (*Carpenter v. United States*) Верховный Суд США окончательно закрепил Теорию мозаики, указав, что безобидные фрагменты личной информации, собранные вместе, могут иметь изобличающую картину[6]. Американские коллеги отмечают, что после «Карпентер против Соединенных Штатов» нижестоящие суды все чаще стали применять теорию мозаики.

Так, в 2020 году в деле «Мур-Буш против Соединенных Штатов» (*Moor-Bush v. United States*), Окружной суд США штата Массачусетс применил теорию мозаики, указав, что наблюдая за домом подсудимого в течение длительного времени, манипулируя камерой видеонаблюдения для увеличения деталей, таких как номерные знаки автомобилей, припаркованных рядом; изымая видеозапись проезжей части у дома подсудимого, а в дальнейшем используя такую информацию в производстве по уголовному делу, следствие собрало интимные подробности жизни обвиняемого. Следовательно, такие доказательства не могут быть признаны допустимыми Судом и лечь в основу приговора. Более

того, другие доказательства, полученные на основе такой информации, тоже не могут быть признаны допустимыми по уголовному делу (здесь применяется отечественная доктрина «плоды отравленного дерева») [7].

Безусловно в век развития информационных технологий подобные дела будут появляться и впредь. Не только в зарубежной практике, но и в рамках российского уголовного судопроизводства. В связи с чем представляется необходимо выработать четкую доктрину, которая бы регламентировала процесс сбора, закрепления и может быть оценки «электронных» доказательств, а приведенный опыт зарубежных коллег может быть в этом полезен.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 14.03.2020 года № 1-ФКЗ от 14.03.2020 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 года № 3-П [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31032011-n/>.
3. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; отв. ред. С. В. Зуев. М., 2020.
4. Першин А. Н. Государственные информационные системы как источники доказательств по уголовным делам // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 22 мая 2019 г. / отв. ред. Д. А. Савченко. Новосибирск, 2019. С. 130—134.
5. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. С. 103-118.
6. CARPENTER v. UNITED STATES, 819 F. 3d 880, reversed and remanded [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/16-402>.
7. MOOR-BUSH v. UNITED STATES, No. 19-1582 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca1/19-1582/19-1582-2020-06-16.html>.
8. UNITED STATES v. JONES, 615 F. 3d 544, affirmed [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/10-1259>.

9. Laura E. Jehl. Supreme Court Reenters Fray on Privacy: Carpenter v. United States [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.natlawreview.com/article/supreme-court-reenters-fray-privacy-carpenter-v-united-states>.
10. Nina Totenberg. Justices May Impose New Limits On Government Access To Cellphone Data [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.wbur.org/npr/567348000/justices-may-impose-new-limits-on-government-access-to-cellphone-data>.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Статья посвящена на первый взгляд позитивистскому подходу к пониманию справедливости как универсального принципа права, предполагающего точное уяснение ее содержания. Однако глубокое изучение его содержания приводит к выводу о достаточно широком разбросе значений данного понятия не только в русском, но и других языках мира. Однако с учетом культурно-исторических традиций народов России справедливость может быть рассмотрена как способ их объединения, проявляться в стремлении каждого человека к лучшей модели окружающего мира. Уголовный процесс не будет правосудным, если он не отвечает требованию справедливости.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; справедливость, истина, цель уголовного судопроизводства

Andrey A. Timoshenko

DSci. in Law, Professor of the University of the
Public Prosecutor's Office of the Russian Federation

SEMANTIC ANALYSIS OF FAIRNESS FOR THE PURPOSE OF INTERPRETING THE LAW OF CRIMINAL PROCEDURE

Summary: The article is devoted to the seemingly positivistic approach to the understanding of justice as a universal principle of law, which assumes a precise clarification of its content. However, a deep study of its content leads to the conclusion about a fairly wide range of meanings of this concept not only in Russian, but also in other languages of the world. However, taking into account the cultural and historical traditions of the peoples of Russia, justice can be seen as a way of uniting them, manifested in the aspiration of each person to a better model of the world around them. The criminal process will not be justice if it does not meet the requirement of justice.

Keywords: criminal procedure; trial; justice, truth, purpose of criminal proceedings

Справедливость уголовного судопроизводства является ключевой категорией уголовного судопроизводства, которое не может быть отделено от нее ни при каких обстоятельствах. Несправедливое разбирательство дела, особенно если оно носит повторяющийся, массовый характер, является одним из способов дискредитации судебных проце-

дур не только в одном единственном судебном присутствии, но и в стране в целом.

Определению содержательных характеристик признака справедливости судопроизводства должно предшествовать изучить справедливости как таковой. При этом особое внимание необходимо уделить вопросу понимания самого слова «справедливость» в языковой норме.

Один из ярких представителей философии языка, разработчик семантической теории Дональд Дэвидсон отмечает, что теория значения предложений (читай – любых умозаключение – А.Т.) прежде всего изучает значение слов, из которых они состоят [6, с. 53].

Для введения в научный оборот ясных и понятных символов один из основателей философии языка Л. Витгенштейн отмечал необходимость создания «знакового языка», в котором одни и те же явления обозначались бы одинаково, с использованием одинаковых символов [3, с. 15].

В этой связи и требуется изучить синтаксическую характеристику термина «справедливость», используемого, как уже отмечалось, для обозначения одного из ключевых свойств уголовного процесса.

В русском языке на протяжении значительного периода времени терминами «справедливость», «справедливый» обозначались явления, характеризующие, как правило, деятельность суда, стремление к правде (истине).

Первый толковый словарь русского языка словосочетание «справедливый человек» раскрывает посредством указания на лицо, делающее «все по правде, любящий правду». Отсюда «поступить справедливо» значит добиться истинности, быть вежливым, действовать точно, верно, сообразно истине, правде. При этом сама по себе «правда» есть истина, справедливость, и для целей законодательного определения оно означает уложение, собрание законов [7, с. 526].

Толковый словарь В.И. Даля понимает под справедливостью не только правду, но и правосудие в целом. Справедливый значит правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте. Справедливый судья есть судья, творящий правдивый, праведны суд, идущий по всей правде, неподкупный [5, с. 617]. В свою очередь, правдой является истина на деле, истина во образе, во благе, правосудие, справедливость, честность, неподкупность, добросовестность. Примечательно, что великий русский филолог обратился также к устаревшему пониманию слова «правда», под которой значится право суда, а также власти в виде любого ее органа или должностного лица судить, карать и миловать; также выделяется самостоятельное значение - суд и расправа [6, с. 519].

Другой дореволюционный составитель толкового словаря русского языка П. Е. Стоян относит к «правде» соответствие слов действительности, а также делу, словесную истину, жизнь по совести, справедливости; искренность, добросовестность, веру, истину [9, с. 448].

Отдельно названным ученым-языковедом выделяется имеющее интерес для настоящего исследования слово «управа», т.е. справедливость по закону, защита судом (пример - найти управу на обидчика) [9, с. 658]. Справедливый – согласный с совестью, правый, правильный, истинный, делаемый по правде, по закону божескому и человеческому [9, с. 575].

В современном русском языке понимание правды и справедливости в целом не изменилось: справедливость – есть беспристрастное, справедливое отношение к кому-либо, чему-либо, соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. нормам, требованиям; понятие «справедливость» связывается с объектом, действующим беспристрастно, в соответствии с истиной [8, с. 785].

Обращение к этимологии слова справедливость указывает на то, что оно могло использоваться в русском языке с XI-XVII вв. и произойти от польского *sprawedliwość*, которое, в свою очередь заимствовано из чешского языка. Однако нельзя исключить и исконно русское его происхождение. В этом случае справедливый наиболее близок к использовавшему ранее и устаревшему «праведливый», антоним этого слова - несправедливый и неисконно русский [10, с. 368]. В церковнославянском языке правда рассматривалась как синоним справедливости, правосудия, истины, а в праславянском – «правьду» сравнивали «кривьдой», обращая внимание на корень «правь» [10, с. 193].

Таким образом, справедливость в его ранее использовавшемся, а также в современном понимании тесно связана с понятиями «правда», «истина» и отождествляется с деятельностью по осуществлению правосудия.

Подобная семантическая характеристика «справедливости» встречается и в европейских языках. Например, в этимологии греческого языка слово «суд» происходит от корня (ῥέμνις) «фемиды» и раскрывается за счет смысловых единиц – право, закон, справедливость [4, с. 353].

В английском языке понятие «справедливость» наиболее часто обозначается словами «justice», «equity», «fairness», «honesty». При изучении содержания первых двух из них, наиболее часто используемых в юриспруденции, а также в научной литературе, выделяют правовой и абстрактный подходы. Первый связан с обозначением факта

объективного и должного удовлетворения потребностей человека в чем-либо, а также обозначением меры необходимого наказания за правонарушение, второй – описанием состояния отказа от несправедливости, стремлением к истине. При этом судебная справедливость не отождествляется с юридическим равенством, т.к. она должна помимо разумного и взвешенного подхода при оценки событий произошедшего опираться на писанный закон [2, p. 477-478].

Во французском языке справедливость «l'équité» связывают с правами личности, отождествляя ее в этом смысле с гарантией абсолютного и равного отношения к каждому. Отсюда устойчивым выражением выступает «le sens de l'équité» (чувство справедливости). Справедливость судьи предполагает взвешенное, безэмоциональное исследование обстоятельств дела. Справедливость имеет естественное, надзаконное происхождение (Информационный портал толкового словаря французского языка Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnrtl.fr/portail/> (дата обращения: 07.10.2020)).

В немецком языке понимание смысл слова справедливость (gerechtigkeit) сочетается с идеей законности и обозначает справедливое возмещение причиненного вреда, заслуженное наказание, правосудие в целом, а также привилегию, защищаемое право [1, s. 452].

Для сравнения, в китайском языке справедливость обозначается иероглифами «司法», которые могут быть переведены не только как справедливость, но и как беспристрастность. Также данное слово совпадает по значению с равенством в том понимании, которое придает ему совместного общественная деятельность. В связи с тем, что абсолютного равенства не существует, то справедливость является относительной категорией. Справедливость наиболее часто защищает различные конкурентные действия. Она гарантируется не только законом, но и соглашением сторон (Электронная энциклопедия китайской сети «Baidu» [Электронный ресурс] URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения 13.10.2020)).

Таким образом, изучение значения слова справедливость в различных языках свидетельствует о схожем его понимании в различных культурах. Справедливость наиболее часто ассоциируется с правдой, истиной, равным доступом к благам, который реализуется независимо от объективного различия в природе человека. Справедливость как мера наказания (ответственности) также рассматривается как должное воздаяние за содеянное независимо от социального статуса осужденного.

Если обратиться к анализу частоты употребления слова «справедливость» в российской публицистической и художественной литературе, применив для этого возможности национального корпуса русского языка (Официальный сайт информационного портала «Национальный корпус русского языка» [электронный ресурс] URL: www.ruscorgora.ru (дата обращения 10.09.2020)), то наиболее выделяются следующие годы: 2014, 2012, 2002, 2003, 1991, 1989, 1945, 1933, 1928, 1924, 1922, 1918, 1893, 1871, 1864, 1833, 1812.

С учетом того, что *справедливость* в рассматриваемом контексте обозначает результат, цель или модель какой-либо деятельности, а также характеристику функционирования социальных и государственных институтов оправданно ее соотносить со знаковыми событиями российской истории: отечественные войны, революция, индустриализация, коллективизация, гражданская война, время осмысления отдельных внутривнутриполитических событий (крестьянская и судебная реформа и т.д.).

Тем самым семантический анализ понятия «справедливость» заставляет связывать его с предельно значимыми для общества в определенный исторический период ценностными, размышления о ней являюся призывом для объединения людей.

Именно с этой точки зрения она должна восприниматься процессуалистами при построении доктринальных воззрений и в правоприменительной деятельности.

Список использованных источников

1. Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache : Das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen: In der neuen dt. Rechtschreibung / Hrsg. Prof. Dr. Dieter Götz et al. Neubearb. Berlin etc.: Langenscheidt. 1998.
2. Webster's New Dictionary of Synonims. Springfield. 1984.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994.
4. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. Главнач гр. ч. на Кавказе, 1896.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В.И. Даль. М., 2011.
6. Дэвидсон Д. Исследование истины и интерпретации / пер. с англ. А.А. Веретенникова, Т.А. Дмитриева, М.А. Дмитриевской и др. М., 2003.
7. Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург: При Имп. Акад. Наук, 1789-1794. Ч. 4. От М до Р., 1793.
8. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецова]. СПб, 2008.

9. Стоян П.Е. Малый толковый словарь русского языка. Петроград: Книгоиздательство и книжная торговля Н.Я. Оглоблина, 1916.
10. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. М., 2010.

А. Г. Тузов,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОИЗВОДСТВА ПО ПЕРЕСМОТРУ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Автор рассматривает систему проверочных производств, направленных на пересмотр состоявшихся итоговых решений по уголовным делам, в соответствии с действующим в Чешской Республике уголовно-процессуальным законом. Приводит описание места этих производств в системе уголовно-процессуального закона, дает их краткую характеристику. В частности, в статье рассмотрены основные характеристики апелляционного и стижностного производства, кассации и жалобы на нарушения законности, возобновления производства по уголовному делу, приведено общее описание и специфических видов (возражения и жалоба на нарушение прав человека в Конституционный суд).

Ключевые слова: производства по пересмотру, ревизия, апелляция, кассация, res judicata.

Andrey G. Tuzov,

Senior Teacher,
Department of the Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint-Petersburg State University

REVISION OF THE FINAL DECISIONS IN A CRIMINAL PROCEEDING OF THE CZECH REPUBLIC

The author considers the system of revision of the final decisions in a criminal proceeding of the Czech Republic and gives a description of these proceedings in the system of criminal procedure law. He provides general description of the appeal, "stizhnost" procedure, cassation, complaints about the law violation, renewal of criminal procedure and two specific proceedings (objections to a court criminal order and complaint to the Constitutional court for violation of human rights).

Keywords: criminal proceedings, appeal, cassation, revision, res judicata.

Возможность пересмотра итогового решения по уголовному делу является важной гарантией права на защиту и справедливое разбирательство. Через устройство этих производств государство определяет порог толерантности к судебным ошибкам, обеспечивает механизмы защиты прав конкретных участников судопроизводства от ошибочного

решения, а также обеспечивает механизмы управления судебной практикой с целью обеспечения ее единообразия. И одним из вариантов достижения таких целей является не только предоставление возможности обжаловать состоявшееся решение, но среагировать на допущенные судами ошибки при рассмотрении дел, и через формирование единообразной практики способствовать защите прав всех участников уголовного судопроизводства, обеспечивать законность и справедливость в широком смысле [1, с. 583-586]. Все производства по пересмотру итоговых решений именуется в дословном переводе, как «исправительные средства», то есть механизмы, прежде всего направленные на устранение допущенных ошибок¹. Этому подчинена и вся логика их построения, имеющая следующие основные черты: 1) все имеют безусловное право как минимум на один пересмотр своего дела, а вообще все средства обжалования конечны и ограничены; 2) вступивший в законную силу приговор или иное решение по делу может быть пересмотрено с соблюдением баланса с принципом правовой определенности, разрешенности дела (*res judicata*), и с необходимостью соблюсти гарантии права на справедливое судебное разбирательство; 3) каждое последующее производство имеет меньше возможностей обратиться к нему и меньшее количество оснований для изменений; 4) все существенные нарушения, допущенные при рассмотрении дела, должны быть в любом случае устранены; 5) каждое дело должно иметь возможность быть пересмотренным в Верховном суде страны только один раз.

Все производства по пересмотру итоговых решений по уголовным делам по уголовно-процессуальному законодательству Чехии построены, исходя из концепции двух инстанций рассмотрения уголовных дел. Это означает, что каждому гарантируется право на рассмотрение его дела по существу (первая инстанция) и абсолютное право на один пересмотр результата (вторая инстанция). При этом ряд процессуальных решений, принятием которых производство по уголовному делу заканчивается, приобретают свойства итоговых решений несмотря на то, что принимаются в досудебной стадии государственным обвинителем, а процедура, в которой принимаются такие решения, приравнивается к рассмотрению дела в первой инстанции (ч. 2 ст. 141 и другие). Остальные механизмы защиты права на пересмотр решения в его деле носят экстраординарный характер, поскольку обратиться к таким производствам может лишь ограниченный круг субъектов, по

¹ См., например, пояснительную записку к проекту закона №265/2001 Sb.: Sněmovní tisk 785/0 VI. novela trestního řádu. – s. 140-141 / Poslanecká sněmovna Parlamentu České republiky // URL: <https://www.psp.cz/sqw/text/tiskt.sqw?o=3&ct=785&ct1=0> (Дата доступа: 30.12.2021)

ограниченным основаниям и всегда – обжалуется вступившие в законную силу решения.

В любом случае пересмотр во всех видах производств допускается лишь в отношении следующих основных видов итоговых решений по уголовному делу: 1) приговор (обвинительный, оправдательный) и приговор, постановленный на основании ходатайства государственного обвинителя об утверждении соглашения о вине и наказании (ст. 225, 314г); 2) уголовный приказ (ст. 314е); 3) постановление о прекращении уголовного преследования (ст. 172, 223); 4) постановление суда о возвращении уголовного дела государственному обвинителю (ст. 221); 5) постановление об условном прекращении уголовного преследования (ст. 223а, 307); 6) постановление о прекращении производства по уголовному делу в связи с примирением с потерпевшим (ст. 223а, 309); 7) постановление о передаче дела для рассмотрения в порядке административного или дисциплинарного производства (ст. 175, ч. 2 ст. 222).

К ординарным производствам относятся апелляционное и производство по жалобам (стижность), которые неизбежно обладают деволутивным эффектом, но только апелляция характерен абсолютный суспензивный эффект, а вот для жалоб – только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Апелляция может быть принесена только на приговор по уголовному делу, а на иные постановления, принимаемые судом или государственным обвинителем (в досудебной стадии), которыми разрешается дело по существу – приносятся жалобы, которые рассматриваются в стижностном производстве, отличающемся от апелляции меньшей формализованностью.

Апелляционное и стижностное производства фактически возбуждаются фактом подачи соответствующей жалобы, предусматривают право предоставлять новые доказательства, предполагают возможность пересмотра состоявшегося решения по любым основаниям, в результате чего уполномоченный орган может принять новое решение (апелляция и стижность), либо направить дело на новое рассмотрение, отменив обжалуемый приговор полностью или частично (апелляция).

Ординарные формы доступны широкому кругу лиц, включая близких родственников обвиняемых, обладают большими возможностями к выявлению и устранению допущенных в предыдущих стадиях ошибок, в том числе путем проведения нового доказывания. Также к ординарным формам можно отнести и возможность подачи возражений на уголовный приказ по уголовному делу, фактом подачи которого он аннулируется и дело подлежит рассмотрению в общем порядке с вынесением приговора.

Экстраординарные производства представлены кассационным производством, производством по жалобе на нарушение закона, которые отнесены к исключительной компетенции Верховного суда, а также ходатайством о возобновлении производства. Возможность оспаривания состоявшихся решений только по существенным нарушениям уголовного и уголовно-процессуального закона. Кассация может быть подана государственным обвинителем, обвиняемым, по отдельным вопросам – потерпевшим, а жалоба на нарушение закона может быть подана только министром юстиции. Предметом рассмотрения являются только такие нарушения, допущенные при рассмотрении уголовного дела, которые были настолько серьезными, что представляют значение не только для конкретного дела, но и для правоприменительной практики в целом (правда, любые нарушения, ухудшающие положение осужденного, конечно, должны быть устранены). При этом отличительной чертой является и то, что при поступлении в Верховный суд кассационной жалобы и жалобы на нарушение закона по одному и тому же делу, влечет объединение этих производств и суд рассматривает их в одном заседании.

При этом для проверки отдельных обстоятельств жалоб, суд может провести ограниченное по объему доказывание, однако, как и в апелляции, суд при доказывании может давать поручения органам полиции для производства отдельных следственных действий. На этих стадиях допустимо как до рассмотрения жалоб, так и при постановлении решения по итогам рассмотрения жалобы решать вопросы приостановления исполнения назначенного наказания, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и другие вопросы, связанные с возложенными на осужденного обязанностями обжалуемым решением.

Ходатайство о возобновлении производства вправе подать основные участники судопроизводства с целью устранения ошибок в состоявшемся приговоре, которые вскрылись в связи с возникновением новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако, такое ходатайство может быть подано в ограниченном сроке – 150% срока давности уголовного преследования. После – дело утрачивает значение и государство не готово тратить на него свои ресурсы. Примечательно, что ходатайство подается в суд первой инстанции непосредственно самими участниками уголовного судопроизводства. При этом допускается приведение новых обстоятельств (сведений о фактах, которые могли оказать влияние на выводы суда по делу, если они были бы известны суду при рассмотрении дела по существу), а также доказательств. Суд с целью проверки заявленных доводов также уполномочен провести дока-

зывание в этом пределе, даже путем направления запросов в органы полиции на производство отдельных следственных действий. Предметом рассмотрения в данном производстве является оценка, могли ли новые или вновь открывшиеся обстоятельства повлиять на итоговое решение по делу, если они были бы известны суду во время первоначального рассмотрения дела. Если да, то итоговое решение подлежит отмене, а дело новому рассмотрению в суде первой инстанции.

Помимо перечисленных исключительно уголовно-процессуальных средств защиты от ошибок в итоговом решении, участникам доступна индивидуальная жалоба в Конституционный суд, предметом которой может выступать допущенное нарушение прав человека при рассмотрении уголовного дела. При этом в большинстве случаев речь идет о нарушении стандартов справедливого судебного разбирательства, как предусмотренных статьей шестой Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, так и корреспондирующих им статьи 36 – 40 Хартии об основных правах и свободах¹, являющейся частью конституционного порядка Чехии. Конституционный суд, рассматривая такую жалобу, получает мнение от всех участников (включая суд), истребует материалы уголовного дела (если требуется). Установив факт допущенных нарушений, суд вправе признать состоявшиеся решения по уголовному делу незаконными и отменить их своим решением. С таким исходом уголовно-процессуальный закон связывает необходимость возобновить производство с той стадии, в которой нарушение было допущено и рассмотреть дело заново.

Представляется, что существующая система производств по пересмотру итоговых решений по уголовным делам в Чехии, ставшая результатом 30-летнего развития, приобрела взвешенные формы, гарантирующие, с одной стороны, достаточные для демократического государства гарантии для обвиняемого и потерпевшего, а с другой, позволяющие осуществлять эффективное судебное управление правоприменительной практикой и обеспечивать поддержание стабильности правовой системы, поскольку при достижении *res judicata*, добиться отмены состоявшегося решения – непростая задача, даже если по конкретному делу и была допущена не существенная ошибка. Между тем, если будет выявлена существенная ошибка, допущенная при рассмотрении дела, приведшая к ухудшению положения осужденного, то суду доступны широкие возможности для ее устранения. В частности, проведение доказывания отдельных обстоятельств, имеющих зна-

¹ Listina základních práv a svobod / Usnesení předsednictva České národní rady // Sbirka zákonů č. 2/1993

чение для дела, в том числе и средствами органа полиции. Разумная процессуальная экономия позволяет устранять допущенные ошибки меньшими затратами времени – отменяя состоявшееся решение не целиком, а частями (за исключением выводов нижестоящих судов о вине), соответственно с направлением дела на новое рассмотрение лишь в части. Для рассмотрения жалоб по отдельным доводам, либо очевидным доводам – не обязательно и проводить открытые судебные заседания с вызовом сторон. Чем выше инстанция, тем больше возможности принять решение по поступившим жалобам в закрытых заседаниях (то есть заседаниях, в которые стороны не вызываются). Однако, в этой части Конституционный суд Чехии обращает внимание (и последнее время последовательно отменяет судебные решения) на то, что вызов сторон и рассмотрение жалоб с их участием обязательно, если в процессе рассмотрения будут представляться и оцениваться доказательства. В этом смысле чешский уголовный закон будет еще претерпевать изменения, как считает автор, сокращая основания для проведения таких заседаний, поскольку само по себе не предоставление возможности высказать отношение к рассматриваемым доводам любой из сторон уголовного судопроизводства, неизбежно поражает эту сторону в правах на справедливое разбирательство¹.

Список использованных источников

1. Fenyk J., Císařová D., Gřivna T. a kol. Trestní právo procesní – 7. aktualizované vydání. – Praha: Wolters Kluwer, 2019.

¹ См., например: Nález Ústavního soudu I.ÚS 55/04 ze dne 18. 8. 2004 / NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky: // URL: <http://nalus.usoud.cz/Search/GetText.aspx?sz=1-55-04> (Дата доступа: 11.11.2021); Nález Ústavního soudu I.ÚS 1135/17 ze dne 1. 11. 2017 / NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky: // URL: <http://nalus.usoud.cz/Search/GetText.aspx?sz=1-1135-17> (Дата доступа: 11.11.2021).

А. Г. Харатишвили,

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета,
СПбГУ

Е.Е. Михайлова,

старший преподаватель,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

В статье рассматривается проблема соблюдения законности и сохранения охраняемой законом тайны при проведении осмотра мобильных средств связи, предлагаются пути решения посредством получения судебного решения на проведение мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Ключевые слова: электронный носитель информации, осмотр предметов, осмотр мобильных средств связи, тайна телефонных и иных переговоров, ограничение конституционных прав граждан.

Anton G. Kharatishvili,

PhD. in Law, Associate Professor
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor of
the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of
St. Petersburg State University;

Ekaterina E. Mikhajlova,

senior lecturer, Department of criminal procedure, faculty of training
investigators, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH THE LAW WHEN CONDUCTING AN INSPECTION OF MOBILE COMMUNICATION FACILITIES

Summary: the article deals with the problem of compliance with the rule of law and the preservation of legally protected secrets during the inspection of mobile communication facilities, suggests solutions by obtaining a court decision to carry out measures that restrict the constitutional rights of citizens.

Keywords: electronic media, inspection of objects, inspection of mobile communications, secrecy of telephone and other negotiations, restriction of constitutional rights of citizens.

Практически у каждого современного человека есть электронные устройства, и лица совершившие преступление - не исключение. На сегодняшний день, смело можно констатировать, что противоправные

деяния оставляют за собой не только материальные следы, но электронные. Если раньше необходимая для доказывания информация содержалась преимущественно в субъективных источниках, обусловленных наличием у человека внимания и памяти, либо в объективных материальных следах произошедшего, то развитие научно-технической сферы привело к появлению нового – цифрового – вида информации, которая вообще не имеет вещественной формы.

Например, в соответствии с пунктом 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности сотовые телефоны, персональные компьютеры, иные электронные средства связи и коммуникации признаются орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления [1]. По преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков масштабно используются новые технологии: системы виртуальной автоматической телефонной связи, интернет-мессенджеры, сервисы однократных сообщений, системы моментальных электронных платежей и криптовалюта - цифровое платежное средство, которое имеет неповторимый код транзакции, препятствующий копированию и обеспечивающий абсолютную анонимность владельца [2].

В 2012 году Федеральным законом от 28.07.2012 №143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) были внесены первые изменения, в которых появилось упоминание об электронных носителях информации в контексте вещественных доказательств (в ч. 4 ст. 81, ст. 82 УПК РФ) и приложений к протоколу следственного действия (в ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

Новаторский подход законодателя выразился и в определении особенностей изъятия электронных носителей информации в ходе обыска и выемки путем добавления ч. 9.1 в ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 в ст. 183 УПК РФ. Обязательное участие специалиста, возможность и ограничения копирования изымаемой информации на носитель ее владельца – вот основные положения, которые законодатель установил в новых статьях.

Основные же изменения касались именно носителей виртуальной информации, то есть технических устройств, предназначенных для ее фиксации и хранения. Примечательно, что в пояснительной записке к законопроекту пояснялось, что необходимость прописать механизм работы с электронными носителями вызвана общей задачей обеспечения защиты «предпринимательствующих» субъектов, а также недопущения прекращения ими деятельности в случае безвозвратного изъятия устройств, представляющих важность для деятельности предприятия.

Так или иначе, введение в уголовно-процессуальное законодательство принципиально нового термина – это свидетельство потребности в его пояснении и закреплении.

В 2016 году тенденция на внедрение электронных носителей информации в уголовный процесс утвердилась путем введения ст. 81.1 УПК РФ. Части 1 и 4 этой статьи позволяли использовать электронные носители информации в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Однако затем, со стороны главы государства, последовало предложение по усилению ответственности сотрудников правоохранительных органов за необоснованное преследование бизнеса, что привело к тому, что уже в 2018 году возможность изъятия электронных носителей у субъектов предпринимательской деятельности была существенно ограничена при отсутствии веских оснований (ч. 4.1 ст. 164, ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ) [3]. Кроме того, положения об изъятии электронных носителей информации были выделены из состава ст. ст. 182 и 183 УПК РФ, согласно которым изъятие могло производиться только в рамках обыска или выемки, и расширены до самостоятельной ст. 164.1 УПК РФ [4]. Уже в этой статье ограничение списка следственных действий, в ходе которых могут изыматься электронные доказательства, отсутствует.

Исходя из пояснительной записки к законопроекту, ставшему впоследствии Федеральным законом от 27.12.2018 №533-ФЗ, статья была внесена не для расширения процессуальных возможностей изъятия электронных носителей, а для уравнивания общей направленности законопроекта на защиту предпринимателей от необоснованного уголовного преследования [5]. Однако именно этот шаг привел как к возникновению новых алгоритмов работы с электронными носителями информации, так и к популяризации их использования в доказывании.

Для обеспечения возможности получения следователем электронных данных, существующих в формате виртуальных файлов, уже с 2016 года стали возможными осмотр и выемка электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений в рамках ст. 185 УПК РФ по решению суда [6]. Вместе с тем, получение других видов нематериальных виртуальных данных, не являющихся частью переписки, все еще не урегулировано достаточно детально. Именно поэтому дистанционное изучение общедоступной информации на сайте оформляется обычным следственным осмотром, причем как предметов [7], так и места происшествия – сайта [8].

Под электронным носителем информации, понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведе-

ния информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [9]. Однако, данная дефиниция всё же вызывает вопросы.

Например, Вехов В.Б. в своей монографии обращает внимание на неопределенность рассматриваемого термина, что позволяет считать стиральную или кофемашину, микроволновую печь, телевизор, электронный ключ от домофона или системы зажигания автомобиля [10] электронным носителем информации. Литвинова И.В. предложила ограничить перечень устройств, признаваемых таким носителем, теми устройствами, которые функционально созданы и предназначены для фиксации и хранения цифровой информации [11]. В тоже время судебная практика признает электронными носителями информации USB флеш-накопители, съемные накопители на жестком магнитном диске [12], CD или DVD диски [13].

Поскольку цифровая информация непосредственно связана с ее носителем, её «процессуальное документирование», как правило, происходит через изъятие электронных носителей информации в соответствии с требованиями ст. 164.1 УПК РФ. Данной статьей установлен ряд условий, соблюдение которых позволит в дальнейшем использовать полученные результаты.

Так, одним из условий правомерности изъятия электронного носителя, а также копирования содержащейся на нем является обязательное участие специалиста. Зуев С.В. отмечает, что в качестве таких участников могут выступать не только сотрудники экспертных учреждений, но и системные администраторы, консультанты специализированных магазинов, преподаватели вузов, технические аналитики и иные лица, обладающие познаниями в области обслуживания электронно-технических устройств [14]. Хотя, в принципе специалистом может быть признано даже должностное лицо правоохранительного органа (напр. оперативный сотрудник) при условии наличия подтверждающих документов, что он обладает специальными познаниями в области компьютерных технологий.

Однако из требования о безусловном участии специалиста при производстве СД с электронным носителем информации, есть исключения.

Так, Верховный суд Российской Федерации в апелляционном определении от 12.02.2019 по делу № 205-АПУ19-1 отметил, что привлечение специалиста к изъятию системного блока компьютера не обязательно, если информация, содержащаяся в нём, на месте обнаружения не исследовалась [15], а впоследствии осмотр объекта был проведен должным образом с участием лица, обладающего специальными знаниями.

Анализ судебных решений говорит, что в случае, если изъятие носителя электронной информации не подразумевает под собой каких-либо манипуляций с ним, требующих наличия у сотрудника специальных знаний, участие специалиста не обязательно. Так, Приморский краевой суд признал законным изъятие мобильного телефона без специалиста в рамках обыска [16]. Районный суд города Саранска отметил, что если следователь пользовался обычными функциями просмотра телефона, не прибегая к необходимости поиска и открытия закрытых для общего доступа файлов [17], то участие специалиста не обязательно.

Представляется, что можно согласиться с мнением Бутенко О.С. и Расчетова В.А., что к вопросу о целесообразности участия специалиста при изъятии электронного носителя информации следует подходить индивидуально, с учетом реальных обстоятельств дела. Одно дело – принять в ходе допроса флеш-накопитель от владельца цифровых данных, и совсем другое – изъять с места происшествия автомобильный видеорегистратор, в работе с которым велик шанс уничтожения видеофайлов, которые уже сформированы устройством, но еще не записаны на флеш-память [18].

Говоря об условиях правомерности изъятия электронной информации, следует отметить особую деликатность данного действия при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности. С 2018 года Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, в результате которых появился ряд деяний, при расследовании которых изъятие электронных носителей информации осуществляется в более сложном порядке, поскольку законодатель посчитал данное процессуальное действие мерой, способной привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Среди них можно выделить две категории преступлений: первая – это деяния в сфере собственности, совершенные в области предпринимательской деятельности (ч.1-4 ст. 159, 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ). Вторая – это те преступные действия, которые посягают именно на порядок осуществления экономической и предпринимательской деятельности (ч. 5-7 ст. 159, 171, 171.1, 171.3-172.2, 173.1-174.1, 176-178, 180, 181, 183, 185-185.4, 190-199.4 УК РФ). В таких случаях для изъятия электронных носителей с необходимой информацией необходимо либо наличие соответствующего процессуального документа (постановления о назначении судебной экспертизы в отношении носителя или судебное решение, вынесенное в соответствии со ст. 165 УПК РФ), либо фактические

обстоятельства, свидетельствующие о неправомерности обладания лицом сведений, хранящихся на носителе, возможности использования их для продолжения совершения преступлений или невозможность копирования такой информации в связи с потенциальной угрозой ее сохранности. Важно заметить, что в случае, если изъятие электронного носителя при расследовании перечисленных выше экономических составов преступлений было осуществлено до вступления в силу Федерального закона от 27.12.2018 № 533-ФЗ, то соблюдение введенных им требований не требуется (именно по этому основанию Московским областным судом было отказано в удовлетворении жалобы обвиняемого в апелляционном постановлении от 26.05.2020 по делу № 22К-2169/2020 [19]).

Что касается дальнейшего осмотра и экспертного исследования электронного носителя информации, то Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) признал, что если объект был изъят в установленном законом порядке, то его последующее изучение для получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти устройства, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения [20, с. 52]. Аналогичная практика прослеживается и в других решениях, например, в определении КС РФ от 17.07.2018 № 1955-О. Впрочем, КС РФ не исключает возможности обжалования действий лица, осуществляющего предварительное расследование, в порядке ст. 125 УПК РФ, если они, по мнению заявителя, нарушили его конституционные права (в том числе, право на тайну переписки) [21].

Также, КС РФ, в ходе обоснования законности осмотра электронных носителей информации, ссылается не только на отсутствие необходимости в судебном решении, но и на другие аргументы. В частности, в Определении № 338-О он посчитал, что если в ходе осмотра сотового телефона его владелец сообщил установленный на нем пароль и выразил готовность представить распечатку телефонных соединений, то дальнейший осмотр имеющихся в памяти телефона сообщений и сведений о соединениях следует признать добровольным [22].

Однако, все же, мы полагаем, что сложившаяся, благодаря указанным правовым позициям КС РФ, практика находится в явном противоречии с Конституцией Российской Федерации, согласно которой ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения [23]. В оперативно-розыскной деятельности,

например, этим обуславливается обязательность получения сотрудниками, проводящими оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие вышеуказанные конституционные права, судебной санкции на их проведение, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [24].

Кроме того, в ходе осмотра и изучения электронного доказательства может возникнуть ситуация, когда цифровая информация включает в себя сведения, касающиеся личной жизни лица, у которого она была изъята, а также посторонних людей, не являющихся участниками судопроизводства. Так, в рамках следственного действия следователь может получить доступ к таким данным, стандартная процедура получения которых включает в себя наличие судебного решения. Например, на электронном носителе могут содержаться сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, в то время как такие данные могут выдаваться только их получателям и отправителям [25], в то время как для лиц, не являющихся уполномоченными работниками оператора связи, предусмотрен судебный порядок получения разрешения на ознакомление с подобной информацией. Искусственное «преодоление» необходимости получения судебного решения за счет сокрытия реальной цели изъятия переписки вопреки согласию ее владельца под видом проведения обыска или осмотра места происшествия вызывает ряд вопросов в части соблюдения вышеуказанного конституционного права на сохранение личных сообщений и отправлений в тайне. Заслуживает внимание позиция Обидина К.В., где он в своей статье предлагает введение особой системы санкционирования судом доступа к личной информации о гражданах, подлежащей защите [26].

Сложность заключается в том, что до ознакомления и исследования объекта нельзя с уверенностью сказать, является ли та или иная информация общедоступной, так как в отношении некоторых видов данных установлен режим ограниченного доступа. Среди ученых существует точка зрения, согласно которой любое столкновение с электронной информацией требует предварительного запроса судебного разрешения на ее изучение ввиду опасности нарушения прав и свобод граждан.

На наш взгляд, следует исходить из принципа разумности, основываясь на том, имелись ли основания предполагать, что среди изымаемых цифровых сведений есть информация ограниченного доступа. Скажем, если рабочий компьютер в офисе не использовался для личных целей и по своему назначению не предполагает наличие в себе

инных сведений, кроме как интересующих следствие, то предварительное получение судебного решения на его осмотр не требуется. Однако изучение личного мобильного устройства, скорее всего, приведет к необходимости исследования журнала вызовов, сообщений, различных мессенджеров и приложений, то есть конфиденциальной информации. Получение судебного разрешения на осмотр такого носителя позволит с уверенностью говорить о наличии веских оснований для вмешательства со стороны следователя в личную жизнь владельца устройства.

Некоторые исследователи предлагают рассмотреть возможность введения процедуры получения судебного решения на исследование сведений, относящихся к информации ограниченного доступа, «постфактум», то есть уже после их осмотра и понимания характера содержимого. Такой вариант тоже заслуживает внимания, поскольку он не будет провоцировать излишнее, не вызывающееся реальной необходимостью, повсеместное направление следователем в суд ходатайств о разрешении проведения осмотров электронных доказательств. С другой стороны, после исследования суд в полной мере изучит вопрос законности и обоснованности доступа следователя к персональной информации, а в случае нарушения конституционных прав владельца информации примет решение об оценке допустимости таких доказательств.

Таким образом, отсутствие необходимости получения судебного решения для изучения информации, содержащейся на электронном носителе, при том, что при производстве, допустим, оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации», получение такого решения необходимо, вызывает ряд вопросов относительно соблюдения права лица на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которое значительно ограничивается действиями следователя в нарушение требования ст. 23 Конституции Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из СПС «Консультант-Плюс»
2. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред.от 02.07.2021) «О связи». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 06.07.2016 №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

4. Федеральный закон от 27.12.2018 №533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Пояснительная записка к законопроекту №593998-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7> (дата обращения: 14.06.2021).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 № 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2018 № 1955-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидака Константина Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 164 и статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2019 по делу № 205-АПУ19-1 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/9D1R86dN2cx1/> (дата обращения 01.06.2021).
11. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 28.10.2019 по делу № 22-4430/2019 22К-4547/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xgcVluYg4INg/> (дата обращения 01.06.2021).
12. Апелляционное постановление Смоленского областного суда от 29.06.2020 по делу № 1-36/2020 22-468/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8VfgxoHUvUmq/> (дата обращения: 01.06.2021).

13. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 15.06.2020 по делу № 22-1032/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iDtIWJgHT0Im/> (дата обращения: 01.06.2021).
14. Приговор Ленинского районного суда г. Саранск от 05.02.2020 по делу № 1-12/2020 1-332/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WCU67oXCNB5N/> (дата обращения: 01.06.2021).
15. Приговор Поронайского городского суда Сахалинской области от 18.05.2020 по делу № 1-69/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pYF3qFQPQ4J5/> (дата обращения: 01.06.2021).
16. Приговор Караидельского районного суда Республики Башкортостан от 22.05.2020 по делу № 1-34/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z8ffBrKvJTZW/> (дата обращения: 01.06.2021).
17. Приговор Полярнинского гарнизонного военного суда Мурманской области от 29.05.2020 по делу № 1-5/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3VV4ZtspqS5w/> (дата обращения: 01.06.2021).
18. Приговор Кулундинского районного суда Алтайского края от 29.05.2020 по делу № 1-54/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4Z8oeCX9BpWs/> (дата обращения: 01.06.2021).
19. ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст). М.: Стандартиформ, 2014.
20. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М., 2018.
21. Бутенко О. С., Расчетов В. А. Актуальные вопросы изъятия электронных носителей информации // Наука, образование и культура. 2017. № 8(23). С. 44-46.
22. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4(11). С. 46-50.
23. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; ответственный редактор С. В. Зуев. Москва, 2020.

24. Литвинова И. В. К вопросу о понятии электронных доказательств в уголовном процессе // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / Отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2020. С. 163-170.
25. Обидин К. В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. №11 (120). С. 198-206.
26. Путин поручил ужесточить наказание за необоснованные проверки бизнеса. [Электронный ресурс] // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/577fd90a9a79474b3e7803de> (дата публикации: 08.07.2016. Дата обращения: 14.06.2021)

О. Ю. Цурлуй

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
Российский государственный университет правосудия
(Центральный филиал)

О ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В ОНЛАЙН ФОРМАТЕ

Изменения, которым подверглось за прошедший год уголовное судопроизводство, вызывают необходимость корректировки классических тактических методов и приемов. Сущность криминалистической тактики не утрачивает своей значимости, но должно эффективно внедряться в цифровую среду в целях сохранения эффективности. Однако, изменение условий применения криминалистической тактики с сохранением сферы ее использования, влечет потребность изменения ее содержания.

Ключевые слова: тактика, суд, судебное разбирательство, допрос, доказательства, технические средства связи

ON THE TACTICAL FEATURES OF THE JUDICIAL INVESTIGATION IN THE ONLINE FORMAT

Olesya Yu. Tsurluy

PhD in Law, Associate Professor,
Lecturer of Department of forensic expertise and criminalistics
Russian state university of justice (Central branch)

Summary: The changes that criminal proceedings have undergone over the past year brought necessity to adjust the classic tactical methods and techniques. The essence of forensic tactics does not lose its significance, but must be effectively implemented in the digital environment in order to maintain efficiency. However, changing the conditions for the use of forensic tactics while maintaining the scope of its use, entails the need to change its content.

Keywords: tactics, court, trial, interrogation, evidence, technical means of communication

Рассмотрение дел с использованием компьютерных технологий не является новшеством и для России. Судебные заседания по уголовным делам достаточно часто проходят с дистанционным, то есть посредством видеоконференц-связи, участием осужденных или следственно-арестованных лиц, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, начиная с 2000 года, то есть ровно 20 лет.

Напомним, что Постановлением Президиума Верховного суда России от 08.04.2020 г. № 821 (с изменениями, внесенными 29.04.2020 г.) в п. 5 рекомендовано судам при наличии технической возможности

с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания по делам (материалам) безотлагательного характера с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации. Для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

21 апреля 2020 г. Верховный суд РФ провел первый судебный процесс по делу № 60-КГ20-2 в онлайн формате. Судебное заседание продолжалось чуть меньше часа и его можно посмотреть в YouTube. Дело рассматривала коллегия ВС РФ по гражданским спорам – судьи А. Кликушин, Ю. Москаленко и Т. Назаренко. Судьи, в медицинских масках находились в зале судебных заседаний на ул. Поварской г. Москвы, стороны – у себя дома (в разных городах России и часовых поясах).

В последующем федеральные суды по всей стране начали рассматривать дела, используя мессенджер WhatsApp посредством видеозвонков, разумеется, с согласия сторон. Прецеденты имели место в Свердловской области [1] при рассмотрении дела об административном правонарушении, в Вологодском областном суде [2], который удовлетворил ходатайство потерпевшего об участии в судебном заседании посредством использования мессенджера WhatsApp. Суд субъекта рассматривал апелляционную жалобу гражданина, осужденного судом первой инстанции по ст. 161 УК РФ.

Следует отметить, что арбитражные суды активно рассматривают дела онлайн. К участию в судебном онлайн-заседании допускаются только пользователи, имеющие учетные записями, подтвержденные в единой системе идентификации и аутентификации. Получение соответствующих учетных записей осуществляется в порядке, предусмотренном Правилами использования федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утвержденными постановлением Правительства РФ от 10.07.2013 г. № 584 [3]. Лицо, участвующее в деле в формате онлайн, равно как и его представитель, подает в арбитражный суд ходатайство, заполняя соответствующую электронную форму в информационной системе «Мой Арбитр», прикладывая к ходатайству копию

паспорта. Представителю лица необходимо приложить к ходатайству помимо копий паспорта и диплома, копию доверенности или иного документа, подтверждающего полномочия о представлении интересов участника. Для подключения к Онлайн-заседанию необходимо использовать интернет-браузер Google Chrome. Иной специальной программы не требуется.

Изложенное подтверждает отлаженную процедуру проведения онлайн судебных заседаний по рассмотрению арбитражных дел.

Следует отметить безусловные преимущества судебных заседаний в онлайн формате с позиции процессуальной экономии. В частности, наличествует возможность обеспечения допроса свидетелей, специалистов, экспертов, явка которых непосредственно в суд затруднена теми или иными обстоятельствами, что позволит обойтись без неоднократных отложений судебного разбирательства и существенно сократит срок рассмотрения дел. Судопроизводство посредством онлайн формата сократит судебные расходы, в том числе расходы самих участников процесса.

Несмотря на очевидные преимущества судебных разбирательств в онлайн формате, нельзя не остановиться на проблемных аспектах.

Наиболее значимой проблемой, с которой сталкивается суд при допуске к участию в судебном заседании лица посредством видеоконференц связи, на наш взгляд, является идентификация участника процесса.

За истекший период с момента внедрения возможности рассмотрения дел онлайн, суды применяли следующие способы идентификации:

1. Сопоставление лица с демонстрируемым им паспортом. К такому способу прибегли судьи Верховного суда РФ при первом рассмотрении вышеупомянутого гражданского дела № 60-КГ20-2 в онлайн формате. Председательствующий попросил стороны назвать полные фамилию имя отчество и показать в камеру документ, удостоверяющий личность.

2. Использование программного обеспечения, позволяющего производить распознавание лиц по элементам и признакам внешности, например, на основе нейросетей. Данный опыт имел место в Московском городском суде 02 июня 2020 года, когда впервые состоялось онлайн заседание по рассмотрению апелляционной жалобы по делу об административном правонарушении, с использованием биометрической системы распознавания лиц на основе нейросетей, совместного пилотного проекта с компанией «Крок». Обученные нейросети могут распознать человека по фотоснимку, загруженному в базу данных. При этом достаточно 30% видимости лица, т.е. распознавание возможно

при смене прически, наличии медицинской маски и т.д. Видеопоток постоянно анализируется во время заседания. «Если освещение хорошее, а человек сидит лицом к камере, корректность распознавания лиц равна 98%», – отметил Андрей Болотов, руководитель по работе с корпоративными клиентами компании «Крок» [4]. Подключение участников к сервису видеоконференцсвязи суда осуществилось после авторизации на портале судов общей юрисдикции столицы.

3. Идентификация участников судебного разбирательства возможна на сегодняшний день через портал Госуслуг, в котором зафиксированы персональные данные граждан.

Подводя итог, отметим, что корректная идентификация участников судопроизводства возможно при создании учетной записи, привязанной к portalу Госуслуг, на сайте суда, а также установке в судах программного обеспечения по распознаванию лиц по элементам и признакам внешности на основе нейросетей. Данная процедура вполне реально, однако требует материальных затрат и времени.

Второй, не менее важной проблемой рассмотрения судами дел с применение телекоммуникационных технологий является, на наш взгляд, тактика. Наиболее актуальна данная проблема для рассмотрения уголовных дел.

Напомним, что криминалистическая тактика представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по производству предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов производства следственных и процессуальных действий, направленных на доказывание по делу, установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [5, С. 453]. Содержание криминалистической тактики дает возможность «использования закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации, и разработку допустимых путей использования результатов проявления этих закономерностей на всех уровнях деятельности по доказыванию» [6, С. 24].

С функциональной стороны криминалистическая тактика – средство регулирования взаимоотношений участников уголовного судопроизводства. Под тактическим приемом понимается рекомендованный криминалистикой наиболее эффективный в данной ситуации способ действия либо линия поведения лица, осуществляющего доказывание, направленный на оптимизацию расследования, судебного следствия и/или производства отдельных следственных и процессуальных действий [7, С. 132].

Тактическая рекомендация – это научно обоснованный, апробированный практикой совет по оптимизации выбора для применения в типовых следственных ситуациях технических средств, тактических приемов и методов собирания, изучения и оценки криминалистически значимой информации [7, С. 134].

Исходя из определения и фактического содержания тактического приема и рекомендации, на наш взгляд, представляется проблематичным использование таковых при проведении судебного заседания онлайн. Обусловлено это тем, что сложно следить за поведением лица, в отношении которого тактические приемы применяются через монитор компьютера или экран. Более того, тактические приемы могут не оказать должного эффекта на лицо, которое воспринимает зал суда через экран. Взаимодействие между участниками судебного заседания, проводимого в формате онлайн имеют совершенно иную природу, нежели живое общение. Общение затрудняется техническими условиями и характеристиками, а также восприятием людей друг друга через экран или монитор. Возникает сложность с демонстрацией доказательств, в том числе предъявлением документов.

В ходе судебного разбирательства, согласно главе 37 УПК РФ, допустимо производство практически всего спектра предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных действий. Вместе с тем, представляется невозможным производство освидетельствования, либо предъявления для опознания с использованием онлайн формата. Проблематичным, но допустимым в определенных ситуациях полагаем производство посредством видео-коференц связи очной ставки либо перекрестного допроса. Однако, эффективность указанного следственного действия в такой ситуации будет значительно ниже.

Поскольку в ходе судебного разбирательства уголовных дел наиболее востребованным следственным действием является допрос, полагаем его проведение с использованием телекоммуникационных технологий возможно с минимальным отрицательным эффектом. Но далеко ни во всех ситуациях. По нашему мнению, допрашивать онлайн допустимо только нейтральных свидетелей, показания которых несут общую информацию по делу.

Допрос ключевых свидетелей, показания которых подтверждают или опровергают виновность лица, необходимо проводить в зале судебного заседания с применением всех необходимых тактических приемов и рекомендаций.

Аналогичный подход следует применять при допросе эксперта и специалиста. При необходимости допроса эксперта или специалиста,

заклучения которых могут существенно повлиять на исход дела, при возникновении сомнений в выводах эксперта, необходимости уточнения существенных для решения вопроса о виновности/ невиновности лица сведений, указанных участников процесса необходимо допрашивать лично в зале суда.

В пользу такого подхода говорит отнюдь негипотетическая ситуация нахождения «за кадром» лица, которое может повлиять на показания допрашиваемого свидетеля, эксперта, специалиста. Проверить данный факт проблематично.

В заключении отметим, что на сегодняшний день в судебной практике широко применяется онлайн формат судебных заседаний? как по видеоконференц-связи, так и с помощью веб-связи.

Внедрение подобного формата с использованием технологий требует разработки соответствующего регламента для суда и участников процесса, с фиксацией категории дела, доступного для онлайн рассмотрения, порядка подачи заявления на удаленное участие в судебном заседании, способа обмена документами и видеоматериалами между участниками процесса и представления материалов суду, а также возможности ознакомления с материалами дела онлайн, требования к техническому обеспечению участников.

Список использованных источников

1. <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokomentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/>
2. http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1725
3. <https://fasuo.arbitr.ru/node/16134>
4. https://zasudili.ru/news/mosgorsud-vpervye-provel-onlayn_zasedanie-s-raspoznavaniem-lits/
5. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
6. Баев О.Я. К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики / О.Я. Баев // Воронежские криминалистические чтения. 2013. № 15. С. 18-40.
7. Криминалистика: Учебник / под. ред. Е. П. Ищенко. М., 2011.

И. Н. Чеботарева

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет,

И. В. Ревина

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет,

О. С. Пашутина

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В НОРМАХ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1922-2001 Г.Г.)

Статья посвящена исследованию становления и развития феномена отказа от субъективного права в уголовно-процессуальном законодательстве советского и российского периодов. Отстаивается позиция, согласно которой, несмотря на то, что отказ от права – достаточно новое явление для уголовно-процессуальной доктрины, его законодательное регулирование имеет достаточно богатый исторический опыт. Авторы формулируют вывод о том, что отказ от права, как одно из проявлений диспозитивности уголовного судопроизводства, получил наибольшее закрепление в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что естественным образом обусловлено установлением разумного подхода в соотношении публичных и частных начал в современной уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс; диспозитивность уголовного судопроизводства; отказ от субъективного права; права участников уголовного процесса

Irina N. Chebotareva

Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
South-West State University, Russia

Irina V. Revina

Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
South-West State University, Russia

Olesya S. Pashutina

Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
South-West State University, Russia

THE GENESIS OF THE PHENOMENON OF REJECTION OF SUBJECTIVE LAW IN THE NORMS OF THE SOVIET AND RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION (1922-2001)*

Summary: The article is devoted to the study of the formation and development of the phenomenon of refusal of subject law in the criminal procedure legislation of the Soviet and Russian periods. The position is defended, according to which, despite the fact that the refusal of the right is a fairly new phenomenon for the criminal procedure doctrine, its legislative regulation has a fairly rich historical experience. The authors conclude that the refusal of the right, as one of the manifestations of the dispositivity of criminal proceedings, has received the greatest consolidation in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which is naturally due to the establishment of a reasonable approach in the ratio of public and private principles in modern criminal procedure.

Keywords: criminal procedure; dispositivity of criminal proceedings; refusal of subjective law; rights of participants in criminal proceedings.

Отказ от субъективного права представляет собой осознанный и мотивированный акт участника уголовного судопроизводства, преобразующийся в конкретную форму поведения; это выражение нежелания лица обладать и/или пользоваться принадлежащим ему социальным благом. Феномен отказа от права (являющийся сферой наших научных интересов) представляет собой одно из проявлений диспозитивности современного уголовного судопроизводства, характеризуемого установлением разумного подхода в соотношении публичных и частных начал в уголовно-процессуальной деятельности. При диспозитивном регулировании субъект имеет возможность не только реализовать принадлежащее ему субъективное право, но также и воздержаться

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858

от его реализации (в противном случае право называлось бы обязанностью). Субъекты права свободны в совершении (или несвершении) действий, направленных на использование права, поскольку они находятся в рамках дозволенного поведения. Реализация субъективного права происходит путём совершения определённых действий либо воздержания от их совершения, в целях получения материального или нематериального блага, по поводу которого возникло правоотношение.

Отказ от субъективного права - новая для российской уголовно-процессуальной доктрины категория, исследование которой невозможно без тщательного осмысления предпосылок его возникновения, поскольку «вне исторического контекста... невозможно понять ... современность. ... научное исследование правовых явлений и процессов не может ограничить себя их состоянием лишь на данный момент «наличного» существования, поскольку будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии» [4, с. 109].

Феномен отказа от субъективного права прошел длительный и непростой путь своего исторического развития, что было обусловлено тем, что на протяжении многих десятилетий прошлого века уголовный процесс в нашей стране по идеологическим причинам представлял собой исключительно сферу публичных интересов, в которой личности отводилась скромная роль. Господствующая идеология признавала верховенство государственной и общественной заинтересованности, превалирующей над интересами отдельной личности, а диспозитивность определяла как свободу распоряжения личностью своими материальными и процессуальными правами, но под контролем и при активной помощи суда, прокуратуры, других органов государства, общественных организаций и контроле суда [2, с. 9].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК 1922 г.) был принят 25 мая 1922 года третьей сессией ВЦИК девятого созыва. Он представлял собой важнейший итог судебной реформы того периода. Идеологическое видение диспозитивности, естественно, отражалось в нормах принятого закона. Однако, несмотря на то, что в нем ярко проявлялась подмена интересов гражданского общества интересами государства, «построение» УПК 1922 г. на единой платформе с Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее - УУС), способствовало тому, что некоторые закрепляемые им институты все же были основаны на диспозитивности. В частности, в нем нашел отражение старейший институт российского процессуального законодательства – институт частного обвинения, в основе которого лежит волеизъявление частного лица привлечь к уголовной ответ-

ственности своего обидчика [3, с. 155], от реализации которого он мог и отказаться. В соответствии со ст. 10 УПК 1922 г., дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 103, ч. 1 ст. 157, 172, 173, 174, 175 Уголовного кодекса, возбуждались не иначе, как по жалобе потерпевшего и подлежали прекращению в случае примирения его с обвиняемым, которое допускалось только до вступления приговора в силу[9]. Государство могло в дальнейшем вмешаться в частные дела, но только в случае, если прокуратурой было бы признано необходимым вступление в дело в целях охраны публичного интереса.

УПК 1922 г. была уготована недолгая жизнь. Уже 31 октября 1922 г. IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее - ВЦИК), заслушав доклад Народного Комиссариата Юстиции (далее - НКЮ) по проекту о судостроительстве, предлагаемые Комиссией поправки к проекту, постановила поручить Президиуму ВЦИК и НКЮ переработать Уголовно-процессуальный кодекс [7]. И уже 15 февраля 1923 г. ВЦИК принимает Постановление об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее - УПК 1923 г.). УПК 1923 г., по сути, представлял новую редакцию УПК 1922 г., вследствие чего положения, касающиеся института частного обвинения, не претерпели существенных изменений (лишь самоуправство - ст. 103 УК было исключено из категории дел частного обвинения) [8]. Сохранялось и право государства на вмешательство, в связи с которым исключалась возможность прекращения уголовного дела в случае примирения потерпевшего с обвиняемым (ст. 10).

27 октября 1960 г. был принят новый УПК РСФСР (далее – УПК 1960 г.), в ст. 27 которого также нашел отражение перечень дел так называемого частного обвинения, т.е. дел, возбуждение и прекращение которых во многом определялось волеизъявлением потерпевшего, которому предоставлялось право решать, необходимы ли ему в связи с причинением морального, физического или имущественного вреда уголовно-правовые меры защиты своих интересов [10]. Существенным отличием было то, что примирение уже допускалось только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

В УПК 1960 г. также сохранилась преемственность и в разрешении вопроса об инициировании уголовного преследования частно-публичного обвинения (ст. 11 УПК 1922 г., ст. 11 УПК 1923 г., ч. 2 ст. 27 УПК 1960 г.), права, от реализации которого потерпевший мог отказаться. В дальнейшем весь накопленный позитивный опыт предшествующих десятилетий в данной части вобрал в себя и УПК РФ 2001 г.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет нам говорить о том, что, в ряде случаев, некоторые проявления отказа

от субъективного права, законодатель формулирует в виде отдельных прав участников процесса. К таким, в частности, можно отнести:

1) право участника давать показания на родном языке. Несмотря на то, что в нормах УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 г.г. не содержалось прямого указания на право участников процесса давать показания на родном языке, оно предполагалось. Так, например, в ст. 22 УПК 1922 г. (равно, как в ст. 22 УПК 1923 г.), закреплялось положение о том, что производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения конкретной местности, а в случае, если участники процесса не владеют языком, на котором ведется судопроизводство, суд обязан приглашать переводчиков. Кроме того, любые бумаги и заявления участниками процесса могли подаваться участниками процесса на их родном языке, если было удостоверено, что эти лица не владеют языком, на котором ведется судопроизводство. В УПК 1960 г. это право было уже более конкретизировано: так, в ч. 2 ст. 17 указывалось на то, что участвующим в деле лицам обеспечивается право давать показания на родном языке. В то же время, как показывает анализ УПК 1960 г., применительно к нормам, закрепляющим процессуальный статус участников, данное право не получило самостоятельного закрепления. Данный пробел был устранен российским законодателем и в УПК РФ он прямо указывает – «... вправе... давать показания на родном языке или языке, которым он (*участник процесса – прим авт.*) владеет» (п. 6 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ; п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). В контексте отказа от субъективного права, обладание таковым представляет собой законодательное разрешение на право отказа от него;

2) право потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Учитывая, что данное право может быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства, незаявление участником процесса ходатайства, необходимого для реализации права, равноценно отказу от него. Данный механизм содержался в УПК 1960 г. (в соответствии с ч. 2 ст. 200, следовательно знакомил потерпевшего или его представителя с материалами дела только в случае их устного или письменного ходатайства об этом), аналогичное положение закрепляет и ч.1 ст.216 УПК РФ;

3) право отказаться от защитника. До принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятия новых уголовно-процессуальных кодексов в республиках Союза ССР (в частности, УПК 1960 г.) обвиняемый мог иметь защитника лишь после предания его суду (ст. 254 УПК 1922 г., ст. 250 УПК 1923

г.). Защитник либо назначался народным судьей (если участие было обязательно), либо избирался подсудимым по соглашению. При этом в законе не находило отражение прямое закрепление права подсудимого отказа от защитника. Лишь в дальнейшем оно стало отличительной особенностью УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 52, обвиняемый в любой момент был вправе по собственному волеизъявлению отказаться от защитника, если на это не было правовых препятствий (т.е. участие защитника при производстве по уголовному делу не было обязательным). Право отказаться от защитника предоставляет и современный российский законодатель, при этом дополнительно оговаривая, что отказ от защитника заявляется в письменном виде, а в случаях, указанных в законе, об этом делается отметка в протоколе соответствующего следственного действия (ч. 1 ст. 52 УПК РФ). На возможность обвиняемого отказаться по собственной воле от права на защиту и недопустимость его навязывания впоследствии неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркивая значимость отказа от субъективного права в данном случае.

Кроме того, проявление отказа от субъективного права современный законодатель формулирует и в виде права свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, давать показания (п.1 ч.4 ст. 56 УПК РФ). Действительно, по своей сути, оно также равноценно праву отказаться от права не свидетельствовать против себя и своих родственников. Однако данное положение закона, в отличие от рассмотренных выше, по «возрасту» значительно меньше. Как мы знаем, новый взгляд на отношение «государство-личность» появился в России в 90-х годах XX века, что было обусловлено началом формирования в стране правового государства и появлением концепции самоограничения публичной власти, расширения прав и свобод личности. Российская Федерация, взяв курс на реформирование социальной, экономической, политической и правовой систем общества, законодательно закрепила институт свидетельского иммунитета в Конституции 1993 года. В дальнейшем, как нам известно, конституционные положения нашли отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Наметившая тенденция к ограничению репрессивных начал уголовно-процессуальной деятельности естественным образом легла в основу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В свою очередь, УПК РСФСР 1922 года не содержал ни положения, согласно которому свидетель был только вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга и иных близких родственников, ни положения о его праве давать такие показания, отказавшись

от предоставленной законом привилегии. В ст. 64 УПК 1922 г. лишь содержалось прямое указание на то, что свидетель был обязан явиться по вызову правоприменителя и сообщить все известное по делу, а также давать ответы на предлагаемые ему следователем, судом и сторонами вопросы, а в качестве свидетелей не могли быть вызваны и допрошены только защитник обвиняемого, выполняющий обязанности по делу, и лица, которые в виду своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания (ст. 65 УПК 1922 г.). Аналогичные положения содержал и переработанный УПК 1923 года: законодатель отразил их в ст.ст. 60, 61. Данный подход впитал в себя и УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 73, свидетель был обязан явиться по вызову правоприменителя и дать правдивые показания, сообщив все известное ему по делу и ответив на поставленные вопросы. Да, «привилегия молчания» долгое время в советском законодательстве обходилась стороной, так как это противоречило идеологии, уголовной политике, чью сущность составляла ее односторонняя направленность на обслуживание и выражение интересов государства, как правило, в ущерб интересам личности, интересы публичности были главным направлением защиты [5, с. 25], обуславливающей доктринальный тезис о преимущественном значении интересов следствия и правосудия при наличии их коллизии с личными интересами. В 40-х годах прошлого века Н.Н. Полянский писал: «Законы, освобождающие от свидетельских показаний супругов и близких родственников, исходят из представления об абсолютной святости брачных и семейных уз. Советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам» [6, с. 93]. Высказанная рядом исследователей в 70-х годах XX века идея о введении в уголовное судопроизводство правил свидетельского иммунитета близких родственников была воспринята как неконструктивная: юридическая общественность в своем большинстве стояла на позиции, что ее законодательное воплощение затруднит установление истины по делу. В этой связи нельзя не признать, что закрепление института свидетельского иммунитета представляло собой значимый шаг на пути укрепления демократических и нравственных начал уголовного судопроизводства и выступило важным средством обеспечения процессуальных прав и гарантий законности и обоснованности вовлечения участников уголовного процесса в сферу уголовного судопроизводства, применения к ним правоограничительных мер.

Несмотря на длительное отрицание роли диспозитивных начал уголовного судопроизводства, спустя много десятилетий после Октябрьской революции, приоритеты защиты интересов государства все же постепенно стали уступать место приоритетам защиты прав и свобод личности, вследствие чего последние естественным образом стали выходить на первый план. Сохраняя обязанность правоприменителя обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, законодатель в значительно большей степени начал полагаться на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов [1, с. 3]. В качестве инструмента разрешения конфликта между государством и личностью в уголовно-процессуальной сфере законодатель стал использовать расширение диспозитивных начал при производстве по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Принятый в 2001 г. УПК РФ подтвердил приверженность России институту правового государства. В отличие от советского периода, когда представители органов государственной власти при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел должны были действовать, прежде всего, в целях охраны и защиты публичных интересов, независимо от волеизъявления частных лиц, современный законодатель существенно минимизировал процессуально-принудительные меры, увеличил объем запретов на ограничение прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. На пути создания реальных условий для того, чтобы каждый участник уголовного процесса, отстаивающий (защищающий, представляющий) свои интересы в деле имел возможность непосредственного влияния на деятельность правоприменителя, сделано им уже немало. К несомненным достоинствам УПК РФ следует отнести такие наполненные диспозитивным началом его положения, как, в частности:

– свидетель сам вправе решать вопрос о том, являться ли ему на допрос с адвокатом или нет (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);

– в соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый вправе с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Воспользоваться ли данным правом, оказывая в дальнейшем содействие следствию в преступлениях, предоставляя следственным органам ценную для них информацию, в обмен на получение возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке и смягчение наказания, или нет – зависит от воли данных участников процесса;

– возможность отказа от права на свидетельский иммунитет при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 N 17-П). УПК РСФСР не регламентировал вопросы заключения досудебного соглашения;

– в соответствии с ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора и, следует отметить, что такое ходатайство подлежит обязательному удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ).

Несмотря на то, что отказ от субъективного права – это все-таки феномен современного уголовного процесса, его зарождение и предпосылки появления имеют глубокие корни. Да, наиболее широкие возможности участникам уголовного судопроизводства по реализации или не реализации принадлежащих им прав, выбору способов их реализации, соответствующих личным интересам и возможностям, предоставляет УПК РФ. Однако нельзя забывать о том, что право может быть не реализовано по обстоятельствам, которые не зависят от воли его обладателя (к сожалению, на практике такие случаи имеют место быть). Именно в этой связи, в целях исключения негативного воздействия на правовое положение личности, требуется дальнейшая разработка совершенного механизма обеспечения прав личности при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Список использованных источников

1. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
2. Евдотьева И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
3. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). С. 155-160.
4. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001.
5. Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дисс. ... д. юрид. наук. Рязань, 2006.

6. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946.
7. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 19.11.1926) "О введении в действие Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Доступ из справочно-правой системы «КонсультантПлюс» по сост. на 10.05.2021 г.
8. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) "Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // Доступ из справочно-правой системы «КонсультантПлюс» по сост. на 10.05.2021 г.
9. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 "Об Уголовно-Процессуальном Кодексе" (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // Доступ из справочно-правой системы «КонсультантПлюс» по сост. на 10.05.2021 г.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Доступ из справочно-правой системы «КонсультантПлюс» по сост. на 10.05.2021 г.

Е.А. Чеснокова,

кандидат медицинских наук, магистр права, доцент,
кафедра организации здравоохранения и медицинского права,
СПбГУ (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: АНАЛИЗ РЕФОРМЫ АДВОКАТУРЫ В ИТАЛИИ

В статье исследуются некоторые современные тенденции преобразования нормативно-правового регулирования рынка юридических услуг. На примере Италии рассматриваются процессы реформирования положений об адвокатуре и адвокатской деятельности. Отмечается общая направленность проводимых реформ на расширение зоны действия адвокатской монополии и одновременно на ужесточение требований к отбору кандидатов на адвокатский статус. Рассматриваются отдельные особенности построения итальянской адвокатуры. Особое внимание в статье уделяется вопросам целесообразности нормативного установления возможности приобретения адвокатом титула специалиста по одной из правовых специальностей. Отмечается, что специализация в адвокатской деятельности в целом отвечает ожиданиям современного рынка юридических услуг, но в отдаленном периоде может нести в себе серьёзные риски понижения качества квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская монополия, специализация в адвокатской деятельности, рынок юридических услуг, адвокатура Италии.

Ekaterina A. Chesnokova,

PhD in Medicine, Master of Laws, Associate Professor,
Department of Health Care Management and Medical Law,
SPbSU, (Saint Petersburg)

ON THE ISSUE OF SOME TRENDS IN THE REFORM OF THE LEGAL SERVICES MARKET: AN ANALYSIS OF THE REFORM OF THE ADVOCACY IN ITALY

The article examines some of the current trends in the transformation of legal regulation of the legal services market. On the example of Italy, the processes of reforming the provisions on the legal profession and advocacy are considered. The general orientation of the ongoing reforms to expand the zone of action of the lawyer monopoly and, at the same time, to tighten the requirements for the selection of candidates for lawyer status is noted. Some features of the construction of the Italian legal profession are considered. Particular attention in the article is paid to the issues of the appropriateness of the normative establishment of the possibility of acquiring the title of a specialist in one of the legal specialties. It is noted that specialization in advocacy generally meets the expecta-

tions of the modern legal services market, but in the long term it can carry serious risks of lowering the quality of qualified legal assistance.

Keywords: advocacy, lawyer monopoly, legal services market, specialization in advocacy, advocacy of Italy

В последние годы в российской юридической литературе достаточно много внимания уделяется различным аспектам реформирования действующего нормативно-правового регулирования с целью повышения качества предоставляемых населению юридических услуг и укрепления в обществе авторитета адвокатуры как независимой самоуправляемой корпорации, объединяющей высококвалифицированных специалистов в области права. Стоит отметить, что катализатором к уже имевшейся между представителями юридического сообщества дискуссии стал проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи [11], подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации.

Одним из наиболее обсуждаемых в отечественной доктрине вопросов является потребность в совершенствовании процессов профессиональной подготовки будущих адвокатов и порядка доступа их к профессии. Ю.С. Пилипенко отмечает важность тщательной проверки подготовки претендентов на приобретение адвокатского статуса в целях обеспечения высокого качественного уровня оказываемой адвокатами юридической помощи [9]. Отдельными авторами высказывается убеждение в том, что совершенствование нормативно-правового регулирования обучения и прохождения экзаменационных испытаний должно быть направлено не только и на повышение качества подготовки претендентов в целом и на снижение числа претендентов, имеющих низкую мотивацию к профессии, но и на противодействие устоявшейся в некоторых регионах практике создания организационных и финансовых барьеров на пути к получению адвокатского статуса [7].

Особое внимание в отечественной правовой доктрине в последние годы уделяется и вопросам адвокатской монополии [4; 13]. Так, в частности, отмечается, что необходимость введения адвокатской монополии во всех судебных процессах обусловлена недостаточно высоким профессионализмом лиц, которые систематически занимаются оказанием юридических услуг [12], и что введение адвокатской монополии на судебное представительство необходимо для распространения единых стандартов оказания профессиональной юридической помощи на все юридическое сообщество [10]. Однако в правовой доктрине встречаются и точки зрения, обосновывающие, в первую очередь, с позиций экономических критериев, нецелесообразность и не-

своевременность указанного нововведения для Российской Федерации [2; 14; 17].

Но наиболее спорным вопросом для отечественной правовой науки и юридической практики следует считать проблему целесообразности нормативного закрепления специализации адвокатов, которая, не смотря на её актуальность, внимание к ней Министерства юстиции РФ, а также активное её обсуждение в юридических кругах, представляется недостаточно изученной отечественной правовой доктриной. Сторонники специализации ссылаются, обычно, на опыт Германии, где система специализации с годами приобрела большую популярность среди адвокатов, а перечень областей, по которым адвокат может получить титул специалиста, за 25 лет увеличился с 6 до 22 [6]. Однако стоит отметить, что далеко не все европейские государства стремятся перенять столь успешный опыт и закрепить в национальном нормативно-правовом регулировании институт специализации адвокатов.

В попытке найти ответы на указанные выше вопросы об ужесточении правил допуска к адвокатской профессии, установлении адвокатской монополии и введении специализации в адвокатской деятельности российские учёные вполне резонно обращаются к опыту зарубежных государств с целью прогнозирования возможных социальных эффектов введения данных институтов в нашем государстве [3; 8; 15; 16]. В данной статье будут рассмотрены особенности становления указанных институтов в Италии, а также доктринальные комментарии проводимых в Итальянской республике реформ.

Основным нормативным актом, регулирующим адвокатскую деятельность в Италии, является Закон № 247 «Новая дисциплина регулирования профессии адвоката» от 31 декабря 2012 года, вступивший в силу 2 февраля 2013 года (далее- Закон № 247) [24]. Данный закон устанавливает правовые основы организации адвокатуры и адвокатской деятельности Италии.

Указанная реформа во многом направлена на установление более строгих условий отбора кандидатов в адвокаты и обеспечение доступа в профессию наиболее достойных, их дальнейшую квалификацию и специализацию [1].

Согласно ч. 3 ст. 2 Закона № 247 условием для осуществления адвокатской деятельности является регистрация в территориальном реестре адвокатов. В реестре могут быть зарегистрированы лица, имеющие высшее юридическое образование, подтвержденное дипломом бакалавра или магистра в области юриспруденции и успешно сдавшие

государственный квалификационный экзамен в соответствии со ст. 46 Закона № 247, лица, успешно сдавшие квалификационный экзамен для допуска к осуществлению адвокатской профессии до вступления в силу Закона № 247, штатные преподаватели университетов, не менее пяти лет преподававшие юридические дисциплины, а также лица, исполнявшие ранее функции судей судов общей юрисдикции, военных, административных и счётных судов или функции Государственных адвокатов, если прекращение исполнения указанных функций не связано с дисциплинарными мерами в их отношении. При этом данные лица в течении первых двух лет не могут осуществлять адвокатскую деятельность на территории тех административных округов, где они выполняли профессиональные функции в течении четырёх последних лет до прекращения ими деятельности.

В соответствии со ст. 17 Закона № 247 для включения в территориальный адвокатский реестр необходимо: 1) иметь гражданство Италии или гражданство страны – члена Европейского Союза; 2) успешно сдать квалификационный адвокатский экзамен; 3) иметь место профессиональной деятельности в округе территориальной компетенции суда, в котором находится Совет адвокатского ордена; 4) пользоваться всеми гражданскими правами; 5) не осуществлять никакой профессиональной деятельности, несовместимой с профессией адвоката в соответствии со ст. 18 Закона № 247; 6) никогда не подвергаться заключению под стражу; 7) не быть осуждёнными за преступления указанные в пункте 3-бис статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса (В пункте 3-бис статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса указаны, в частности, следующие преступления: Преступное сообщество; Объединения мафиозного типа, в том числе, иностранные) и предусмотренные статьями 372, 373, 374, 374-бис, 377, 377-бис, 380 и 381 Уголовного кодекса Италии (Ст. 372 Дача ложных свидетельских показаний, ст. 373 Ложная экспертиза или ложный перевод, ст.374 Процессуальное мошенничество, ст.374-бис Ложные заявления или подтверждения в документах, направляемых судебным властям или в международный уголовный суд, ст.377 Препятствие правосудию, ст.377-бис Побуждение к отказу от дачи заявлений или к даче ложных заявлений судебным властям, ст.380 Нечестная защита или консультирование и ст.381 Другие нарушения защитником или техническим консультантом); 8) вести безупречный образ жизни в соответствии с канонами, предусмотренными адвокатским Кодексом профессиональной этики. Согласно ч. 2 ст. 17 лицо, не имеющее гражданства страны – члена Европейского Союза, может быть зарегистрировано в территориальном адвокатском реестре при усло-

вии, если оно имеет диплом о высшем юридическом образовании, полученный в итальянском университете и успешно выдержало государственный квалификационный адвокатский экзамен, либо лицо, получившее статус адвоката в одном из государств-членов Европейского Союза в соответствии с Директивой 98/5/ЕС Европейского парламента и Совета от 16 февраля 1998 г. [5]. Кроме того, включение в территориальный реестр для иностранных граждан, получивших статус адвоката в государстве, не являющемся членом ЕС, возможно в пределах квоты на основании Законодательного декрета от 25 июля 1998 г. № 286 (ст. 3, § 4), при наличии признания Министерством юстиции Италии адвокатского статуса претендента и при наличии сертификата о прохождении соответствующего теста, выданного Национальным советом адвокатов Италии.

Для лиц, завершающих получение высшего образования по юриспруденции, условием допуска к квалификационному экзамену на присвоение статуса адвоката является прохождение стажировки продолжительностью не менее 18 месяцев под руководством адвоката, зарегистрированного в реестре адвокатов в течении не менее 5 лет. Допускается прохождение части стажировки, не превышающей 12 месяцев, при Государственной адвокатуре, при юридическом отделе государственной организации или при суде. Также засчитывается прохождение в течении 6 месяцев стажировки в другом государстве-члене Европейского Союза. Прохождение стажировки возможно после получения диплома о высшем юридическом образовании, а также во время учёбы на последнем курсе университета при условии, если университет заключил соответствующее соглашение с Территориальным орденом адвокатов. После 6 месяцев прохождения стажировки и при условии наличия диплома о высшем юридическом образовании стажёр допускается к участию в судебных заседаниях, в том числе, вместо адвоката-куратора, но в любом случае под его контролем и ответственностью. Стажёр адвоката может осуществлять представительство по гражданским делам в трибуналах и мировых судах, осуществлять защиту при производстве по уголовным делам, подсудным мировому суду, а также по ряду иных уголовных дел по преступлениям небольшой тяжести. По окончании стажировки претендент допускается к квалификационному экзамену на статус адвоката. Экзамен проводится при Апелляционном суде, на территории округа которого была пройдена большая часть стажировки.

Для участия в судебном производстве в вышестоящих судах, согласно ст. 22 Закона № 247, адвокат должен быть зарегистрирован в

специальном реестре. Заявление о внесении в указанный в реестр подаётся в Национальный совет адвокатов. Претендент на момент подачи заявления должен быть зарегистрирован в территориальном адвокатском реестре в течении не менее 5 лет, а также должен успешно сдать экзамен на допуск к осуществлению адвокатской деятельности в Кассационном суде и иных вышестоящих судах в соответствии с Законом № 1003 от 28 мая 1936 года [22] и Королевским декретом № 1482 от 9 июля 1936 года [26]. Кроме того, включение в специальный реестр возможно также для адвокатов, зарегистрированных в территориальном адвокатском реестре не менее 8 лет, прошедших обучение в Высшей школе адвокатуры при Национальном совете адвокатов и успешно прошедших выпускное испытание перед комиссией, состоящей из членов Национального совета, профессоров университетов, адвокатов и судей Кассационного суда [27].

Кроме того, Италия, с принятием указанного закона сделала ещё один шаг в сторону укрепления адвокатской монополии. Законом № 247 устанавливается адвокатская монополия на представительство по гражданским делам и защиту по уголовным делам во всех судебных органах, включая арбитраж. Кроме того, ч. 6 ст. 2 Закона № 247 предусматривается, что и не связанное с судебным производством консультирование и сопровождение физических и юридических лиц по юридическим вопросам, если оно осуществляется на постоянной основе, систематично и организовано, относится к компетенции адвокатов.

В качестве одного из наиболее интересных направлений реформирования адвокатской деятельности в Италии следует отметить закрепленное в законе 2012 года положение о специализации, в соответствии с которым адвокаты могут получить титул специалиста или эксперта по одной из правовых специальностей, перечень которых утверждается Регламентом министра юстиции, принимаемым с учетом мнения Национального совета адвокатов. Указанным Регламентом также утверждается порядок приобретения титула адвоката-специалиста. Согласно ч.2 ст. 9 Закона № 247, получить титул адвоката-специалиста можно после прохождения не менее чем двухгодичного курса повышения квалификации по избранной специальности или при достижении необходимого стажа адвокатской деятельности в соответствующем секторе. Курсы повышения квалификации проводятся на базе юридических факультетов университетов, заключивших соответствующее соглашение с Национальным советом адвокатов или с территориальным Орденом адвокатов. Что касается получения титула специалиста на основании достижения необходимого стажа в соответствующем

секторе, ч. 4 ст. 9 устанавливает следующие требования к претенденту: наличие как минимум восьмилетнего непрерывного стажа общей адвокатской практики и подтверждение осуществления в последние пять лет адвокатской деятельности в секторе запрашиваемой специализации при условии, что данная деятельность должна иметь преобладающий и непрерывный характер. Согласно ч. 8 ст. 9, адвокаты, являющиеся штатными профессорами университетов, могут указывать имеющуюся у них научную специальность.

Во исполнение положений ст. 9 Закона № 247 уполномоченным органом исполнительной власти был принят Регламент министра юстиции № 144 от 12 августа 2015 года «Регламент, содержащий положения о присвоении и поддержании титула адвоката-специалиста в соответствии со ст. 9 закона № 247 от 31 декабря 2012 года» (опубликован в Газетта уфичиале 15.09.2015) [20], однако ряд его положений вызвал активную дискуссию и недовольство в профессиональном сообществе. В дальнейшем в результате постановленного в первой инстанции административным судом Лацио судебного акта, поддержанного во второй инстанции Государственным советом Италии [18], положения указанного Декрета были на длительный период заблокированы (В мае 2019 года Государственный совет дал отрицательное заключение по проекту поправок). Интересно отметить, что относительно уголовной и административной специализации адвокатов Государственным советом было указано на то, что как в юридической доктрине, так и в практической деятельности можно выделить относительно автономные уголовно-правовые и административно-правовые направления, которые следует выделить в качестве автономных секторов специализации аналогично тому, как были выделены гражданско-правовые направления [26]. 19 декабря 2019 года Государственный совет издал положительное заключение относительно проекта изменений в Декрет № 144 от 12 августа 2015 года [22]. Предлагаемые поправки направлены, в первую очередь, на актуализацию перечня специализаций с учётом данных, полученных в результате анализа данных о текущей ситуации с предложением и спросом на рынке правовых услуг [29; 30]. Так, в частности, устранён дисбаланс в пользу гражданско-правовых специализаций и учтены направления, обусловленные развитием новых технологий (Все специализации подразделены на три основные группы: гражданское право, административное право и уголовное право. Внутри эти групп с учетом существующего спроса выделены наиболее важные направления. Так, например, группа специализаций уголовно-правовой направленности дополнена такой специализацией, как Право

в сфере информации в сети Интернет и в сфере новых технологий). Также упрощена процедура получения титула адвоката-специалиста [30; 33]. Однако в июне 2020 года представители нескольких ассоциаций адвокатов обратились к Министру юстиции с очередной просьбой пересмотреть некоторые положения Декрета. В частности, представители профессионального сообщества выразили свое несогласие с тем, что титул адвоката-специалиста присваивается на основании научного титула по соответствующей специальности, а также на основании диплома магистратуры II уровня по специальности, корреспондирующей одной из указанных в перечне [31; 32].

Представляется, что сложность и длительность описываемых процессов реформирования, равно как и сопряжённая с ними острая дискуссия между представителями профессионального сообщества относительно порядка присвоения титула специалиста и определения списка правовых специальностей сами по себе уже являются признаками особой актуальности и своевременности принятия решений, направленных на постепенный отказ от традиционной универсальности и становление всё более узких специализаций в адвокатской профессии. Так было отмечено, что в ожидании окончательного решения относительно вопроса специализации коллегии адвокатов уже прилагали все усилия, чтобы подготовить почву для последующих изменений, а отдельные профессиональные ассоциации начали все в большей степени ориентироваться на проведение учебных курсов, направленных на формирование узкой правовой специализации, что лишь доказывает тот факт, что текущий процесс реформирования является наиболее очевидным индикатором реальной и практической необходимости, проявляющейся независимо от действующего нормативного регулирования [25].

Новая дисциплина специализации адвокатов была введена Декретом министра юстиции № 163 от 1 октября 2020 года [21]. В соответствии с указанным Декретом, устанавливается 13 секторов специализации адвоката: гражданское право; уголовное право; административное право; трудовое право и право социального обеспечения; налоговое, таможенное и международное налоговое право; международное право; право Европейского союза; транспортное и судоходное право; конкурентное право; информационное и цифровое право, защита персональных данных; семейное право; защита прав человека; спортивное право. Следует отметить, что специализация может быть получена не более, чем по двум вышеуказанным секторам. При этом в секторах гражданского права, уголовного права и административного права вы-

делены так называемые направления специализации. Так, например, уголовный адвокат может получить специализацию по следующим направлениям: преступления против личности; преступления против государственного управления; окружающая среда, урбанистика и строительство; экономические преступления; организованная преступность и меры её профилактики; уголовно-исполнительное право; информационное уголовное право, интернет и новые технологии.

Опубликование указанного Декрета было позитивно воспринято Национальным советом адвокатов Италии. Так, в частности, президентом Национального совета адвокатов Марией Мази было отмечено, что вступление в силу данного Декрета станет важным шагом для развития адвокатуры, для процесса квалификации адвокатов и для граждан, у которых появится больше критериев для выбора правового консультанта и защитника [34].

В целом неизбежность и необходимость перехода к узкой специализации неоднократно подчёркивалась и в доктринальных трудах итальянских правоведов [25].

Однако высказываются и отдельные опасения и предостережения. Так, в частности, в доктрине указывается на необходимость контроля над ситуацией в целях недопущения того, что как молодые адвокаты, так и их более опытные коллеги, будучи убеждёнными в том, что дальнейшая судьба выбранной ими профессии лежит в строгих рамках полученной специализации, будут сознательно ограничивать себя в повышении квалификации и совершенствовании своих профессиональных навыков в жёстких рамках избранного узкого специального направления, что в целом негативно скажется на качестве оказываемой ими юридической помощи. Более того, как отмечается данными авторами, сознательный уход в узкую специализацию будет иметь своим последствием ограниченность и даже в определённой мере «тупость» мышления специалиста, уже неспособного применять воображение и решать сложные юридические задачи в контексте всей системы права, пусть и в высшей степени комплексной, но всегда сохраняющей свою унитарность [19].

Подводя итог, можно сказать, что проведённый сравнительно-правовой анализ позволил выявить основные тенденции реформирования адвокатуры и адвокатской деятельности в Италии, выраженные в стремлении к ужесточению условий допуска к профессии, укреплению адвокатской монополии и смещению вектора от общей к всё более узкой специализации адвокатов. В целом можно констатировать, что итальянское адвокатское сообщество, адаптируясь к требованиям, ко-

торые выдвигает перед ним текущая экономическая ситуация и ожидания потребителей юридических услуг, уверенно избирает курс на те преобразования, которые можно сейчас наблюдать и в других европейских странах. Данный опыт может быть интересен и для отечественного законодателя. Сложно поспорить с тем, что закрепление в действующем регулировании рынка юридических услуг норм, направленных на создание более эффективных механизмов подготовки специалистов и унификации требований к качеству предоставляемой юридической помощи потенциально может способствовать повышению уровня юридических услуг, что в конечном итоге благотворно скажется в целом на развитии государства и общества, повышении конкурентоспособности государства. Однако на пути реформ необходимо учитывать национальные реалии, а также тщательно анализировать не только достижения, но и ошибки, совершённые зарубежными законодателями и правоприменителями. Ценным будет и дальнейшее изучение зарубежной правовой доктрины и, в частности, мнений зарубежных правоведов относительно возможных долгосрочных социальных эффектов проводимых реформ.

Список использованных источников.

1. Адвокатура и адвокатская деятельность 3-е изд., испр. и доп. Учебник для вузов. Под ред. А.А. Клишина, А.А. Шугаева. М., 2021.
2. Верещагин А.Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. № 2.
3. Гладкова А.Д. Адвокатская деятельность в Испании // Science Time. 2014. № 10 (10).
4. Громов И.А., Добрынин П.М., Косарев И.А., Рагулин А.В. К вопросу об оценке обоснованности доводов против введения «Адвокатской монополии» в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29).
5. Директива 98/5 /ЕС Европейского парламента и Совета от 16 февраля 1998 г, направленная на упрощение допуска к постоянному осуществлению адвокатской деятельности в одном из государств-членов ЕС, отличном от того, где была получена квалификация. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1998/5/oj> (дата обращения: 21 сентября 2020г.)
6. Доклад исполнительного директора ФПА Германии Вероники Хоррер на Круглом столе на тему "Специализация адвокатов" с участием представителей Федеральной палаты адвокатов Германии и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Москва, 03 декабря 2015 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Специализации адвоката (fparf.ru) (дата обращения: 18.06.2021).
7. Макушкина Е.Э. Некоторые проблемы профессиональной подготовки адвокатов и сдачи квалификационного экзамена в свете ре-

- формы рынка юридических услуг // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12).
8. Пенизев М.В. Формирование адвокатской монополии во французской Республике // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107).
 9. Пилипенко Ю.С. Адвокатура сегодня // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 12 (40).
 10. Попова Д.Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4.
 11. Проект Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи» (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
 12. Руднева Ю.В., Мавринская Т. В. Перспективы введения адвокатской монополии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 11-3.
 13. Смирнов А.И., Королева Е.В. Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации // Юридическая наука. 2020. № 4.
 14. Соловых С.Ж. Институт квалифицированной юридической помощи как гарантия доступности правосудия // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18).
 15. Соловьева Ю.И. Некоторые особенности регулирования правового статуса адвоката в России и Франции // Евразийская адвокатура. 2015. № 6 (19).
 16. Хохлов Д.К., Бантуров А.Н. Взгляд на стандарты оказания юридических услуг в некоторых демократических странах и России // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52).
 17. Шапран Н. В., Панченко В. Ю. Ещё раз об адвокатской монополии // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 414-419.
 18. Consiglio di Stato, sez. IV, sentenza n. 5575/17; depositata il 28 novembre URL: http://www.dirittoegiustizia.it/allegati/16/0000079303/Consiglio_di_Stato_sez_IV_sentenza_n_5575_17_depositata_il_28_novembre.html (дата обращения: 27 июня 2021г.).
 19. Conte G. Riforma forense e «specializzazione» degli avvocati. Электронный ресурс. URL: <https://www.consiglionazionaleforense.it/documents/20182/278747/2013-02+I-> (дата обращения: 27 июня 2021г).
 20. D.M. 12 agosto 2015, n. 144 Regolamento recante disposizioni per il conseguimento e il mantenimento del titolo di avvocato specialista, a norma dell'articolo 9 della legge 31 dicembre 2012, n. 247 (GU n.214 del 15-9-2015) URL:

- <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2015/09/15/15G00157/sg> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
21. D.M. 12 dicembre 2020, n. 163 Regolamento concernente modifiche al decreto del Ministro della giustizia 12 agosto 2015, n. 144, recante disposizioni per il conseguimento e il mantenimento del titolo di avvocato specialista, ai sensi dell'articolo 9 della legge 31 dicembre 2012, n. 247. (GU n.308 del 1-12-2020) URL: http://www.ordineavvocatifirenze.eu/wp-content/uploads/2020/12/20201212_308.pdf (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 22. Il parere del Consiglio di Stato n. 3185/2019, reso in ordine allo Schema di decreto del ministro della giustizia avente ad oggetto: "regolamento concernente modifiche al decreto del ministro della giustizia 12 agosto 2015, n. 144, recante disposizioni per il conseguimento e il mantenimento del titolo di avvocato specialista, ai sensi dell'articolo 9 della legge 31 dicembre 2012, n. 247".
 23. Legge 28 maggio 1936, n. 1003. Norme per la iscrizione nell'albo speciale per il patrocinio davanti alla corte di cassazione ed alle altre giurisdizioni superiori. URL: http://www.edizionieuropee.it/LAW/HTML/33/zn59_04_005.html (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 24. Legge n. 247 del 31 dicembre 2012 (pubblicata in Gazzetta Ufficiale n. 15 del 18 gennaio 2013).
 25. Petrone C. L'avvocato in Italia oggi: prospettive per rimanere in vita. TAGETE 2 Year XXIII - 2017 URL: <https://www.appuntinews.it/specializzazioni-forensi-associazioni-in-campo-controla-riforma-ministeriale/> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 26. Priamo Siotto. Come cambia l'avvocato, le nuove specializzazioni e le opportunità del mercato. Reformista. 23.07.2021. URL https://www.ilreformista.it/come-cambia-lavvocato-le-nuove-specializzazioni-e-le-opportunita-del-mercato-237264/?refresh_ce (дата обращения: 28 июля 2021 г.).
 27. R.D. 9 luglio 1936, n. 1482. Norme per l'attuazione della legge 28 maggio 1936, n. 1003, sul patrocinio davanti alle giurisdizioni superiori. URL: http://www.edizionieuropee.it/LAW/HTML/33/zn59_04_006.html (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 28. Regolamento CNF 20 novembre 2015, n. 1 Regolamento ai sensi dell'art. 22 della legge 31 dicembre 2012, n. 247 sui corsi per l'iscrizione all'Albo speciale per il patrocinio davanti alle giurisdizioni superiori URL: <https://www.consiglionazionaleforense.it/documents/20182/51917/REGOLAMENTO+20+novembre+2015/e6c52594-6865-4822-9853-40c4ae54531a> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 29. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2015/09/15/15G00157/sg> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
 30. URL: <https://www.betaimprese.com/formazione/come-diventare-avvocato-specialista-iter-facilitato/> (дата обращения: 27 июня 2021г.).

31. URL:
https://www.diritto24.ilsole24ore.com/art/guidaAlDiritto/dirittoCivile/2020-06-04/specializzazioni-forensi-associazioni-campo-contro-riforma-110620.php?refresh_ce=1 (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
32. URL: <https://www.appuntinews.it/specializzazioni-forensi-associazioni-in-campo-contro-la-riforma-ministeriale/> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
33. URL: <https://www.lentepubblica.it/cittadini-e-imprese/specializzazione-avvocati-consiglio-di-stato/> (дата обращения: 27 июня 2021г.)
34. URL <https://www.consiglionazionaleforense.it/web/cnf-news/-/741732> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Материалы XIII-й Международной конференции
«Становление и развитие научного уголовно-процессуального
и криминалистического знания (XIX–XXI века)»,
24–25 июня 2021**

Часть 1

Подписано в печать 13.05.2022.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>